

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакцію Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

В. И. Ламанскаго

и члена-сотрудника **Н. Н. Виноградова**

Выпускъ II

Годъ XVII

1908

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка 117.

1908.

НАСТОЯЩАЯ КНИЖКА

„Живой Старины“

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ИГНАТИЮ ВИКЕНТЬЕВИЧУ

ЯГИЧУ.

(1838 — 1908).

ОТДѢЛЪ I.

Лингвистическія замѣтки по славянскимъ языкамъ.

1. русск. високосный.

Въ Извѣстіяхъ XII, 2, 224 я допустилъ, слѣдуя Matze-
paner'у, Cizi slova 369 и Шипманову, Сб. народн. умотвор. IX
593, что слово високостъ, високосный изъ *βισεxтoс* по-
лучилось путемъ народно-осмыслительнаго сближенія съ вы-
сокъ. Я долженъ сознаться, что и тогда эта этимологія мнѣ
не казалась особенно убѣдительною, но тѣмъ не менѣе, за не-
имѣніемъ лучшей, я рѣшился включить ее въ свою статью.
Тѣмъ болѣе пріятно мнѣ теперь предложить болѣе рѣшительное
объясненіе. Дѣло въ томъ, что изъ лат. *bissexтus* (о кото-
ромъ Körtling³ 167 и 168) заимствовано греч. книжное *βισεxтoс*,
которое вслѣдствіе народнаго осмысленія въ сторону *ѣxтoс*
въ народномъ языкѣ получило форму *βисеxтoс*, (примѣры см.
G. Meyer Ngr. St. III 15). Изъ этой послѣдней формы заим-
ствовано румынск. *visect* (ошибочно Körtling³ 168), затѣмъ
ср.-болг. *висекто* (см. Mi LP 64, Et. Wb. 392), русск. ви-
сектосъ, висектъ, (напр. Георг. Амарт. 134, см. Срезнев-
скій I, 263), алб. *visék* (см. G. Meyer Alb, Wb. 473, вопреки
мнѣнію котораго алб. *bištek* < *bišect* должно быть признано
неносредственнымъ заимствованіемъ изъ лат. языка), малорусск.
висектовый, см. Пискуновъ, Словарь малорусск. яз.² 36. Всѣ
эти формы вполне понятны и не нуждаются въ разъясненіи.

Вопреки обыкновенному положенію дѣлъ менѣе ясны русскія
слова, заимствованныя изъ литературнаго *βισεxтoс*; къ нимъ я
теперь и перехожу: древнѣйшей формой заимствованія изъ этого
источника на русской почвѣ слѣдуетъ признать русскій *висо-*
костъ. Эту форму мы находимъ въ Новг. Кормч. 1820 г.

р. 564, Псалт. 1296 г. (см. Срезневскій, I, 264) затѣмъ: Патр. Θεοστίριкт. 29; Бесѣдѣ о Царьградѣ, Сборн. отд. русск. яз. и слов. LI, 25 и др.,—значить безъ сомнѣнія въ эпоху, когда судьба глухихъ гласныхъ на русской почвѣ уже была рѣшена (см. Соболевскій Лекціи⁴ 46 сл.). Разъ же дѣло обстоитъ такъ, то для установленія болѣе древней формы этого слова въ русскомъ языкѣ необходимо прибѣгнуть къ комбинаціямъ: изъ греч. βρεχτός согласно „законамъ заимствованій“ (о чемъ М. Фасмеръ, Извѣстія XII, 2, 201) должно было получиться *висекзста. Послѣ измѣненія т, ъ > о, е въ закрытыхъ слогахъ это слово должно было измѣниться въ *висекость, откуда прилагательное *висекостаный (< *висекзстанъ), откуда чрезъ ассимиляцію гласныхъ звуковъ (о чемъ Соболевскій Лекціи⁴ 90 сл.)—високостаный (примѣры см. Срезневскій, I, 264). Звукъ т въ такомъ положеніи долженъ былъ исчезнуть (см. Соболевскій Лекціи⁴ 112 сл.); такимъ образомъ получилось современное високосный, а затѣмъ вновь образованное отъ него високосъ (см. Даль I² 506).

2. Новообразованія отъ собирательныхъ на —икъ.

Въ другомъ мѣстѣ (Извѣстія XII, 2, 215) я уже отмѣтилъ цѣлый рядъ славянскихъ заимствованій изъ греческаго языка, изъ которыхъ можно заключить о широкомъ распространеніи на почвѣ средне-греческаго языка такъ назв. augmentativa на—α, образованныхъ вновь отъ уменьшительныхъ образованій на—ι(ον). При помощи этого явленія, дѣйствительно, устраняется цѣлый рядъ затрудненій, возникавшихъ при обсужденіи заимствованій, и я, въ общемъ, не вижу необходимости отказываться отъ своихъ объясненій¹⁾. За то необходимо обратить вниманіе на нѣсколько заимствованій, которыя не объясняются изъ ряда augmentativныхъ образованій на—α; сюда относятся напр. русск. лѣнта, манта и др. Сочетаніе нт въ этихъ словахъ заставляеть думать, что они заимствованы книжнымъ путемъ,—несмотря на то, что они продолжаютъ существовать въ живыхъ говорахъ,—ибо народное ихъ заимствованіе

¹⁾ Только слово κρεβάτιο (с. I.) я прямо объясняю теперь изъ κρεββάτιον, которое въ новогреч. языкѣ сохранилось въ сложныхъ именахъ ἀποκρεββάτιο, Αποργος, Μυλιαρίτης 25, σακκοκρεββάτιο, Rochudi (см. Morosi, Arch. Glott. IV, 1) и проч. см., Thumb JF II 85.

изъ греческаго языка заставило бы ожидать по крайней мѣрѣ формы въ родѣ *ленда, *манда¹⁾. Дѣйствительно, лента нѣтъся въ малорусскомъ языкѣ (см. Żelechowski, 401), за-тѣмъ въ великорусскомъ языкѣ въ значеніи: 1) „тесма, тканая полоса для женскихъ нарядовъ“; 2) „полоса молодого сочнаго луба, продаваемого въ этомъ видѣ“; 3) „головная повязка“, см. Даль II³ 627. Не смотря на отсутствіе въ памятникахъ, слово въ этомъ видѣ существуетъ уже давно; на это указываетъ тотъ фактъ, что изъ русскаго языка оно попало въ финскій, о чемъ свидѣтельствуемъ олон., карельск. *lenta* 1) „ремень“ 2) „рана“, финск. *lintti* „шелковая лента“, вотяцк. *lintti*, эстонск. *lint* „лента“, см. Mikkola Berührungen 39, а изъ карельскаго діалекта снова заимствовано въ русскій языкъ въ видѣ лента „рана“, напр. въ выраженіи: „далъ ленту, попала лента“ (о нанесеніи удара, раны или побоевъ), Новгород. Черепов., Живая Старина III, 3, 384 см. Погодинъ, Извѣстія XII, 3, 336 сл.— Обращаясь къ памятникамъ, мы поражены отсутствіемъ въ нихъ слова лѣнта; за то здѣсь мы находимъ лѣнтине „полотенце“ (изъ старославянскихъ памятниковъ сравни: Zograph. 162, Magianus 371, 15, рядомъ съ лѣнтини, вог. напр. въ Magian. 371, 11; Suprasl, 456, 19; Острог. Ев. Іо. XIII, 4) встрѣчающаеся также въ значеніи „поясъ“, Новгород. тріодъ XIII в. 96, Проксин. Арсенія Суханова 69 и др.²⁾ Это слово совершенно точно объясняется изъ λέντιον (о чемъ Извѣстія XII, 2, 252).

Какъ и въ этомъ случаѣ, совершенно ясна вторичность образованія слова манта. Это слово въ памятникахъ нами не отмѣчено; за то мы встрѣтили слово манътка, Киралл. Туровск., о черн. чин. 112, 114, откуда фонетически „правильно“: ма́нотка > ма́натка (см. Срезневскій I 111 сл.)³⁾ и чрезъ перенесеніе ударенія: ма́натка „рубашка“ Бѣлорусск. гов. см. Извѣстія II, 347; IV 289. Прототипомъ слова манътка слѣдуетъ признавать слово *манта. Рядомъ съ нимъ встрѣчается манътинъ > манотья, Ипатск. Лѣт. 255 (см. Р. Ф. В. XLII, 104). Изъ манотья опять чрезъ ассимиляцію получилось манатя (см. Соболевскій, Русск. заимств. слова 83 и 92), манатя „бѣлье“, малорусск., Кіевск. Старина XXVI 706; манатя

¹⁾ Въ виду измѣненія nt > nd на греческой почвѣ, см. М. Фасмеръ, Извѣстія XII, 2, 214.

²⁾ Срезневскій II 17 приводит слишкомъ мало примѣровъ, при чемъ не раздѣляетъ значеній: „поясъ“ и „полотенце“.

³⁾ Получившееся путемъ ассимиляціи гласныхъ (о чемъ Соболевскій Лекція 4 90 сл.).

„мантія“, Нижегородск., Кирѣевскій, Русск. нар. пѣсни IV 87, „старая поношенная одежда“, Шенкурск., Архангельск., Подвисоцкій 87. Изъ русск. манатка заимствовано польск. *manatki* „всякая старая одежда, рухлядь“, русское же слово восходитъ, какъ уже замѣчено, чрезъ посредство манта къ гр. *μαντίον*, книжной формѣ народнаго *μανδύ*: *μανδύας*, откуда ст.-сл. манѣды (см. Извѣстія XII, 2, 255). Написаніе—*υτ*—здѣсь оправдывается контаминаціей на греческой почвѣ словъ *μαντίλι*, *μανδύ* и *(ἐ)μαντι(ον)* (о первомъ см. G. Meyer, *Ngr. St.* III 42) ¹⁾.—Послѣ этого сопоставленія матеріала, я перехожу къ объясненію формъ лент и манта. Примѣры изъ памятниковъ и фонетическіе признаки показываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ книжными заимствованиями, проникшими въ народный языкъ. Разъ дѣло обстоитъ такъ, то греч. *λέντιον*, заимствованное въ литературной формѣ, должно было дать лентикъ, а греч. *μαντίον*—*манѣтикъ, но въ такомъ видѣ эти слова стали очень похожи на славянскія *collectiva* въ родѣ вѣтвикъ, кореникъ etc. (о кот. *Vondrák*, *Vgl. slav. Gramm.* I 404). Такимъ образомъ „греческое“ окончаніе—*ик* стало восприниматься какъ морфема коллективная и въ виду такихъ отношеній какъ ст.-слав. *оса*: *осикъ*, *лоса*: *лосикъ*, *разга* (*Marian.* 378, 8): *раздикъ* (*Marian.* 378, 12), *розга* (*Savv.* Кн. 27; 102в): *рождикъ* (*Savv.* 27в; 102в; 133в), *рыба*: *рыбикъ*, *вѣна* (см. *Miklošić*, *Lex. Palaeosl.* 123): *вѣикъ* (*Cod. Supr.* 402, 30; 403, 1;) и проч.,—къ законно образовавшимся, мнимо-коллективнымъ лентикъ, манѣтикъ были образованы мнимые прототипы въ видѣ: лентъ, мантъ. Остается объяснить слово манѣтиа, имѣющееся напр. у Пахомія Логовита, Жит. св. Алексѣя 190, Кирила. Туровск. о черн. чин. 110, 112 и проч. (см. еще Срезневскій II 110). Его можно было бы объяснить изъ греч. *ποτ. pl. μαντία*, но въ такомъ случаѣ мы не могли бы понять формы манѣтка, ибо, въ виду скамья: скамейка, статья: статейка къ *манѣтя, слѣдовало бы въ современномъ языкѣ ожидать: *мантейка, очевидно изъ *манѣтьйка. Такъ какъ памятники говорятъ въ пользу манѣтка, а слѣдовательно и мантъ (о кот. см. еще *Miklošić*, *Denkschr. Wien. Ak.* XV 109), происхожденіе котораго мы выяснили, то остается манѣтиа привнать новообразованиемъ. Объясненіе его просто: въ виду существованія отношеній въ родѣ вѣтиа: вѣикъ къ закон-

¹⁾ При чемъ *(ἐ)μαντιον* „vestis“ получилось изъ *ἐμανιον* id. опять чрезъ контаминацію съ другимъ *ἐμαντιον*: *ἐμάν,-υτος* „ремень“.

ному манѣтикъ было вновь образовано слово манѣтина, что привело, какъ мы видимъ теперь, къ исчезновенію первоначальнаго *манѣта въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ (неточно Горяевъ 201, Miklošić, Et. Wb. 183).—Обратное явленіе, образованіе на почвѣ старославянскаго языка новыхъ collectiva, въ силу отношеній въ родѣ джбъ: джбикъ — съ одной, и вѣиы: вѣик, лоза: лозикъ съ другой стороны, мы видимъ въ ст.-сл. панѣтиковстикъ (Fragm. Prag. 18): панѣтиковстинъ (Savv. Kn. 29, 30; см. Извѣстія XII, 2, 271), подръмие (см. Miklošić, Lex. Palaeoslav. 596): подръма изъ ὑπόδρομος, см. Извѣстія XII, 2, 266; наконецъ, въ сербск. *трѣје*: *трѣ* = трѣсъ, о которомъ Извѣстія XII, 2, 283.

3. Минное измѣненіе $\check{c} > c$ въ болгарскомъ языкѣ.

Miletić, Das Ostbulgarische 91 въ описаніе восточно-болгарскихъ говоровъ внесъ особый отдѣлъ о „мѣнѣ $\check{c}$ и c “. Къ сожалѣнію фонетическій „законъ“ у него устанавливается на основаніи одного только примѣра: *čuvai*, и поэтому не выдерживаетъ критики. Чтобы опровергнуть его мѣніе, необходимо принять во вниманіе этимологію слова *чувал*: оно восходитъ, какъ заимствованіе, къ персидско-тур. *džuvai* „Sack aus grober Leinwand“, откуда заимствовано также курдск. *čuvai*, *džuhai*, греч. *τσουβάλι* (см. Miklošić, Denkschr. Wien. Ak. XXXIV, 280). Именно въ такой формѣ слово попало въ болгарскій языкъ, гдѣ „почти всюду“ (см. Miletić с. l.) встрѣчается *човал* „мѣшокъ, обыкновенно изъ козьей шерсти“, см. Дювернуа 2562; Геровъ V, 558, затѣмъ въ русск. *чувал* „шерстяная обшивка“, 2) „очелье съ трубой, кожухъ съ частью трубы“, см. Даль IV², 629, м.-русс. „мѣшокъ“, Želechowski 1078, „широкій нагайскій шерстяной мѣшокъ“, Терск., Сборникъ Ак. Наукъ LXXI, 108 сл.; „мѣшокъ изъ грубаго холста“, Терск., РФВ XLIV, 112, и пр., наконецъ, въ греческій языкъ, въ формѣ *τσαβάλι*, встрѣчающейся уже у Салли-киса, *Ἀφῆγηος παράξενος* v. 343, см. Пападимитріу, Мѣтопись Ист.-фил. общ. Нвр. Унив. VI, 159, *ζιβάλι*, Калабрія, Pellegrini 127, *τσουβάλον*, см. Ducange 1572, *τσουβάλι* „Sack aus grober Leinwand“, напр., *Astypalaia*, Pio 100; *Syme*, *Sporades*, *Δελτίον* VI, 348, сѣв.-греч. *evál'* „idem“, Kretschmer, Lesb. Dial. 86, при чемъ имѣются и derivata этого слова въ ново-греческихъ говорахъ, напр. *τσουβαλάφι* > augmentativum

ταουβαλα, Astypalaia, Ρίο 186. Если теперь въ нѣкоторыхъ изъ восточно-болгарскихъ о-діалектовъ, напр. у гръцоевъ отъ Шумна-Провадіи до Рущука и Бялы встрѣчается форма *cu vá l'*, то эта послѣдняя должна быть признана заимствованной изъ греч. ταουβαλι, на что, кромѣ начального *c*, указываетъ и конечное *l'*, необъяснимое, если предположить, что слово заимствовано изъ турецкаго языка.

Кромѣ этого неудачнаго примѣра, Miletich с. l. 91 указываетъ еще на слово *zakāsvam* < *zakāčvam* (с. l. 91), но здѣсь, какъ и въ цитованномъ тамъ же *svārgzt* < *svārgzt*, имѣются другія условія: присутствіе въ началѣ словъ „свистающаго“ звука повліяло на слѣдующій „шипящій“ ассимилирующимъ образомъ и отсюда лишь звукъ *z*, с перенесенъ на другіе случаи, гдѣ нѣтъ „свистающаго“ въ началѣ слова, какъ напр., *vārgzt*, *pakāsi* и пр. — Въ словѣ *obličam*, наконецъ, Miletich 91 склоненъ видѣть „обратное“ измѣненіе *c* > *č*, ссылаясь на существованіе ст.-сл. *облѣцати* : *облѣшти*. Но здѣсь *č* появилось уже по психологическимъ причинамъ, подъ вліяніемъ словъ въ родѣ *облѣчениіе*.

4. Лошадь.

Слово лошадь давно уже признано турецкимъ заимствованіемъ въ русскомъ языкѣ, см. Мелиоранскій, Извѣстія X, 4, 122 сл., Боршъ, Извѣстія VIII, 4, 45, Arch. sl. Phil. VIII, 648, Miklošić, Türk. Elem. I, 245. Karłowicz, Słownik wyrazów 335. Какъ его источникъ указывается турецк. *alaša*. Затрудненія фонетическаго характера, возникающія при такомъ сопоставленіи до сихъ поръ еще не рѣшены и это обстоятельство заставляеть меня снова затронуть вопросъ объ этимологіи слова лошадь. Если начальный гласный *a* турецкаго слова не сохранился въ русскомъ заимствованіи, то это не должно насъ удивлять: Мелиоранскій с. l. приводитъ цѣлый рядъ случаевъ исчезновенія начального *a* въ Sandhi на русской почвѣ, напр., *лачуга*, *лафа́*; что это явленіе на русской почвѣ было болѣе распространено, чѣмъ это принято думать, мы постараемся въ ближайшемъ будущемъ доказать въ этомъ же журналѣ. Перейдемъ къ главному затрудненію, связанному съ этимологіей разбираемаго нами слова, — окончанію — *адъ*. Какъ показываютъ примѣры изъ памятникоевъ, форму лошадь слѣдуетъ считать сравнительно новой: Боршъ, Archiv VIII, 648 ссылается на лѣтописное: *лошата* и *воли*

(Лѣтоп. II, 227; 1305 г.) и на этомъ основаніи предполагаетъ первоначальное русское лоша. Такимъ образомъ онъ значительно подвинулъ впередъ рѣшеніе этого вопроса: извѣстно, что въ эпоху послѣ исчезновенія въ русскомъ языкѣ носовыхъ гласныхъ, имѣлось склоненіе въ родѣ: *осля*, *осляти* изъ *ослаа*, *ослаати*; подъ него попало заимствованное лоша, къ которому былъ созданъ gen. sing. лошади по образцу *ослы* : *осляти*. Что это *фактъ*, а не *гипотеза*, какъ можно было бы подумать на основаніи замѣчаній Брандта, РФВ XVIII, 34 сл., Miklošić'a, Denkschriften XV, 106, XXXIV, 245, показываетъ современное малорусск. *лошá*, *лошáти*, см. Żelechowski 414.—Послѣ того, какъ въ великорусскомъ языкѣ склоненіе основъ на *t*-подверглось вліянію основъ вокальныхъ, должны были исчезнуть и формы пом. sing. *осля*, *лоша*, *пороса*. Изъ нихъ *лоша*, въ виду того, что среднеязычное произношеніе *ш* въ позднѣйшій періодъ исторіи русскаго языка было невозможно (см. Соболевскій Лекція 4 136 сл.) стояло нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ именъ съ первоначальной морфемой—*et* > *at*- (о кот. Vondrák Vgl. Gr. I, 493) и поэтому не удивительно, что оно, послѣ утраты этихъ склоненій, было замѣнено иначе, чѣмъ напр., *осля*, *пороса*, *жеребя*. Въ то время, какъ отъ послѣднихъ сохранились *deminutiva* *пóросенокъ*, *жеребенокъ* etc. (см. Карскій, РФВ XXII, 179 сл.), отъ *осля* сохранилось ожидаемое въ виду морфологическихъ измѣненій *осляти*; изъ *лоша*, по тѣмъ же соображеніямъ, должно было получиться **лошати*. Но извѣстно, что послѣ X вѣка конечные гласные *з* и *а* уже не существовали въ велико-русскомъ языкѣ (см. Соболевскій Лекція 4 46 сл.), слѣдствіемъ чего было измѣненіе звонкихъ согласныхъ въ концѣ словъ въ соотвѣтствующіе глухіе. Такъ установились отношенія въ родѣ *drúk* : *drúga*, *gár* : *gabá* и проч., сохранившіяся до настоящаго времени (Соболевскій с. l. 119 сл.). Это привело къ тому, что по аналогіи съ *drúk* : *drúga* къ слову *stoř* сталъ образовываться gen. s. *stořbá*, и наоборотъ, по аналогіи *bók* : *bóka* появился gen. s. *t'etrat'i* къ пом. sing. *t'etrat'* (gen. тетрáти, напр. въ Чудесахъ преп. Сергія 75, затѣмъ въ памятникѣ Св. Аеонская гора и Соловецкій монастырь 67; loc. pl. тетратехъ Чуд. св. Сергія 131 и проч.). Точно также въ русскомъ языкѣ получилось *тормосъ* > *тóрмозъ*, изъ греч. *тóρμος*, *дисакъ* > *дисаиз* изъ греч. *δισάκκ(ον)*, напротивъ *игдъ* > *игодъ* > *иготь*, изъ греч. *ἰγδ(ον)* и т. п.

Эти факты проливаютъ свѣтъ на образованіе лошади изъ лошади: первое изъ второго получилось точно такимъ же путемъ, какъ, напр. слово *мези* получилось изъ *меси* (см. M. Vasmer, Festschrift f. Jagić 277).—Такое объясненіе я предпочитаю общепринятому до сихъ поръ мнѣнію, что слово *лошадь* представляетъ изъ себя имя собирательное, превратившееся позже въ „имя единичности“ (такъ Miklošić, Türk. El. I, 245, Меліоранскій, Извѣстія X, 4, 123, Брандтъ, Р Ф В XVIII, 34 сл.). Вѣдь въ русскомъ языкѣ отсутствуютъ образованія, въ родѣ сербск. ждр'ебад, т'еъад и проч.

Наконецъ, необходимо объяснить форму лошади: это—новообразование къ слову *лоша*, по аналогіи слова *иша* < <ešek (см. Schrader Reall. 205).

5. Слонъ.

Въ большинствѣ славянскихъ языковъ, какъ извѣстно, распространено одно и то же названіе слона: ст.-слав. слонъ „elephas“ (засвидѣтельствованное Miklošić'емъ, Lex. Pal. 858 изъ средне-болгарскихъ памятниковъ) русск. слонъ, польск. лужицк., малорусск. слонъ. Отсюда безъ сомнѣнія заимствовано литовск. slapas (см. Miklošić, Et. Wb. 303); но этимологія славянскихъ словъ до сихъ поръ окончательно не выяснена. Schrader Reallexicon 180 sq. предполагаетъ связь слова слонъ съ др.-инд. śli-pada—„Elephantiasis“, что сопряжено съ цѣлымъ рядомъ фонетическихъ затрудненій. Удачнѣе Štrekelj, Zur slavischen Lehnw. 58 sq. считаетъ источникомъ нашего слова турецк. arslan „левъ“. Со стороны значенія здѣсь нѣтъ никакихъ, на мой взглядъ, затрудненій: въ славянской языковой области какъ левъ, такъ и слонъ отсутствуютъ, поэтому перенесеніе названія одного изъ чудовищныхъ животныхъ на другое, столь же неизвѣстное,—не представляетъ ничего удивительнаго. Štrekelj с. l. уже припомнилъ по этому поводу готск. ulbandus, др.-в.-нѣм. olbento, откуда ст.-сл. бѣлабѣжа „camelus“; здѣсь же необходимо имѣть въ виду, что др.-инд. ústga—„буivolъ“ въ болѣе позднее время имѣетъ значеніе „верблюду“, а затѣмъ др.-прусс. weloblundis, заимствованное изъ славянскихъ языковъ (ст.-сл. бѣлабѣжа), имѣетъ значеніе „мулъ“ (см. еще Schrader Reall. 404 sq.). Фонетическія затрудненія, которыхъ не выяснилъ Štrekelj с. l., заставили самого его нерѣшительно высказать эту этимологію

и побудили нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ выразить сомнѣніе по этому поводу. Такъ Ильинскій, Р Ф В LVI 386 сл. замѣтилъ, что: „изъ турецк. arslan, не говоря уже о крайней натянутости значенія, начальное ar—турецкаго слова въ славянскихъ языкахъ должно было бы въ такомъ случаѣ раздѣлить судьбу праславянской группы—ort и—art“. Того же мнѣнія первоначально придерживался и я, хотя это мое сомнѣніе случайно (и—къ счастью, какъ вижу теперь) не проникло въ печать.—Между тѣмъ фонетическія затрудненія рѣшаются на турецкой почвѣ: уже Miklošić, Türkische Elemente I, 13, Nachtrag I, 6; II, 76, 188 сопоставляетъ заимствованныя изъ турецкихъ языковъ названія льва; съ одной стороны изъ arslan получилось сербск. arslan, словинск. ogošlan, ogošlanj, болг. arslan, arslanin, aršlan, gaslanj, вотяцк. arislan, съ другой—изъ турецк. діалектн. aslan заимствованы: алб. aslan, новогреч. ἀσλάνι, болг. aslan, курдск. aslan, м.-рум. aslanu (см. также Rudow, Zeitschr. f. rom. Phil. XVII, 383). Форма съ исчезновениемъ звука г на турецкой почвѣ довольно древняя: ее, напримѣръ, мы находимъ въ Cod. Cuman. 127: astlan. Такимъ образомъ, на мой взглядъ, найденъ и источникъ нашего „слона“, въ турецк. aslan. Štrekelj с. l. 59, причину передачи тур. а чрезъ слав. о видитъ въ неударяемости его въ косвенныхъ надежахъ, а также въ народноэтимологическомъ сближеніи этого слова съ глаголомъ слонити, слонѣти (см. также Брандтъ Р Ф В XXIV 180 сл.)¹⁾. Начальный же гласный а или о исчезъ уже на славянской почвѣ въ Sandhi, точно такъ же, какъ, напр. въ лачуга, лафа, лошадь и др. (см. Меліоранскій Извѣстія X, 4, 122 сл.).

М. Фасмеръ.

¹⁾ Только Брандтъ с. l. ошибочно видитъ въ указаніи Физиолога намекъ на дѣйствительное происхожденіе слова слонъ отъ глагола слонити с. а. Приведенный у него отрывокъ имѣетъ только народно-этимологическое значеніе, чѣмъ оправдывается гласный звукъ о въ словѣ слонъ.

„Егорьевъ день“ въ Смоленской губерніи ¹⁾).

Въ Вяземскомъ уѣздѣ, при первомъ выгонѣ скота въ поле въ день св. Егорія, хозяинъ беретъ икону, хлѣбъ-соль и со всей семьей обходитъ свой скотъ три раза, причемъ всѣ присутствующіе молятся Богу, обративши лицо на востокъ—просятъ св. Георгія Побѣдоносца сохранить ихъ скотину отъ всякихъ напастей. Какъ только скотину выгонятъ за ворота, многія старушки вывертываютъ шубу наружу шерстью, надѣваютъ въ такомъ видѣ шубу и становятся среди своего скота; у какой-нибудь коровы или овцы вырываютъ клочекъ шерсти и эту шерсть запираютъ замкомъ, чтобы волкъ не трогалъ скота.

Въ Порѣчскомъ и Красивискомъ уѣздахъ въ каждомъ домѣ, предъ выгономъ скота, хозяинъ съ хозяйкой зажигаютъ передъ иконами „страстную“ свѣчу, столъ накрываютъ чистою скатертью, кладутъ на него цѣлый круглый хлѣбъ, ставятъ на столъ полную солонку соли и молятся Богу. Потомъ хозяинъ беретъ икону св. Георгія, страстную свѣчу, а хозяйка—хлѣбъ съ солью, и обходятъ на дворѣ кругомъ весь свой скотъ, приговаривая:

„Святой Ягорій батюшка, вдаемъ на руки тѣбѣ свою скотинку и просимъ тебѣ—сохрани яе отъ звѣря лютаго, отъ чело-вѣка лихова“.

Затѣмъ кладутъ на землю подъ ворота замокъ и ключъ: „чтобы пастъ звѣриная была такъ крѣпко заперта, какъ запирается замокъ на ключъ“. А икону ставятъ надъ воротами и выгоняютъ скотъ на улицу, гдѣ пастухъ уже снова обходитъ всё стадо съ иконою Николая Чудотворца, также говоря: „о, святой Никола-батюшка, сдаю на поруки все стадо и прошу тебя—сохрани его отъ звѣря лютаго“. Послѣ этого всѣ гонять

¹⁾ Статья эта находится въ тѣсной связи съ статьей того-же автора въ 1 вып. нашего журнала за текущій годъ.

скотъ въ поле, имѣя въ рукахъ вербы; тамъ хозяйки даютъ пастуху и подпаскамъ сало и яйца, изъ которыхъ они готовятъ тутъ же, въ полѣ, яичницу. Когда яичница бываетъ готова, пастухъ назначаетъ, кому изъ его подпасковъ быть зайцемъ, кому—слѣпымъ, кому—хромымъ, кому—замкомъ и кому—колодой; разставляетъ ихъ всѣхъ кругомъ стада; послѣ этого беретъ приготовленную яичницу и идетъ съ нею, прежде спрашивая у зайца: „Заяцъ, заяцъ, горька ли осина?“

Заяцъ отвѣчаетъ: „Горька!“

— Дай Богъ, чтобы и наша скотинка для звѣря была горька.

Потомъ спрашиваетъ у слѣпого:

— „Слѣпой, слѣпой, видишь ли?“

Слѣпой отвѣчаетъ: „Не вижу“.

— Дай Богъ, чтобы и нашу скотинку не видала звѣринка.

Дальше спрашиваетъ у хромого:

— „Хромой, хромой, дойдешь ли?“

Хромой отвѣчаетъ:

— Не дойду.

— „Дай Богъ, чтобы и звѣринка не дошла до нашей скотинки“.

Дальше спрашиваетъ у замка:

— „Замокъ, замокъ, разомкнешься ли?“

Замокъ отвѣчаетъ:

— Не разомнусь.

— „Дай Богъ, чтобы и у звѣря не разомкнулись зубы для нашей скотинки“.

И наконецъ спрашиваетъ у колоды:

— „Колода, колода, повернешься ли?“

Колода отвѣчаетъ:—Не повернусь!—

— „Дай Богъ, чтобы и звѣрь не повернулся къ нашей скотинкѣ“.

Такимъ порядкомъ пастухъ обходитъ стадо три раза. Послѣ этого всѣ дѣйствующія лица содятся и сѣдаютъ яичницу, а затѣмъ, немного погодя, еще задолго до вечера, пастухъ гонятъ скотъ обратно въ деревню, гдѣ уже на улицѣ начинается пляска, какъ на Радоницѣ.

Въ Порѣчскомъ уѣздѣ, при выгонѣ скота въ первый разъ въ поле, въ день св. Егорья, хозяинъ и хозяйка обходятъ въ хлѣвѣ скотъ съ иконою; потомъ въ ворота хлѣва кладутъ поясъ, сковороду, топоръ, замокъ и косу—и тогда, непременно сами, выгоняютъ скотъ въ поле. При этомъ поясъ означаетъ, что скотина не будетъ отходить отъ дома, какъ поясъ не отходить

отъ тѣла хозяина; желѣзныя вещи означаютъ, что какъ желѣзо нельзя ѣсть, такъ и скоть не можетъ съѣсть никакой звѣрь.

Прогнавши въ поле скоть, каждая женщина бросаетъ на то мѣсто, докуда прогнала скоть, свои прутья, которыми гнала скоть и начинаетъ черезъ нихъ прыгать (не менѣе трехъ, пяти разъ) и старается прыгнуть какъ можно выше. Обычай прыгать черезъ прутья крестьяне объясняютъ двояко: одни говорятъ, что это дѣлается для того, чтобы скотина всегда такъ прыгала, т. е. была всегда здорова и весела, а другіе говорятъ — для того, чтобы ленъ уродился лучше.

На Юрьевъ день женщины пьютъ воду на полѣ; одна у другой срываютъ платки съ головы, дергаютъ одна другую за волосы, приговаривая: „чтобъ у хозяина жито было рослое и густое, какъ волны“.

Скотину выгоняютъ на зарѣ въ ржаное поле непременно вербой, съ которой были въ церкви у заутрени Вербнаго воскресенья; но скотину не оставляютъ въ полѣ, а только перегоняютъ черезъ поле и гонятъ обратно домой.

Этимъ раннимъ выгономъ скотина поручается покровительству св. Георгія, который будто бы рано утромъ объѣзжаетъ поля — и ту скотину, которую застанетъ и увидитъ въ полѣ, бережетъ все лѣто отъ болѣзней и звѣрей. Послѣ обѣдни служатъ молебны на ржаномъ полѣ. При выгонѣ въ первый разъ пастухами скота, пастуховъ одѣляютъ выносами печеныхъ лепешекъ, яицъ, сала. Пастухъ выгоняетъ скоть за околицу; обходя стадо кругомъ, молится на всѣ четыре стороны, кладетъ подъ межу край хлѣба и самъ постится весь день.

Въ Краснинскомъ уѣздѣ, въ полночь подъ Юрьевъ день, 28-го апрѣля, каждый конюшекъ, отправляющійся съ лошадьми на ночлегъ, беретъ съ собой кусокъ хлѣба и яйца и кладетъ все это подъ межу, для того, чтобы лошади были сыты, полны, гладки тѣломъ и цѣлы отъ воровъ.

При выгонѣ въ первый разъ стада пастухами у крестьянъ деревни Линевки, Сычевской волости, Ельнинскаго уѣзда, соблюдается слѣдующій обычай: каждый хозяинъ дома предварительно выгоняетъ весь свой скоть на дворъ, потомъ идетъ въ избу, зажигаетъ передъ иконою страстную свѣчу и съ своей семьей молится Богу. Послѣ этого снимаетъ икону и съ ней на дворѣ обходитъ три раза свой скоть; затѣмъ икону вноситъ въ избу и ставитъ на прежнее мѣсто, и, наконецъ, хозяинъ съ хозяинскою гонятъ скоть въ поле.

Когда выгонять изъ своей деревни скоть въ поле, то всѣ

хозяева, хозяйки и пастухи собираются вмѣстѣ и передъ иконою, которую беретъ съ собою кто-либо изъ хозяевъ, молятся Богу. Потомъ пастухи становятся вокругъ стада, а всѣ остальные, т. е. хозяева и хозяйки, съ иконою обходятъ кругомъ всё стадо, при чемъ останавливаются четыре раза и, при каждой остановкѣ, стрѣлокъ, стоящій поодаль, стрѣляетъ изъ ружья. По окончаніи обхода, всѣ, кромѣ пастуховъ, возвращаются домой, а когда стадо возвратится домой, домохозяинъ кропитъ свой скотъ святой крещенской водой. Весь этотъ день проводятъ праздно.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Ельнинскаго уѣзда на Егорьевъ день хозяйки гонятъ свой скотъ на выгонъ, а одна изъ нихъ несетъ хлѣбъ-соль и образъ святого Георгія. Скотъ устанавливаютъ вокругъ и не даютъ ему расходиться въ разныя стороны. Каждая баба держитъ въ рукахъ вербу, освященную на Вербное воскресенье, и вѣнчикъ, которымъ окропляетъ священникъ святой водой ихъ нивы, служа у нихъ молебенъ на святой недѣлѣ.

Когда соберется весь скотъ, всѣ начинаютъ усердно молиться, прося святого Георгія взять ихъ скотъ подъ свое покровительство; потомъ пастухъ, въ сопровожденіи мальчика, обходитъ скотъ съ образомъ и солью три раза. Помолившись еще разъ, пастухъ гонитъ свое стадо, а бабы идутъ каждая на свою ниву и втыкаютъ вербу и вѣнчикъ въ зелень, чтобы рожь была густая и высокая.

23 апрѣля, день св. Георгія Побѣдоносца, имѣетъ особенное значеніе также и въ распредѣленіи хозяйственныхъ работъ. Если овцы не бывають стрижены до этого дня, то ихъ стригутъ уже послѣ Николина дня (9 мая); прежде 23-го апрѣля не стануть городить изгородей въ поляхъ. Крестьяне говорятъ, что до Егорья „скоту въ полѣ три воли“, т. е. когда и что захочетъ, и въ любомъ мѣстѣ; и еще: „Егорьева роса выкормитъ скотину лучше всякаго овса“, а потому въ этотъ день непременно выгоняють скотъ въ поле, хотя бы не было еще травы, и прежде всего въ поле, засѣянное озимымъ хлѣбомъ.

Въ этотъ же день, избирая время между утреней и обѣдней, сѣютъ разсаду, увѣренные, что посѣянная въ это время разсада непременно будетъ хорошая. Егорій весенній, празднуемый 23 апрѣля, считается старше осенняго, бывающаго 26-го ноября.

Народъ считаетъ св. Георгія повелителемъ волковъ, и если въ суровыя зимы волки размножаются, то значить „св. Егорій ихъ выпустилъ“.

Въ молитвахъ и заговорахъ объ выздоровленіи и возвращеніи скота обыкновенно обращаются къ святому Георгію, къ Честному Лѣса, а также и къ „царю бѣлому (или сѣрому) волку.“

Въ одномъ заговорѣ говорится: „Святой Георгій Побѣдоносецъ и святой Константинъ, на бѣлыхъ коняхъ, имущи въ рукахъ огненные щиты, объѣзжаютъ около нашего скота, милаго живота; бьютъ они, побиваютъ всѣхъ колдуновъ и колдуницъ, еретиковъ и еретицъ, воровъ и воріцъ, звѣрей и звѣрицъ, волковъ и волчицъ, змѣевъ и змѣйцъ“.

А вотъ заговоръ, обращенный къ „Царю-Сѣрому волку:“ — „Есть на свѣтѣ три царя: первый царь—ясный мѣсяцъ въ небѣ, другой царь—черный ракъ въ морѣ, третій царь—сѣрый волкъ въ лѣсѣ. Какъ этимъ тремъ царямъ вмѣстѣ не сходиться, за однимъ столомъ вмѣстѣ не садиться—такъ чтобъ у скотины, такой-то шерсти, такой-то масти, чемери не было.“

Какъ волкъ, такъ и змѣя имѣютъ въ глазахъ знахарей и приверженцевъ старины особое священное, такъ сказать, значеніе.

Если при встрѣчѣ съ волками совѣтуютъ не стрѣлять въ нихъ, а поздороваться съ ними, то такая же вѣжливость рекомендуется и въ обхожденіи со змѣей. А уничтожать ихъ нужно заговоромъ.

Припоминаю то, что мнѣ рассказывала Авдотья Маркова, крестьянка изъ села Данькова. „Наслушавшись отъ матери разныхъ заговоровъ, отправилась я въ лѣсъ, гдѣ водилось много змѣй, наловила тамъ змѣю и спрятала ее за пазуху. Она у меня, прибавляетъ рассказчица, тамъ и издохла!“

Одна знахарка хвалилась: „я какъ гляну на змѣю, такъ она и околѣетъ; отъ этого я не вижу ихъ—яны багуть отъ мяне!“

Особеннымъ почетомъ пользуется у знахарей змѣя дворовая,—значеніе ея такое же, какъ и царя бѣлаго волка въ лѣсу и хозяина домового въ домѣ. „Дворъ безъ дворовой змѣи не можетъ существовать!“ Невольно припоминаются изображенія древнихъ римскихъ домашнихъ боговъ, ларовъ и пенатовъ,—въ видѣ змѣи.

В. Добровольскій.

Малорусская сказка объ убіеніи стариковъ и миѣ о происхожденіи свиньи у туземцевъ Гервеевыхъ оетрововъ.

Всякій, занимающійся народной поэзіей чувствуетъ, что методъ школы заимствованія, созданной Бенфеємъ и Веселовскимъ, далеко не всегда можетъ дать удовлетворительные отвѣты относительно многого, весьма существеннаго. Эта неудовлетворительность создаетъ почву для гипотезы „самостоятельнаго зарожденія“, которая опять таки врядъ ли можетъ всегда оказаться умѣстной. Наряду съ ней антропологи, напр. Эренрейхъ, авторъ интересной работы о фольклорѣ туземцевъ Америки, обращаются къ прансторическому обмѣну и получаютъ на этой почвѣ важные выводы о точкахъ соприкосновенія фольклора Сѣверной Америки и Азіи, Южной Америки и Океаніи, и наоборотъ о довольно значительномъ различіи между фольклоромъ Сѣверной и Южной Америки.

Такая группировка фольклорнаго матеріала по крупнымъ территориальнымъ областямъ явно указываетъ на важную въ развитіи фольклора роль прансторического международнаго обмѣна, который можетъ быть придется считать факторомъ болѣе важнымъ, чѣмъ возможные въ отдѣльныхъ случаяхъ факты заимствованія изъ литературнаго источника и самостоятельнаго зарожденія.

Прансторическій обмѣнъ, къ гипотезѣ о которомъ близко подходилъ въ нѣкоторыхъ трудахъ и покойный А. Н. Веселовскій, хотя пристрастіе къ книжному источнику мѣшало ему использовать эту плодотворную мысль, объясняетъ многое, иначе совершенно непонятное. Народамъ нѣтъ надобности соприкасаться непосредственно, чтобы получить одну и ту же легенду изъ какаго нибудь одного источника.

Такія соціальні явленія какъ экзогамія являються естественными проводниками легендъ отъ одного народа къ другому, и въ теченіе вѣковъ легенда постепенно просачивается въ противоположные края міра. Сравнительно съ этимъ всегда дѣйствующимъ, вѣковымъ устнымъ обмѣномъ, вліяніе книги, которому можетъ подвергаться лишь ничтожное меньшинство, должно быть незначительно.

Вѣроятнымъ образчикомъ такого праисторическаго обмѣна намъ кажется очень близкое сходство приводимаго Лангомъ мѣста о происхожденіи свиньи принадлежащаго жителямъ острововъ Негвеу на Тихомъ Океанѣ, съ записаннымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ нами въ Волынскомъ Полѣсѣ сказаніемъ объ убіеніи стариковъ.

„Маагу, разсказываютъ жители острововъ Гервей, былъ слѣпой старикъ и жилъ со своимъ сыномъ Kationgia. Въ голодный годъ Kationgia испытывалъ большія трудности въ присканіи пищи отцу и себѣ. Онъ давалъ отцу рыбу и пирожки изъ банановыхъ корней, между тѣмъ какъ самъ питался, какъ это дѣлаютъ туземцы Огненной Земли, голотуріями и слизняками. Тѣмъ не менѣе старикъ Маагу подозревалъ, что сынъ даетъ ему худшую часть пищи, оставляя для себя лучшую, но, тронувъ тѣло сына, онъ убѣдился, что послѣдній дошелъ до послѣдней степени худобы: это былъ живой скелетъ. Они заплакали и Маагу заставилъ своего сына проглотить нѣсколько орѣховъ и кусковъ плода хлѣбнаго дерева, которые онъ сохранилъ, какъ послѣдній запасъ. Когда это было съѣдено, онъ сказалъ, что съѣлъ свой послѣдній запасъ и приходится умирать. Онъ велѣлъ сыну покрыть его листьями и травой, и придти черезъ четыре дня; если онъ увидитъ подъ листьями червяковъ, онъ долженъ снова покрыть травой и вернуться снова черезъ четыре дня. Kationgia сдѣлалъ то, что ему было приказано и, придя во второй разъ, онъ нашелъ всѣ листья въ движеніи: стадо поросятъ черныхъ, бѣлыхъ и пестрыхъ вышло изъ земли. Голодъ кончился, и Kationgia сдѣлался на островѣ большимъ начальникомъ“¹⁾.

Приведемъ малорусскій разсказъ, который можно назвать варіантомъ только что приведеннаго. Онъ записанъ нами десять лѣтъ тому назадъ въ с. Бѣловѣжѣ, Овручскаго уѣзда, Волынской губерніи и принадлежитъ къ числу разсказовъ объ убіеніи стариковъ носящихъ загадочное названіе разсказовъ „за лопанину“.

¹⁾ Lang, „Mythes, Cultes et Rel“, 134. (Франц. пер.).

„Буу коліс маскаль. Служну вун цару 25 лет, прийшоу домоу дай не вподобалосо ему. „Пойду, каа, послужу щё богу. Прийшоу ун ва нэбо тай стаў келя ворут на варте. Аж іде смёрть до Бога петатисо, кого брать. А вун каа „постуй, я сам пойду“. От пошоу он до Бога, тай каа „так і так аж смёрть прийшла питать, кого ее можна брать. А Бог каа „нэхай бэрэ старих людэй“. Москаль пошоу тай каа „гриси старие дуби“. Смёрть гризла, гризла дуби тай внадужала; идё до Бога зноу, а москаль зноу каа „пожди, я сам пойду“. Бог каа „нэхай бэрэ сэрэдніх людэй“, а москаль прийшоу тай каа „гриси сэрэдніі дуби“. От смёрть гризла, гризла тай ще горшэе стало. Приходить вона зноу до Бога, москаль пошоу питати, а Бог каа „нэхай бэрэ молодых людей, шоб одйіласа“. Прийшоу москаль до смёрті тай кажэ „гриси молодые дуби“. Смёрть гризла, гризла тай вжэ стала пропадаты. Приходить вона зноу до Бога. Аж москаль стоить. От вона й кажэ, що вжэ так зми зэрніла, шо у табакерку влізэ. А москаль каа „а ну но, лезь“. От вона влезла, а москаль зашкнуу табакерку тай закнуу у душло. От і пересталі люди вширати; і така сила іх расплодилосо, шо нэ було дэ жить, тогді стали люди своїх батькоу забивать и називалосо гэто „лопанііна“.

„Аж було у одному сэле три брати и нэ хтели вони батька вбить, викопали глвбоки лэх тай словали ёго и давали ёму ест и пить. А як стало на земле таке глупство, шо людэ батькоу забивали, то Бог ровсэрдиусо, тай нэ стала земля родить, и вжэ нэ було нігди а ні зэрна жита. От ти брати і пошли до батька радитца, а ун каа „возьмет стару стреху с тэе хати, шо я ставву, та вимолотет і посейтэ, то будэ жито“. От вони так і зробили і виросло жито дужэ добрэ. Як дозналисо людэ и начальство, то начали тих братуу позивати: „Ви, кажуть, халастэрники, дэ ви жита взяли? ні ў кого нэма“. Вони й кауць, так і так: „ми свого батька нэ забили, то ун нас і порадиу“. То тогді і кончилось лопанііна, а москаль як почуў, шо ун наробиу, шо стали людэ батькуу вбивать, то впустиу смёрть, и вона зноу стала людэ брать“.

Основная схема малорусскаго и тихоокеанскаго рассказа одна и таже. Во время голода любящій сынъ вопреки окружающимъ бережетъ своего отца. Отецъ въ награду за это даетъ указаніе какъ взбавиться отъ голода, и его совѣтъ является источникомъ плодородія (обильная жатва, появленіе свиней).

При объясненіи этого сходства мысль о литературномъ вліяніи должна быть устранена въ виду отсутствія возможнаго

общаго источника. Остается либо предположеніе о самостоятельномъ зарожденіи, либо предположеніе о существованіи очень древняго общаго источника. И то и другое предположеніе имѣютъ извѣстные шансы за себя. Первое напрашивается въ виду кажущейся невозможности какого либо другого, но само по себѣ оно мало преемлемо, такъ какъ не видно основанія для одинаковаго хода мысли, какое мы можемъ найти хотя бы въ природныхъ мѣстахъ разныхъ очень отдаленныхъ одинъ отъ другого народовъ. Наоборотъ, второе, на первый взглядъ совершенно невѣроятное продолженіе, пріобрѣтаетъ значительную долю вѣроятности, если предположить большую длительность времени кочеванія мотива. При такомъ предположеніи, мы не можемъ видѣть ничего невѣроятнаго въ томъ, что мотивъ возникшій, предположимъ гдѣ нибудь въ Восточной Азіи, къ концу 19-го вѣка докочевалъ съ одной стороны до Малороссіи, съ другой—съ Гервеевыхъ острововъ.

Изученіе самаго характера сюжета, а равно какъ, его распространенія и версій у различныхъ народовъ міра можетъ современемъ провести насъ и по выясненію его источника, но для этого нужно произвести много предварительной работы въ сопоставленіи родственныхъ сюжетовъ у разныхъ народовъ. Многимъ, особенно воспитаннымъ на филологическихъ приемахъ изслѣдованія и привычкѣ искать источникъ въ рукописи, такая работа сопоставленія отдѣльных народныхъ сказаній далекихъ народовъ можетъ показаться нанизываніемъ на нитку случайныхъ матеріаловъ, но она представляетъ собой единственный возможный путь индуктивнаго изслѣдованія, и какъ крошечный камешекъ для зданія такого изслѣдованія, мы считаемъ не лишнимъ наше сопоставленіе малорусскаго и Тихоокеанскаго сказанія.

Н. Коробка.

Къ вопросу объ общинѣ у зырянъ.

(По поводу статьи г. М. А. Большакова).

Въ выпускахъ I, II, III и IV „Живой Старины“ за 1906 г. была помѣщена статья г. М. А. Большакова подъ названіемъ „Община у зырянъ“. Я, въ силу нѣкоторыхъ личныхъ обстоятельствъ, имѣлъ возможность познакомиться съ этой статьей только въ самое послѣднее время. Между тѣмъ оказывается, что почтеннымъ авторомъ сдѣлана мнѣ въ ней, что называется, большая честь: г. Большаковъ, используя въ своей статьѣ нѣкоторыя мои работы, касавшіяся интересующаго его предмета, отдаетъ мнѣ „дань уваженія, какъ знатоку края и пионеру въ дѣлѣ изслѣдованія существующихъ земельно-правовыхъ нормъ у зырянъ“¹⁾. Это — разъ. А потомъ, по надлежавшемъ, какъ говорится, разсмотрѣніи, г. Большаковъ находитъ, что авторъ (т. е. я), во-первыхъ, — „имѣетъ не достаточно отчетливое и ясное представленіе объ общинѣ“; во-вторыхъ, — „совершенно не отличаетъ общества отъ общины“; а въ-третьихъ, — „едва ли знаетъ“, что нужно разумѣть подъ терминами „хозяйственная“ и „земельно — хозяйственная“ община²⁾. Таковъ приговоръ *sine ira et studio* г. Большакова надо мною.

Хотя я, съ своей стороны, затрудняюсь понимать, — какъ можно быть „знаткомъ края“ и изслѣдователемъ земельно-

¹⁾ Цитировать г. Большакова мы вездѣ въ этой замѣткѣ будемъ по имѣющейся въ нашемъ распоряженіи брошюрѣ его „Община у зырянъ“, — отпечатанной въ типографіи Мин. Пут. Сообш. (Т-ва И. Н. Кушнерова и н К^о) въ СПб. Брошюра эта, какъ видно изъ приписки въ концѣ ея, представляетъ отдѣльный оттискъ статьи, помѣщенной въ упомянутыхъ сейчасъ выпускахъ „Живой Старины“, и любезно предоставлена въ наше распоряженіе авторомъ.

²⁾ Сейчасъ указанная брошюра, стр. 71 и 73.

правовыхъ нормъ“, не умѣя отличать общества отъ общины и не зная, что нужно разумѣть подъ термивномъ земельно-хозяйственная община,—но вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшу завѣрить, что не одна только эта „честь“, оказанная мнѣ г. Большаковымъ, заставила меня взяться за перо. Затронутая г. Большаковымъ тема мнѣ знакома, и хотя я *специально* по вопросу о зырянской земельной общинѣ не писалъ, но въ печатныхъ работахъ, относящихся вообще къ зырянскому краю, мнѣ не разъ приходилось касаться, конечно, и этой кардинальной черты экономической жизни зырянъ. Поэтому г. Большаковъ въ своей статьѣ неоднократно имѣлъ возможность какъ ссылаться на мои работы, такъ и цитировать ихъ; и, такимъ образомъ, его взгляды на зырянскую общину въ обсуждаемой здѣсь статьѣ оказались какъ бы въ связи съ моими, сопоставленными одни съ другими (хотя, какъ мы видѣли и увидимъ дальше, г. Большаковъ меня не жалуешь).

И вотъ, чтобы, съ одной стороны, отстоять по возможности то, что было мною когда либо высказано по вопросу о зырянской общинѣ и использовано такъ или иначе г. Большаковымъ, а съ другой,—чтобы взглянуть и на то, что даетъ по этому предмету самъ г. Большаковъ,—я и сочелъ не бесполезнымъ заняться настоящей замѣткой ¹⁾.

Выражаясь словами самого же г. Большакова, я „отдаю ему дань уваженія“ за его усиленную попытку освѣтить обсуждаемый предметъ,—попытку, явно свидѣтельствующую о трудолюбіи почтеннаго автора,—но, вмѣстѣ съ этимъ, „вынужденъ допустить“, что онъ плохо понялъ и не знаетъ сущности зырянской общины; что онъ недостаточно разобрался въ земельно-хозяйственныхъ распорядахъ даже и той *весьма ограниченной* части зырянскаго края, которая была доступна *непродолжительному* наблюденію его, какъ агента министерства земледѣлія,

¹⁾ Кстати, я могъ бы еще указать г. Большакову—если это его интересуетъ—на слѣдующія свои работы, очевидно, оставшіяся ему неизвѣстными, въ которыхъ тоже, конечно, приходилось касаться вопроса о зырянской земельной общинѣ: *Взаимопомощь и коллективный трудъ въ сельномъ быту зырянъ Устьсысольскаго уѣзда* („Народное Хозяйство“ сентябрь, октябрь, 1903 г.) и *Земельно-хозяйственное описаніе Деревянской вол., Устьсысольск. уѣзда*, т. I, изд. Устьсысольскаго уѣздн. земства.

конфигурированного туда въ составъ партіи по устройству переселенческихъ участковъ ¹⁾).

Чтобы скорѣе и ближе подойти къ дѣлу, мнѣ придется сдѣлать нѣсколько значительныхъ выписокъ изъ статьи г. Большакова.

„Генеральное межеваніе (писать г. В—въ), образовавъ крестьянскія дачи, объявило входящія въ нихъ земли находящимися въ общемъ владѣніи всѣхъ замежеванныхъ въ дачу селеній. Съ юридической точки зрѣнія эти селенія составляютъ одну поземельную составную общину. *На дѣлѣ, однако, этого нѣтъ.* (Курсивъ мой. В. П.). Мы видимъ, что отдѣльныя селенія или представляютъ самостоятельныя общины, или сливаются съ другими близлежащими селеніями, образуя болѣе или менѣе значительныя составныя общины; нѣкоторые селенія совсѣмъ не уравниваются угодьями. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда генеральная дача обнимаетъ землепользованіе „жила“, т. е. группы близлежащихъ селеній, она иногда совпадаетъ съ составной общиной. *Но такое соотпаденіе далеко не общее правило*“ ²⁾).

Я здѣсь попрошу пока замѣтить подчеркнутыя мною мѣста и пойду дальше по пути цитированія г. Большакова.

„Земельно-хозяйственное дѣленіе уѣзда, пишетъ г. Поповъ (т. е. я; здѣсь цитата изъ моей работы. В. П.), ...значительно разнится отъ административнаго, обуславливаясь тѣми теченіями общественно-хозяйственной жизни, которыя имѣли мѣсто совершенно внѣ вліянія административныхъ соображеній и интересовъ я создали эту новую картину распредѣленія уѣзда на хозяйственныя единицы (общины). При этомъ надо замѣтить, что далеко не всѣ общества уѣзда успѣли выработать вполне оформившуюся и сложившуюся хозяйственную общину; нѣкоторые изъ сельскихъ обществъ на этомъ пути не сдѣлали ни одного шага и продолжаютъ выражать собою одну земельную общину...;

¹⁾ Я даже готовъ допустить, что именно эта „непродолжительность наблюденія“ и „ограниченность“ района его и не дали возможности г. Б—ву понять и истолковать зырянскую общину какъ слѣдуетъ. Но, казалось бы, такія обстоятельства именно и должны диктовать—какъ болѣе внимательное отношеніе къ мнѣніямъ „знатоковъ края“, такъ и нѣсколько болѣе осторожное—къ своимъ. Однако, г. В—въ съ легкимъ сердцемъ рѣшается весьма категорически говорить о зырянской общинѣ *вообще* и нигдѣ не считаетъ нужнымъ указывать—насколько значительный районъ зырянской территоріи подлежалъ его наблюденію. А это было бы, по моему мнѣнію, не лишне...

²⁾ Ibid., стр. 70.

другія общества предоставили зародившимся общинамъ право распоряженія только пахотными угодьями и не рѣшаются сдѣлать того же по отношенію къ луговымъ землямъ... право распоряжовъ надъ которыми сельскія общества стараются удерживать за собой. Въ этихъ послѣднихъ обществахъ хозяйственная община начинается только слагаться, формируясь примѣнительно къ удобствамъ существующаго расположенія земельныхъ угодій и распоряжовъ пользованія ими". (Здѣсь кончается цитата изъ моей работы. В. П.).

„Прежде всего (продолжаетъ г. Большаковъ) спѣшимъ увѣрить г. Попова, что сельское общество, *какъ таковое*, (курсивъ мой. В. П.) въ Устьсмыслскомъ уѣздѣ никогда не присваиваетъ себѣ права распоряжовъ надъ сѣнокосными и вообще надъ какими бы то ни было угодьями. Если это иногда и бываетъ, то общество дѣйствуетъ здѣсь не какъ общество, а какъ составная община, лишь случайно съ нимъ совпадающая. Анализируя причины и ходъ образованія составныхъ общинъ, мы видѣли, что онѣ формируются, говоря словами самого же г. Попова, „совершенно внѣ вліянія административныхъ интересовъ и соображеній“. Иногда онѣ менѣе общества, иногда болѣе... Въ Пожегодскую составную сѣнокосную общину входятъ не только селенія Пожегодскаго сельскаго общества, но и др. Скородумская и Кырнышъ, входящая въ составъ другого общества". (Курсивъ мой. В. П.).

„Такихъ примѣровъ можно, при желаніи, привести не одинъ". (Курсивъ мой. В. П.). „Нельзя и вообще говорить о какой бы то ни было роли сельскихъ обществъ, этихъ административныхъ органовъ, въ выработкѣ... хозяйственныхъ общинъ, какую роль навязываетъ (?) имъ г. Поповъ. Далѣе авторъ (т. е. я, В. П.) говоритъ о земельной общинѣ. Что онъ разумѣетъ подъ нею—опредѣленно сказать трудно... Повидимому... общество, какъ юридическую единицу. И здѣсь проглядываетъ полное незнакомство автора съ фактическимъ положеніемъ дѣла. *Сельское общество у зырянъ не есть юридическая община*. (Курсивъ мой. В. П.). Достаточно привести для иллюстраціи одинъ примѣръ. Въ составъ Кочергинскаго и Верхолузскаго обществъ входятъ селенія: а) зашедеванныя въ генеральныя дачи; б) образованныя на основаніи закона 9 ноября 1870 г.; в) получившія владѣнныя записи по закону 1866 г. и г) селенія самовольнаго типа. О какой юридической общинѣ можно говорить, имѣя налицо такую пеструю картину юридическихъ правъ на землю? А между тѣмъ почти всѣ общества

имѣютъ если не подобную, то развѣ немного меньшую ступанность нравъ. (Курсивъ мой. В. П.). Въ дальнѣйшемъ изложеніи у г. Попова общество изъ юридической или, по его терминологіи, земельной общины превращается (?) въ хозяйственную, а потомъ и въ земельно-хозяйственную“.

(Здѣсь опять слѣдуетъ небольшая цитата изъ моей работы. В. П.). „Также Шюловское и Урвинское общества, передѣлившія земли по наличнымъ членамъ мужского пола, выражаютъ цѣликомъ и хозяйственные единицы-общины. Затѣмъ сельскія общества: Богоявленское, Слободское, Кочергинское, Верховузовское... представляютъ одну земельно-хозяйственную общину“.

(Здѣсь цитата кончается. В. П.). „Г. Поповъ не объясняетъ намъ (продолжаетъ г. Большаковъ), что нужно разумѣть подъ терминами хозяйственная и земельно-хозяйственная община... Какой, напр., смыслъ можно вложить въ понятіе земельно-хозяйственной общины, когда этимъ терминомъ г. Поповъ называетъ Верховузовское общество?.. Или какая хозяйственная связь до 1900 года существовала между селеніями Шюловскаго общества, когда эти селенія прямо писали въ приговоръ: землю изъ деревни въ деревню не переводить?.. (Курсивъ мой. В. П.). На протяженіи всей статьи г. Попова термины и понятія... спутываются... Причина этой путаницы ясна. Авторъ (т. е. я, В. П.) не могъ не замѣтить того поразительно огромнаго распространенія, какое получили у вырянъ составныя общины... и видѣлъ, что въ однихъ случаяхъ составныя общины совпадаютъ съ обществомъ..., въ другихъ—съ генеральной дачей... Не попытавшись объяснить себѣ сущность составной общины, г. Поповъ просто отождествилъ ее съ обществомъ, а это послѣднее съ генеральной дачей“, (Курсивъ мой. В. П.). „Составныя общины составляютъ характерную особенность вырянскаго края... Мы не знаемъ ни одного случая распада составной общины; наоборотъ, соединеніе простыхъ общинъ въ одну составную — заурядное явленіе“¹⁾. (Курсивъ мой В. П.).

На этомъ пока закончу цитаты изъ статьи г. Большакова. Я сознательно долженъ былъ привести ихъ въ такомъ обильномъ видѣ, чтобы по возможности выяснить сущность возрѣній автора на спорный предметъ и чтобы видѣть, какими фактами дѣйствительности онъ иллюстрируетъ свои взгляды,—почему наиболѣе важнымъ мѣста подчеркнуть.

¹⁾ Та же брошюра. Стр. 71, 72, 73 и 74. Нѣкоторыя цитаты приводятся съ небольшими сокращеніями, на что указываютъ поставленныя мною многоточія.

Внимательный читатель может быть уже понял, въ чемъ заключается основное разногласіе во взглядахъ на зырянскую общину между мною и г. Большаковымъ,—не смотря на нѣсколько своеобразную аргументацію послѣдняго. „Отождествленіе составной общины съ административнымъ обществомъ, съ одной стороны, и съ генеральной дачей, съ другой“,—таковъ мой основной грѣхъ въ глазахъ г. Большакова, признающаго лишь „рѣднія“ и „случайныя“ совпаденія содержаній этихъ терминовъ и не знающаго „ни одного случая распаденія составной общины“.

Посмотримъ внимательнѣе на доводы и соображенія г. Большакова, пользуясь своей привилегіей „знатока края“...

Сначала я долженъ указать, что та моя работа, которая подверглась наибольшей критикѣ и использованию со стороны г. Большакова и изъ которой сейчасъ приводились цитаты, написана была по порученію Устьсисольскаго уѣзднаго земства въ 1894 году и въ то время, по „независающимъ обстоятельствамъ“, не могла появиться въ свѣтъ въ печатномъ видѣ. Затѣмъ она, безъ моего вѣдома и съ рукописи, не бывшей въ моемъ разсмотрѣніи, спустя 9 лѣтъ послѣ написанія т. е. въ 1903 г., была напечатана съ *значительными сокращеніями* въ книгѣ—*„Итоги эконо. изслѣдов. крестьян. хозяйства Устьсисол. уѣзда Вологод. губ.“*—появившейся подъ редакціей производителя работъ Партіи по устройству переселенческихъ участковъ въ Пермской и Вологодской губ., г. Румы, какъ результатъ совмѣстнаго Партіи и Устьсисольскаго земства обслѣдованія, произведеннаго лѣтомъ 1902 г. Объ этомъ упоминаетъ, впрочемъ, и г. Большаковъ (въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 70 своей брошюры), но упоминаетъ кратко и безъ сообщенія вышеуказанныхъ обстоятельствъ появленія въ свѣтъ моей работы, хотя эти обстоятельства ему должны быть извѣстны, какъ члену сказанной Партіи. Я же сочелъ нужнымъ указать здѣсь на нихъ потому, во-первыхъ, что мнѣ придется въ дальнѣйшемъ изложеніи оперировать съ нѣкоторыми данными, относящимися къ 1894 году, а во-вторыхъ, — если бы въ 1903 году я имѣлъ возможность просмотрѣть ту рукопись, съ которой была отпечатана моя работа, то, можетъ быть, внесъ бы въ нее нѣкоторыя исправленія редакціоннаго характера, и она не такъ бы смутила г. Большакова, пользовавшагося ею исключительно въ томъ „сокращенномъ“ изложеніи, какъ она нашла себѣ мѣсто въ „Итогахъ“... Но объ этихъ „исправленіяхъ“ буду еще говорить ниже.

Какъ мы видѣли изъ вышеприведенной (первой) цитаты и какъ это можно видѣть вообще изъ статьи г. Большакова,¹⁾ онъ за актомъ генеральнаго межеванія въ дѣлѣ образованія зырянской земельной общины не признаетъ сколько нибудь замѣтной, самостоятельной роли, а въ настоящему времени г. Большаковъ не видитъ даже и никакихъ слѣдовъ вліянія этого акта въ общинной жизни зырянъ. Онъ говоритъ, что генеральное межеваніе земли, входящія въ составъ образованныхъ имъ крестьянскихъ дачъ, могло лишь „*формально*“ объявить общимъ владѣніемъ замезеванныхъ въ дачи селеній, что генеральное межеваніе „ни мало не отразилось на сознаніи зырянъ“, не могло „переработать правосознанія“ ихъ и „нисколько не измѣнило фактической стороны землевладѣнія“.

Далѣе г. Большаковъ находитъ, что селенія, замезеванныя въ одну генеральную дачу „только съ *юридической* точки зрѣнія составляютъ одну поземельную составную общину“, и что „на *дѣлѣ* этого нѣтъ“. Затѣмъ,—что „только въ тѣхъ случаяхъ, когда дача генеральнаго межеванія обнимаетъ землепользованіе „жила“, т. е. группы близлежащихъ селеній, она иногда совпадаетъ съ составной общиной“, но что совпаденіе это „далеко не общее правило“.

Вотъ здѣсь именно заключается самый крупный промахъ г. Большакова, промахъ, сводящій на нѣтъ всѣ попытки его „анализа причинъ и хода образованія составныхъ общинъ“.

Не рѣшаясь здѣсь пускаться въ разсмотрѣніе довольно запутанныхъ дебрей „анализа“ г. Большакова, я беру на себя смѣлость категорически его завѣрить: во первыхъ,—что *все* нынѣ наблюдаемыя „составныя“ земельныя общины у зырянъ Усть-сысольскаго уѣзда именно и образовались подъ вліяніемъ акта или, точнѣе, границъ генеральнаго межеванія; во вторыхъ,—что „на дѣлѣ“ группы селеній, входящія въ одну генеральную дачу, и дали начало этимъ составнымъ общинамъ, и, въ третьихъ,—что совпаденіе такихъ группъ (или, по терминологіи г. Большакова, „жилъ“) съ составной общиной по сіе время будетъ именно „общимъ правиломъ“, исключеніемъ изъ котораго явятся тѣ „составныя“ общины, разграниченныя межами генеральнаго межеванія, которыя, въ силу наличныхъ условій землепользованія, успѣли въ позднѣйшее время раздѣлиться на болѣе мелкія—иногда тоже односеленныя—общины.

¹⁾ См., наприм., стр. 50 и слѣд. работы г. Б. а.

Эти мои заключенія будутъ весьма понятны изъ слѣдующихъ данныхъ.

Первое,—генеральное межеваніе у зырянъ Устьсисольскаго уѣзда *всегда* старалось размежевать въ одну данную дачу именно „группу селеній“, которыя въ то же время были бы связаны и *административно*, составляя или одну „волость“, или одно „общество“, на имя которыхъ и были выданы межевые планы и книги (которые мы и рекомендуемъ г. Большакову просмотрѣть).

Второе,—генеральное межеваніе своимъ фактомъ *установленія границъ владѣнія* этихъ административно (а можетъ быть и хозяйственно) уже связанныхъ группъ селеній, очевидно, произвело на психику этой народности глубочайшее впечатлѣніе, такъ что и въ настоящее время каждый зырянинъ-землеробъ способенъ указать и знаетъ эти границы, хотя бы отъ нихъ и не осталось ни малѣйшихъ физическихъ признаковъ, исключая можетъ быть нѣкоторыхъ межевыхъ ямъ.

Третье,—дачи генеральнаго межеванія по сіе время, не смотря на исключительное по своему выраженію господство трудового принципа въ земельной жизни зырянъ, безусловно охраняется отъ „чужаго“ вторженія. Никто, *не входящій* въ число „владѣльцевъ“ дачи, не имѣетъ права заемки въ ней земель для тѣхъ или иныхъ цѣлей, хотя въ то же время „свой“ человекъ (т. е. совладѣлецъ дачи) можетъ дѣлать такіа заемки въ кругу дачи — гдѣ и сколько ему угодно. Это основное земельно-правовое воззрѣніе зырянъ Устьсисольскаго уѣзда, *опирающееся на юридическій актъ генеральнаго межеванія*, воззрѣніе, нигдѣ и ни на іоту пока непоколебленное въ правосознаніи народа.

Говорить при такихъ условіяхъ лишь о „формальномъ“ значеніи акта генеральнаго межеванія — какъ это дѣлаетъ г. Большаковъ, — невозможно.

Пойдемъ дальше. Въ 1894 году (когда составлялась упоминавшаяся выше, использованная г. Большаковымъ, моя работа) въ Устьсисольскомъ уѣздѣ было 43 сельскихъ общества, во владѣніи которыхъ числилось, — если не ошибаюсь на единицу, другую — 36 крупныхъ (групповыхъ) дачъ генеральнаго межеванія ¹⁾.

¹⁾ Я говорю „крупныхъ“ потому, что тремъ при - Печерскимъ обществамъ уѣзда, въ которыхъ земельное хозяйство или совершенно отсутствуетъ (Щугорское общество), или играетъ третьестепенную роль, были наръзаны дачи каждому почти селенію отдѣльно, какъ въ виду чрезвычайной удаленности ихъ другъ отъ друга, такъ и по незначительности самихъ селеній.

Въ той же работѣ, давая характеристику тогдашней текущей земельно-хозяйственной жизни уѣзда, я высказалъ, что она по своему развитію представляетъ три ступени. Во-первыхъ, *общества*, въ которыхъ съ X ревизіи не было ни измѣреній, ни какихъ бы то ни было переводовъ земли, и гдѣ по сіе время продолжаетъ держаться землераспределение по ревизскимъ душамъ въ чистомъ видѣ. Во-вторыхъ, *общества*, въ которыхъ хотя коренныхъ передѣловъ земли на болѣе новыхъ основаніяхъ (по ѣдокамъ) не было, но распределение ея отчасти примѣнилось уже къ наличному составу семей путемъ дробленія ревизской души, какъ показателя известнаго количества обмѣренной земли, и разверстки этихъ дробныхъ частей между отдѣльными семьями. Въ третьихъ, *общины*, передѣлившія землю, по точномъ измѣреніи и распределеніи ея по сортамъ, на наличныхъ членовъ, т. е. на ѣдоковъ ¹⁾.

Далѣе устанавливалось, что почти всѣ тѣ общества, которыя продолжаютъ владѣть землей по ревизскимъ душамъ, независимо отъ того—были-ли въ нихъ переизмѣрки и переверстки таковой,—представляютъ каждое изъ себя одну „земельную единицу“, хотя бы эта послѣдняя состояла изъ настолько удаленныхъ другъ отъ друга и разбросанныхъ селеній, что земельно-хозяйственные (общинныя) функціи ея были сильно затруднены ²⁾.

Такъ что, въ частности, картина земельно-хозяйственной жизни у зрянъ Устьсысольскаго уѣзда въ 1894 году представляла изъ себя слѣдующее:

а) обществъ, совершенно не трогавшихъ землю съ X ревизіи и продолжавшихъ владѣть ею по душамъ этой ревизіи, было 3;

б) обществъ съ дробной ревизской душой, т. е. такъ или иначе трогавшихъ и распределявшихъ землевладѣніе послѣ ревизіи, было 23;

в) наконецъ, обществъ, въ которыхъ наблюдалась та или другая степень развитія общинной жизни съ землераспределеніемъ по ѣдокамъ, оказывалось 16 ³⁾.

¹⁾ Въ сейчасъ приведенномъ перечисленіи, я сознательно въ первыхъ двухъ случаяхъ говорю объ „обществахъ“, а въ третьемъ—объ „общинахъ“, что и подчеркиваю. Какое значеніе придается этому обстоятельству—будетъ видно сейчасъ, изъ дальнѣйшаго изложенія.

²⁾ См. вышеупомянутую работу „Итоги...“, стр. 25 и 26.

³⁾ Здѣсь общая сумма обществъ ($3+23+16=42$) на одну единицу меньше указанной выше. потому что Щугорское общество, гдѣ земледѣлія не существуетъ, въ счетъ не принято.

Изъ 26-ти первыхъ двухъ, приведенныхъ сейчасъ разрядовъ обществъ, 21 общество имѣютъ по одной общей (групповой) дачѣ, включающей въ себя всѣ существующія селенія въ нихъ, за исключеніемъ немногихъ починовъ, выдѣлившихся на казенныя земли. Здѣсь *сельское общество, генеральная дача и „земельно-хозяйственная единица“ совершенно совпадаютъ другъ съ другомъ*. Потомъ, 3 общества имѣютъ одну общую генеральную дачу и 2 (при - Печерскихъ) владѣютъ мелкими, вырѣзанными большею частью на отдѣльныя селенія, дачами (о которыхъ я уже упоминалъ), при чемъ первыя три общества вполне соответствуютъ тремъ хозяйственнымъ единицамъ, ибо отдѣльно и независимо другъ отъ друга распоряжаются землей.

Спрашивается—какъ павзать эти „хозяйственныя единицы“ (хотя бы кромѣ трехъ, не трогавшихъ землю съ X ревизіи)?

Да какъ ихъ ни зови, а придется признать, что это *земельно-хозяйственныя единицы* (а не административныя только общества), ибо имъ въ той или иной мѣрѣ не чужды уже уравнительныя функціи землераспредѣленія. Онѣ такъ или иначе дѣлали уже попытки разверстать землю на болѣе справедливыхъ, чѣмъ владѣнія по ревизскимъ душамъ, основаніяхъ. И, конечно, легко видѣть, что эти „хозяйственныя единицы“ есть ни что иное, какъ составныя общины, ближайшимъ этапомъ которыхъ является уравнительное землераспредѣленіе по наличному населенію.

Дальше. Изъ 16-ти остальныхъ обществъ, въ которыхъ наблюдалось землераспредѣленіе по ѣдкамъ, вполне сложившіяся общины,—владѣющія *всѣми* земельно-хозяйственными функціями и не связанныя ни съ дачей генеральнаго межеванія, ни съ административной единицей-обществомъ,—наблюдались лишь въ 8 обществахъ ¹⁾. Въ остальныхъ, затѣмъ, 8-ми же обществахъ общины не успѣли еще сложиться вполне въ сформировавшіяся отдѣльныя хозяйственныя единицы, со всѣми присущими имъ функціями. Здѣсь чаще всего наблюдается такое положеніе, что „составная сѣнокосная община“ (терминъ принадлежитъ г. Большакову) включаетъ въ себя нѣсколько отдѣльныхъ, какъ бы самостоятельныхъ, пахотныхъ общинъ, и въ то же время она *совпадаетъ съ генеральной дачей*. Въ другихъ случаяхъ эта сѣнокосная община *совпадаетъ съ сельскимъ обществомъ*.

¹⁾ Необходимо здѣсь отмѣтить, что и въ этихъ обществахъ есть вполне сложившіяся „общины“, совпадающія съ дачами специальныхъ межеваній.

Итакъ, мы видимъ, что изъ 42 сельскихъ обществъ у зырянъ Устьсысольскаго уѣзда 21 вполне совпадало и съ генеральной дачей, и съ „земельно-хозяйственной единицей“. Въ 8-ми обществахъ „составная община“ совпадала или съ дачей генеральнаго межеванія, или съ сельскимъ обществомъ. Въ 3-хъ обществахъ „земельно-хозяйственная единица“ обнинала цѣликомъ эти общества, не совпадая съ дачей генеральнаго межеванія. Наконецъ, въ 8-ми остальныхъ обществахъ съ вполне сложившимися общинами, рядомъ съ этими послѣдними, наблюдаются общины, совпадающія съ дачами спеціальныхъ межеваній ¹⁾).

Теперь позволительно спросить — вправѣ ли я былъ „отождествлять составную общину съ обществомъ, а это послѣднее — съ генеральной дачей“? — что ставить мнѣ въ смертный грѣхъ г. Большаковъ. Съ другой стороны — вправѣ ли былъ г. Большаковъ, съ непонятнымъ для меня анломбомъ увѣрявшій: что „на дѣлѣ однако нѣтъ“, чтобы селенія, замезеванныя въ данную дачу генеральнаго межеванія, составляли одну поземельную общину? Что совпаденіе составныхъ общинъ и генеральныхъ дачъ „далеко не общее правило“? Что сельское общество „лишь случайно“ можетъ совпасть съ хозяйственной общиной и дѣйствовать въ качествѣ таковой? Что „сельское общество у зырянъ не есть юридическая община“? и т. д.

Отвѣты на эти вопросы, я думаю, ясны... И, увы, отвѣты эти какъ разъ противоположны самоувѣреннымъ тезисамъ г. Большакова.

В. Ф. Поповъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Я здѣсь не привожу названій всѣхъ тѣхъ обществъ и общинъ, о которыхъ говорю, ибо, конечно, названія эти никому не интересны. Спеціально для г. Б-ва я ниже буду имѣть дѣло съ общинами и обществами, о которыхъ онъ самъ упоминалъ, неправильно толкуя хозяйственное положеніе въ нихъ.

Поѣздка Н. И. Любимова въ Чугучакъ и Кульджу въ 1845 г., подъ видомъ купца Хорошева.

Николай Ивановичъ Любимовъ, имѣвшій нѣкогда значительное вліяніе на политическую дѣятельность Россіи на Востоѣ, мало кому извѣстенъ. Онъ не оставилъ никакихъ печатныхъ трудовъ, хотя имѣлъ большой запасъ интересныхъ матеріаловъ, собранныхъ имъ путемъ личныхъ наблюденій въ странахъ восточной и средней Азіи и полученныхъ отъ ориенталистовъ, съ которыми находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Никто не потрудился написать его біографію и указать его заслуги передъ государствомъ. Казалось, полное забвеніе должно быть удѣломъ Н. И. Любимова, и это навѣрное и случилось бы, если бы М. Б. Аничковой, вдовѣ извѣстнаго нашего посланника въ Персіи Н. А. Аничкова, находившагося въ дружбѣ съ Н. И., не удалось съ большой энергіей и настойчивостью отыскать на чердакѣ дома, гдѣ передъ смертію жилъ Н. И., его домашній архивъ. Въ этомъ архивѣ сохранились многочисленные записки, различные отчеты и проекты, когда либо написанные Н. И. за время его довольно продолжительной службы, всѣ его записныя книжки и дневники путешествій въ черновомъ видѣ. Большинство этихъ бумагъ теперь утратило практическое значеніе; но въ историческомъ отношеніи онѣ не лишены научнаго интереса. Для будущей исторіи нашей дипломатіи на Востоѣ записки Н. И. объяснятъ очень много того, что обыкновенно не заносится въ официальные документы; онѣ раскроютъ намъ тѣ идеи и планы, которыя въ свое время зарождались во время канцелярской работы и потомъ проводились въ области реальной политики и приносили на международной аренѣ тѣ или другіе результаты. Дневники и замѣтки Н. И. могли бы освѣтить, какъ внѣшнюю жизнь этого человека, такъ его умственную работу и его міровоззрѣніе; но они, вслѣдствіе сокращеній и неясныхъ намековъ, понятныхъ лишь самому писавшему, и, по неразборчивости, представляютъ

Николай Иванович Любимовъ.

материалъ безнадѣжный. Ознакомившись съ архивомъ Н. И., я нашелъ возможнымъ обнародовать одинъ эпизодъ изъ его службы по министерству иностранныхъ дѣлъ. Но скажемъ сперва о самомъ Н. И.

Н. И. происходилъ изъ духовнаго званія, родился въ 1808 г. Высшее образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, откуда выпущенъ кондукторомъ въ 1828 г. и тогда же поступилъ на службу въ Азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Служебная карьера Н. И. пошла довольно быстро: въ началѣ 1829 г. онъ былъ утвержденъ въ чинѣ коллежскаго секретаря, а въ октябрѣ того же года получилъ чинъ титулярнаго совѣтника; въ 1830 назначенъ начальникомъ 1-го стола 2-го отдѣленія. Въ томъ же году былъ по высочайшему повелѣнію откомандированъ въ ген.-майору графу Толстому, назначенному для присутствія въ слѣдственной комиссіи въ г. Севастополѣ и оставался тамъ по февраль 1831 г. Въ апрѣлѣ 1832 г. получилъ орденъ св. Анны 3-й ст., въ январѣ 1833 произведенъ въ коллежскіе ассесоры, въ 1835 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст.

Все эти награды, дававшіяся Н. И. почти ежегодно, надо объяснить не протекціею, которой у него не было, а его замѣлательною работоспособностью, очень цѣнимою начальствомъ. Сверхъ занятій по Азіатскому департаменту Н. И. состоялъ еще правителемъ дѣлъ высочайше учрежденнаго въ 1833 г. Комитета объ изысканіи новыхъ источниковъ дохода и сокращеніи расходовъ столицы, и оставался въ этой должности до закрытія Комитета въ 1838 г.

Въ 1836 г. Н. И. былъ назначенъ начальникомъ 2-го отдѣленія Азіатскаго департамента.

Въ апрѣлѣ 1840 г. Н. И., по избранію министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, утвержденъ приставомъ для сопровожденія Російской духовной миссіи въ Пекинѣ. Во время пути и въ Китаѣ Н. И. велъ подробный дневникъ и при всякой возможности посылалъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ подробныя донесенія о своей дѣятельности, какъ пристава, и своихъ наблюденій о китайцахъ. Въ особенности онъ обращалъ вниманіе на торговлю нашу съ Китаемъ и изучилъ этотъ вопросъ основательно¹⁾. Нося чисто дѣловой характеръ, донесенія Н. И.

¹⁾ По возвращеніи въ Петербургъ Н. И. подалъ въ августѣ 1842 г. въ министерство иностр. дѣлъ подробное донесеніе о Кяхтинской торговлѣ, которое было представлено Государю, написавшему на немъ: „Весьма любопытно; сообщить М. Ф., съ тѣмъ чтобы представилъ свое заключеніе“.

теперь показались бы скучными; но тогда они несомненно принесли большую пользу.

Чтобы оценить, какъ этотъ практическій ориенталистъ скоро освоился съ востокомъ, достаточно прочесть его записку о рѣкѣ Амурѣ, тамъ онъ предсказалъ тотъ путь, какимъ можно было присоединить эту рѣку въ Россіи и что впоследствии было осуществлено гр. Муравьевымъ-Амурскимъ.

Изъ Китая Н. И. вернулся въ Петербургъ въ февралѣ 1842 г. съ предыдущей духовной миссіей. За исполненіе этого порученія онъ получилъ пожизненную пенсію въ 600 р. независимо отъ жалованья по службѣ и чинѣ статскаго совѣтника. Въ апрѣлѣ 1843 г. Н. И. былъ назначенъ вице-директоромъ Азіатскаго департамента.

Тогда же возникъ вопросъ, сперва въ литературѣ, поднятый Е. П. Ковалевскимъ, „странствователемъ по сушѣ и морямъ“, а потомъ въ министерствѣ финансовъ—объ урегулированіи и оживленіи нашихъ торговыхъ сношеній съ западными провинціями Китая черезъ Чугучакъ и Кульджу. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, куда перешелъ этотъ вопросъ на разсмотрѣніе и заключеніе, свѣдѣній, сколько нибудь обстоятельныхъ, по данному предмету не оказалось; а между тѣмъ министерство это очень чутко относилось въ торговымъ предпріятіямъ нашего купечества, всѣми способами старалось поддержать его стремленіе въ завоеванію новыхъ рынковъ, и не могло остаться безучастнымъ въ данномъ случаѣ. Но, чтобы выступить по возникшему дѣлу съ достаточнымъ авторитетомъ, министерство иностранныхъ дѣлъ рѣшило изучить торговыя условія на мѣстѣ при посредствѣ опытнаго лица. Роль секретнаго агента была возложена на Н. И., который подъ именемъ фридрихсгамскаго 2-й гильдіи купца Николая Иванова Хрошева совершилъ въ 1845 г. поѣздку въ Чугучакъ и Кульджу въ азіатскомъ костюмѣ, какъ это тогда было неизбежно. Лучшаго выбора министерство сдѣлать и не могло. Н. И., проѣхавшій вдоль всей Азіи съ запада на востокъ, основательно изучившій состояніе русской торговли въ Кяхтѣ и Пекинѣ, да и вообще человѣкъ наблюдательный, могъ дать и дѣйствительно далъ обстоятельныя свѣдѣнія о торговлѣ въ интересовавшемъ насъ районѣ. На содержаніе во время командировки Н. И. выдано единовременно 1500 р., назначено по 10 р. с. въ сутки столовыхъ и отпущены прогоны по положенію. За успѣшное исполненіе этого „особаго порученія“ и за труды, понесенные при семъ случаѣ, Н. И. былъ награжденъ чиномъ дѣйст. ст. совѣтника и орде-

номъ св. Владиміра 3-й ст. (2 марта 1846). Въ ноябрѣ 1848 г. онъ получилъ орденъ Станислава 1-й ст., а въ 1850 г. единовременное награжденіе въ 1000 червонцевъ. Слѣдствіемъ этой поѣздки было учрежденіе по договору съ Китаемъ въ 1851 г. русской факторіи и консульства какъ въ Чугучакѣ такъ и въ Кульджѣ. Въ Чугучакѣ былъ назначенъ консуломъ докторъ Татариновъ, а въ Кульджу И. И. Захаровъ, оба вышедшіе изъ той миссіи, которую сопровождалъ Н. И. Первое изъ этихъ консульствъ просуществовало недолго, оно упразднилось, когда Чугучакская факторія была сожжена китайскою чернью въ 1855 году, за что правительство уплатило вознагражденіе потерпѣвшимъ 200.000 р.

Въ февралѣ 1852 г. Н. И. былъ назначенъ директоромъ азіатскаго департамента, въ томъ же году получилъ орденъ св. Анны 1-й ст., въ 1855 г. орденъ св. Владиміра 2-й ст. и въ 1856 г. чинъ тайнаго совѣтника.

Послѣдствія Крымской войны отозвались на личномъ составѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. 20 сентября 1856 г. Н. И. былъ назначенъ сенаторомъ въ 5-й департаментъ, а мѣсто директора Азіатскаго департамента занялъ Е. П. Ковалевскій, тоже сопровождавшій въ качествѣ пристава духовную миссію въ Пекинъ. Съ 1858 г. Н. И. сталъ присутствовать въ первомъ департаментѣ сената. Въ 1860 г. награжденъ орденомъ бѣлаго орла. Въ 1867 г. пожалованъ арендой въ 2500 руб. Послѣдняя награда—орденъ св. Александра Невскаго.

Скончался Н. И. 19 августа 1875 г. въ Гансѣ (въ Швейцаріи) отъ разрыва сердца.

Оставивъ дипломатическую службу, Н. И. не переставалъ интересоваться политикой и по поводу нѣкоторыхъ событій высказывалъ на нихъ свой взглядъ и здраво судилъ о нихъ, но никогда не выступалъ печатно, а обмѣнивался своими впечатлѣніями съ близкими людьми письменно. Нѣсколько такихъ писемъ было опубликовано Н. П. Барсуковымъ въ XX томѣ сочиненія „Жизнь и труды М. П. Погодина“ (Спб. 1906).

Н. Веселовскій.

Извлеченіе изъ журнала бывшаго въ 1843 г. Комитета о Кяхтинской торговлѣ.

О торговлѣ съ Западною границею Китая.

Говоря вообще о нашей торговлѣ съ Китаемъ, сосредоточенной теперь въ Кяхтѣ,—пунктѣ, назначенномъ по трактату для торговыхъ сношеній обоихъ народовъ,—Комитетъ не могъ не обратить своего вниманія на другую часть нашей границы съ Китаемъ, а именно: на Семипалатинскъ, какъ пунктъ, чрезъ который также производятся торговые сношенія съ Западною частью Китая, съ западными городами его Чугучакомъ и Гульджею,—хотя сношенія сии, не бывъ установлены никакимъ трактатомъ, дѣлаются теперь тайно, безъ вѣдома Китайскаго правительства. Торговля семипалатинская, производимая нашими купцами Западной Сибири, которые отправляются туда подъ видомъ азіатцевъ и степныхъ жителей, срывая, что они русскіе подданные,—съ нѣкотораго времени—стала болѣе и болѣе обращать на себя общее вниманіе. *По мнѣнію многихъ людей*, сей торговый путь, по большому удобству его и краткости, могъ бы сдѣлаться весьма важнымъ для нашихъ торговыхъ видовъ въ отношеніи къ Китаю, и распространить, вообще, торговые обороты съ симъ государствомъ, безъ вреда притомъ кяхтинской торговлѣ, такъ какъ торгъ съ Чугучакомъ и Гульджею производится на другой оконечности Китайскихъ владѣній; но что для успѣха сего торгова нужно, чтобы оный былъ дозволенъ Китайскимъ правительствомъ и производился открыто.

Комитетъ, не имѣя надлежащихъ данныхъ и свѣдѣній, дабы судить о сей торговлѣ съ Западною границею Китая и о видахъ, которые она можетъ представлять въ будущемъ, при правильномъ ея установленіи,—долгомъ считаетъ только изъяснить свое мнѣніе на счетъ пользы собранія подобныхъ свѣдѣній, которыя могли бы поставить Правительство въ возможность обсудить сей важный вопросъ и рѣшить: слѣдуетъ-ли что-либо предпринять для учрежденія сей торговли на правильныхъ основаніяхъ,—что, конечно, не можетъ сдѣлаться безъ сношеній и переговоровъ съ Китайскимъ правительствомъ. Большая краткость и удобство пути отъ Семипалатинска до Нижняго и Москвы, нежели отъ Кяхты до сихъ мѣстъ, не требуютъ никакого доказательства. Извѣстно также, что и путь чрезъ Киргизскія

степи до Чугучака и до самой Гульджи не представляет особенных затруднений; но къ рѣшенію въ этомъ дѣлѣ подлежатъ другіе важные вопросы, и именно: 1) До какой степени труденъ или удобенъ путь отъ Чугучака и Гульджи до самаго Китая,—до провинцій оного, отъ коихъ западныя владѣнія сего государства отдѣлены степью и пустыней? 2) Какіе предметы могутъ представлять для нашей торговли сіи собственно Китайскія провинціи, которыя, находясь ближе къ означенной Западной границѣ, могли бы войти въ торговые съ нами обороты чрезъ номанутые пункты, въ случаѣ устройства тамъ правильной торговли? 3) Какіе виды представляетъ для сей торговли самая Западная граница сія, т. е. Илійская область (гдѣ находятся Гульджа и Чугучакъ), а также прилегающая къ сей области съ юга Малая Бухарія, или Восточный Туркестанъ, съ городами Аксу, Кашгаромъ и Яркендомъ? 4) Такъ какъ Чугучакъ и Гульджа суть ничто иное, какъ военныя колоніи Китайцевъ, то въ случаѣ даже учрежденія тамъ правильной торговли, не будетъ ли китайское купечество чуждаться сихъ мѣстъ, какъ теперь оно ихъ чуждается (хотя, можетъ быть, теперь это происходитъ отъ другихъ причинъ, которыя съ открытіемъ законной торговли миновались бы)? 5) Полезно также сообразить: на какихъ, именно, основаніяхъ должна быть установлена сія торговля съ Западомъ Китая, дабы она не могла вредить кяхтинской.

Безъ разъясненія сихъ и подобныхъ вопросовъ ничего положительнаго нельзя сказать о сей торговлѣ и будущихъ ея выгодахъ; слѣдовательно и входить въ какія-либо объ оной соображенія съ Китайскимъ правительствомъ было бы мѣрою преждевременною и могущею, въ случаѣ неосуществленія нашихъ надеждъ, повести только къ напраснымъ переговорамъ съ Китайцами (успѣшное окончаніе каковыхъ переговоровъ во всякомъ случаѣ будетъ не безъ затрудненія).

По симъ уваженіямъ Комитетъ находилъ бы весьма полезнымъ: до приступленія къ какимъ-либо особымъ дѣйствіямъ—отправить довѣренное лицо въ Семипалатинскъ съ тѣмъ, чтобы проникнуть далѣе въ Чугучакъ и Гульджу, и собрать тамъ на мѣстѣ необходимыя для насъ свѣдѣнія.

Учрежденіе правильной торговли съ Китаемъ на другомъ еще пунктѣ, кромѣ Кяхты, есть, безъ сомнѣнія, дѣло важное для нашей промышленности, для коей, быть можетъ, открылись бы чрезъ то новыя источники,—и обстоятельство это особенное заслуживаетъ вниманіе при нынѣшнемъ положеніи нашихъ тор-

говыхъ сношеній съ Китаемъ и вслѣдствіе недавнихъ политическихъ событій въ семъ государствѣ; по каковымъ уваженіямъ Комитетъ и полагаетъ, что весьма бы полезно было, не теряя времени, приступить къ собранію нужныхъ для насъ свѣдѣній и къ тѣмъ предварительнымъ дѣйствіямъ, по вышензложенному предмету, которыя оказываются необходимыми въ видахъ поддержанія и развитія нашей съ Китаемъ торговли, съ успѣхами коей тѣсно связаны успѣхи отечественной промышленности.

Въ заключеніе Комитетъ положилъ: представить сей окончательный журналъ своихъ засѣданій на дальнѣйшее усмотрѣніе г-на вице-канцлера.

Донесеніе Н. И. Любимова о поѣздкѣ въ Чугучакъ и Кульджу.

Его сіятельству господину государственному канцлеру статскаго совѣтника Любимова

Д О Н Е С Е Н І Е.

По довлѣду вашего сіятельства состоялось въ минувшемъ году Высочайшее повелѣніе объ отправленіи меня въ западныя китайскіе города, Чугучакъ и Кульджу, для собранія нужныхъ свѣдѣній о тамошней торговлѣ, производимой чрезъ Семипалатинскъ. Главная цѣль сей посылки состояла въ томъ, чтобы на самыхъ мѣстахъ изслѣдовать сію торговлю и вникнуть въ вопросъ: можетъ ли она распространиться съ западными областями Китая и какія могли бы быть употреблены вѣрнѣйшія къ нему средства?

Такъ какъ успѣхъ сего порученія зависѣлъ наиболѣе отъ того, чтобы тайна посылки лица для собранія всѣхъ сихъ свѣдѣній не могла быть проницана не только азіатцами, но даже нашимъ купечествомъ,—то предположено было: 1) отправить меня подъ видомъ купца, намѣревающагося сдѣлать опыты торговыхъ сношеній съ помянутыми китайскими городами; 2) придать мнѣ переводчика, знающаго татарскій языкъ и который былъ бы при мнѣ въ качествѣ приказчика; 3) снабдить меня небольшою партіею товаровъ, дабы такимъ образомъ отвратить лишніе толки и подоврѣнія со стороны торгующихъ; 4) самую поѣзду изъ Семипалатинска произвести чрезъ посредство тамошняго купца Самсонова, на котораго г. генераль-губернаторъ Западной Сибири указалъ, какъ на человѣка, вполне благонадежнаго.

Все учинено было согласно съ вышеозначенными предначертаніями.

Я пріѣхалъ въ Семипалатинскъ 19 мая прошлаго г., уже подъ видомъ купца *Хорошева*, съ переводчикомъ Костромитиновымъ, названнымъ въ паспортѣ *Фейзуллою Ибраимовымъ*; по прибытіи немедленно вошелъ въ сношенія съ купцомъ Самсоновымъ на счетъ дальнѣйшей поѣздки; принялъ въ свое вѣдѣніе бывшіе уже въ Семипалатинскѣ товары; отправился затѣмъ, вмѣстѣ съ Костромитиновымъ (оба переодѣтые въ азіатское платье) въ Чугучакъ, потомъ въ Кульджу, откуда возвратился по новому пути, чрезъ Большую Орду, — и теперь долгомъ поставляю, съ разрѣшенія вашего сіятельства, представить предварительно токмо краткій очеркъ сдѣланнаго мною путешествія. Что же касается до отвѣтовъ на вопросы, изъясненные въ данной мнѣ инструкціи, и до всѣхъ свѣдѣній, собранныхъ по торговой части, то оныя составляютъ предметъ особаго отчета, который буду имѣть честь представить немедленно по приведеніи въ порядокъ моихъ записокъ.

Караванъ, съ которымъ я отправился изъ Семипалатинска 5-го іюня, слѣдовалъ прямо въ Кульджу, а потому, чтобы захватить въ Чугучакъ, мнѣ надобно было въ степи отъ онаго отдѣлиться и слѣдовать уже особо, малымъ караванцемъ, состоявшимъ изъ 13 верблюдовъ. Мы сначала шли чрезъ кочевья подвластныхъ Россіи киргизовъ Средней Орды (семизнаймановъ, мурунцевъ и сувановъ); потомъ, переправясь чрезъ Тарбагатай, вышли уже на китайскую сторону и продолжали слѣдовать по кочевьямъ киргизовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ байджигитовъ, которые хотя и считаются въ китайскомъ подданствѣ, но подданство это болѣе мнимое, нежели дѣйствительное. Киргизы эти по временамъ производятъ въ степи шалости и даже причиняютъ обиды купцамъ, слѣдующимъ чрезъ ихъ мѣста незначительными караванами. Намъ, однако же, удалось пройти всѣ ихъ кочевья безъ всякихъ непріятныхъ приключеній, хотя и встрѣчали тамъ и сямъ воровскія партіи сихъ киргизовъ, отправлявшихся на баранту противъ своихъ сосѣдей. Караванъ нашъ достигъ Чугучака 5 іюля, бывъ съ послѣдняго китайскаго караула провожаемъ (какъ обыкновенно водится) китайскими караульными чиновниками, которые, сдѣлавъ опись нашимъ товарамъ, заявили обо всемъ китайскому таможенному начальству.

Въ Чугучакѣ нашли мы множество всякаго торговаго народа: большая часть были ташкенцы, живущіе въ степи и въ

Семипалатинскѣ, и затѣмъ наши татары (многіе изъ нихъ—бѣгле, проживающіе также въ степи, подъ названіемъ чалаксаковъ); изъ русскихъ же всего было 3 человека (прикащики двухъ купцовъ изъ Устькаменногогорска). Должно при семъ замѣтить, что по близости отъ нашей границы Чугучака (отстоящаго отъ Семипалатинска въ 450 верстахъ), туда отправляются частые караваны, начиная съ мая и до глубокой осени (между тѣмъ какъ въ Кульджу караванъ отходитъ изъ Семипалатинска только разъ въ годъ, въ лѣтнее время). Путь, по которому они, обыкновенно, слѣдуютъ въ Чугучакъ, лежатъ чрезъ Кокбетинскій округъ и Тарбагатай, который они проходятъ въ мѣстѣ, называемомъ Сай-асу; рѣдкіе слѣдуютъ чрезъ Аягувскій округъ, ибо дорога на Аягузъ, хотя также довольно удобная, нѣсколько длиннѣе и болѣе представляетъ опасности со стороны кочующихъ за Тарбагатаемъ байджиитовъ. Въ Чугучакѣ, вообще, лѣтомъ безпрестанное движеніе,—приливъ и отливъ купечества; но всѣ эти купцы ничто иное, какъ мелочники, привозящіе, вообще, посредственный товаръ. Самымъ значительнымъ купцомъ считается живущій въ Семипалатинскѣ тапкенецъ Ибрагимъ Амировъ, отправляющій ежегодно въ Чугучакъ товаровъ тысячъ на 15 рублей серебромъ.

Всѣ торговцы, по прибытіи въ Чугучакъ, размѣщаются на небольшомъ дворѣ, обнесенномъ глиняною стѣною и совершенно открытомъ (дворъ этотъ именуется *курманомъ*); товары же складываются въ китайскую таможену, въ находящіяся тамъ особыя кладовыя. Днемъ торговцы пользуются нѣкоторою свободою, т.-е. могутъ выходить на степную сторону, имѣть сношенія съ приходящими къ нимъ китайскими купцами и покупать отъ китайскихъ мелочниковъ съѣстные припасы и т. п.; но въ китайскій городъ и къ самимъ китайскимъ купцамъ, съ которыми производятъ мѣховую торговлю, не могутъ ходить иначе, какъ съ разрѣшенія начальства и въ сопровожденіи таможенного служителя. Вечеромъ всѣхъ запираютъ въ вышеозначенномъ дворѣ, гдѣ, кромѣ людей, помѣщается также и весь караванный скотъ: цѣлыя сотни верблюдовъ, лошадей, барановъ и т. п. Насъ, по прибытіи, помѣстили въ этомъ же дворѣ.

Я не буду входить здѣсь въ дальнѣйшія подробности о торговлѣ нашей съ Чугучакомъ и вообще съ западными областями Китая, такъ какъ всѣ эти подробности должны составить предметъ особаго донесенія вашему сіятельству; но, въ дополненіе къ вышеизложенному, не излишнимъ считаю присовокупить: что, какъ мнѣ кажется, торговля съ Западомъ Китая могла

бы скоро развиться и сдѣлаться немаловажною для нашей промышленности, *если бы она производилась на иныхъ основаніяхъ* — на основаніяхъ правильныхъ и была *китайскимъ правительствомъ* дозволена. При теперешнемъ положеніи, все зависитъ отъ снисхожденія китайскихъ мѣстныхъ властей, — отъ произвола ихъ; ничего нѣтъ опредѣленнаго и законнаго: таможенный китайскій чиновникъ, который сегодня принимаетъ купца съ благосклонностію и ласкою, завтра же, по личнымъ какимъ-нибудь видамъ, безъ всякихъ законныхъ причинъ, можетъ заковать его въ колодеи и даже висѣчь плетми, чему и бывали примѣры; самое помѣщеніе для пріѣзжающаго купечества есть своего рода пытка. Разумѣется, что при такомъ порядкѣ, капиталныхъ людей въ этой торговлѣ съ нашей стороны нѣтъ и быть не можетъ, а производить ее, какъ выше сказано, мелочники и всякіе азіатцы. Между тѣмъ, потребность на наши произведенія, мануфактурныя и другія, *тамъ существуетъ въ высшей степени*, что и доказываетъ возможность развитія нашей торговли, которая даже при теперешнемъ стѣсненномъ ея положеніи, при всемъ томъ, что производится, такъ сказать, *торашами*, — съ годами растетъ, (но растетъ медленно). Китайскихъ товаровъ, преимущественно чая, можетъ привозиться сколько угодно, если только нашихъ товаровъ будетъ идти туда болѣе, особенно, если оные будутъ добротнѣе. Купцы китайскіе, видя у меня товары лучшаго качества, нежели какіе доселѣ туда привозились, отъ души этому радовались, убѣдительно прося меня продолжать и на будущее время начатую съ ними торговлю.

Во время пребыванія моего въ Чугучакѣ я удостоился быть приглашеннымъ къ таможенному амбану (начальнику всей Чугучакской области). Амбанъ, узнавъ, что прибылъ русскій купецъ изъ столицы, пригласилъ меня къ себѣ вмѣстѣ съ моими приказчиками. Пріемъ былъ весьма благосклонный и я воспользовался онымъ, чтобы спросить, между прочимъ, у амбана: могутъ ли на будущее время русскіе торговцы пріѣзжать въ Чугучакъ не переряженные въ азіатское платье, а въ русской своей одеждѣ? Амбанъ отвѣчалъ: „что торговля въ Чугучакѣ дозволена, со стороны ихъ правительства, только *амьдманами*, т.-е. таикентцамъ и кокандцамъ, а потому русскіе должны пріѣзжать туда въ азіатскомъ нарядѣ“; отвѣтъ весьма странный въ устахъ китайскаго начальника и доказывающій, до какой степени сами китайскіе чиновники желаютъ поддерживать эту съ нами торговлю при всей ея *незаконности* (поддерживать, разумѣется, въ теперешнемъ ея видѣ, получая значительныя

отъ нея выгоды); большая часть товаровъ, взимаемыхъ теперь китайскимъ начальствомъ въ пошлину, идетъ, какъ мнѣ сказывали сани китайскіе купцы, въ карманъ амбана и таможенныхъ чиновниковъ.

Товары, взятые мною въ Чугучакъ, промѣнены тамъ большею частью на чай, который съ нѣкотораго времени уже началъ составлять и въ этихъ мѣстахъ главную статью китайской торговли, до того, что, кромѣ байхового чая, другихъ китайскихъ товаровъ вымѣнивать нашимъ купцамъ становится годъ отъ году труднѣе. Обстоятельство это также заслуживаетъ особеннаго вниманія, и въ отчетѣ, который я буду имѣть честь представить по торговой части, донесу объ этомъ подробнѣе.

Изъ Чугучака выѣхали мы 18-го іюля. Слѣдовать малымъ нашимъ караванцемъ до Кульджи было невозможно по разнымъ причинамъ и по опасности пути, ибо далѣе за байджигитами кочуютъ кызайцы, народъ еще болѣе дикій и необузданный, и потому, что еще неизвѣстно было, какъ китайскія власти примутъ русскаго торговца въ Кульджѣ, гдѣ торгуютъ одни наши ташкентцы, въ Семипалатинскѣ проживающіе (за исключеніемъ лишь одного приказчика купца Самсонова, отправляющагося туда тоже подъ видомъ азіатца). По симъ уваженіямъ, дошедъ до озера Ала-куля, мы рѣшились въ кочевьяхъ тѣхъ же байджигитовъ ожидать прибытія кульджинскаго каравана, съ которымъ напередъ было условлено, гдѣ и когда съ онымъ соединиться, дабы потомъ уже вмѣстѣ слѣдовать до самой Кульджи. Караванъ этотъ, вмѣсто того, чтобы притти къ Ала-кулю 25-го іюля, какъ предполагалось, пришелъ почти мѣсяцемъ позже. Все это время мы жили въ аулахъ одного киргизскаго старшины, съ которымъ и перекочевывали съ мѣста на мѣсто, въ ожиданіи каравана. Киргизъ этотъ, у котораго мы имѣли пристанище, былъ человѣкъ пользующійся большимъ вѣсомъ между своими единоплеменниками — и это избавило насъ отъ разныхъ неприяностей. Наконецъ, кульджинскій караванъ прибылъ 19-го августа. По соединеніи съ нимъ мы продолжали слѣдовать въ Кульджу, сначала вдоль восточнаго берега озера Ала-куля, а потомъ чрезъ кочевья кызайцевъ и бегимбетовъ и чрезъ разные хребты горъ (Тохту, Канджигу и Талку). Съ Тохтинскаго хребта начинаются китайскіе караулы, по цѣпи которыхъ мы и слѣдовали до самой Кульджи. Караванъ нашъ состоялъ изъ 400 верблюдовъ; купцовъ съ работниками, вожаками и приставшими къ намъ киргизами было до сотни. При караванѣ, кромѣ товаровъ, было 8 т. барановъ, вымѣненныхъ

въ степи, по мѣрѣ того, какъ караванъ подвигался къ Кульдѣжѣ. На каждомъ китайскомъ караулѣ насъ пересчитывали, записывая верблюдовъ, барановъ и самое число тюковъ и сдавая все по счету слѣдующимъ караульнымъ начальникамъ.

Въ Кульджу вступили 9-го сентября. Насъ расположили на обычномъ мѣстѣ, въ 1¹/₂ версты отъ города, вондѣ самой рѣки Или; товары же, какіе находились при караванѣ, на другой день потребованы были въ таможенію и тамъ размѣщены въ особыхъ кладовыхъ.—Эпоха, въ которую мы прибыли въ Кульджу, была для торговли совершенно новая и весьма любопытная: доселѣ торговля въ Кульдѣжѣ производилась на иныхъ основаніяхъ нежели въ Чугучакѣ: въ послѣднемъ изъ сихъ мѣстъ пріѣзжающіе съ товарами торговцы имѣютъ дѣло собственно съ китайскими купцами; въ казну же китайскую ничего не продаютъ, внося только положенную пошлину,—по 1-й штукѣ съ 10-ти каждаго товара, за *половинную цѣну* (т. е. 5⁰/₁₀₀),—каковая половинная цѣна опредѣляется особымъ тарифомъ. Въ Кульдѣжѣ напротивъ того купцы доселѣ всегда торговали съ китайскою казною, которая за извѣстную цѣну покупала у нихъ часть товаровъ и за тѣмъ уже остальную позволяла потомъ предавать на волю желающихъ, т. е. китайскимъ купцамъ. Въ истекшемъ же 1845 году кульдѣжское купечество, съ разрѣшенія высшаго своего правительства, измѣнило этотъ порядокъ и приняло тотъ, который существуетъ въ Чугучакѣ, сдѣлавъ такимъ образомъ торговлю *вольною* и взиная въ казну извѣстную часть товаровъ въ видѣ пошлины. Новый этотъ порядокъ безъ сомнѣнія во всѣхъ отношеніяхъ лучше прежняго и болѣе можетъ способствовать развитію торговли; но ташкентцы наши, привозящіе въ Кульджу преимущественно всякій плохой товаръ и опасавшіеся, что имъ трудно будетъ сбыть оный китайскимъ купцамъ, были недовольны измѣненіемъ прежнихъ правилъ и стали сначала просить о возстановленіи прежняго образа производства торговли. При этомъ случаѣ я позволилъ себѣ сдѣлать имъ нѣкоторые внушенія и склонилъ ихъ оставить вышеизъясненное домогательство, а ограничиться только просьбою объ отмѣнѣ, или уменьшеніи самой пошлины, которая положена была съ нашихъ товаровъ вдвойнѣ, будучи взимаема и при предъявленіи въ таможенію (съ пріѣзжающихъ купцовъ) и съ самихъ китайцевъ, при вымѣнѣ сихъ товаровъ отъ нашего каравана. Переговоры объ отмѣнѣ, или уменьшеніи пошлины продолжались цѣлый мѣсяцъ. Во весь этотъ мѣсяцъ не только воспрещены были китайскимъ купцамъ всякія сообщенія съ

нашимъ караваномъ, но даже (чтобы заставить насъ на все безусловно согласиться) держали караванъ нѣсколько дней какъ бы въ осадномъ положеніи: не пропускали къ намъ ни хлѣба и прочихъ съѣстныхъ припасовъ, ни сѣна для нашего скота. Наконецъ дѣло кончилось болѣе или менѣе по желанію купечества: кульджинское начальство въ пошлинѣ сдѣлало значительную сбавку противъ Чугучака, и хотя, также какъ тамъ, взимаетъ одну десятую съ русскихъ товаровъ, за полуцѣны, но эта полуцѣна въ Кульджѣ по многимъ статьямъ равняется полной цѣнѣ, такъ что для купечества пошлина эта нисколько не отяготительна. Обстоятельство эта, и въ особенности то, что торговля въ Кульджѣ будетъ отнынѣ производиться съ китайскимъ купечествомъ, а не съ казною, благопріятствуетъ нашимъ сношеніямъ съ сею китайскою областію и можетъ послужить до нѣкоторой степени къ ихъ развитію.

Кульджа, находясь въ болѣе отдаленіи отъ нашей границы нежели Чугучакъ (въ разстояніи 900 верстъ), въ этомъ отношеніи представляетъ какъ бы менѣе удобствъ нежели сей послѣдній пунктъ; но взамѣнъ того она населеннѣе, болѣе въ ней купечества, и самые товары въ ней разнообразнѣе: кромѣ чая въ Кульджѣ вымѣниваются разныя шелковыя матеріи (канфы, фанзы, крѣпи и т. п.). Сверхъ того она ближе къ Кашкаріи. Но тѣ же препятствія, какія существуютъ для чугучакской торговли, встрѣчаются и здѣсь — и онѣ таковы, что безъ устраненія сихъ препятствій, безъ установленія *правильной съ китайцами торговли*, она не можетъ развиваться въ желаемой степени. Нельзя при этомъ еще не указать на одно обстоятельство довольно важное: часть нашихъ мануфактурныхъ товаровъ, промѣниваемыхъ въ Чугучакѣ и Кульджѣ, а именно: нанка, коленкоръ, миткаль, ситецъ, бумажные платки, и т. п., идутъ чрезъ городъ Урумджи ¹⁾ преимущественно въ Кашкарію и требованіе на подобнаго рода издѣлія тамъ столь значительно, что наши товары не удовлетворяютъ и десятой доли тамошнихъ потребителей, и можетъ быть отъ этого съ нѣкотораго времени началъ усиливаться привозъ въ Кашкарію англійскихъ товаровъ. Замѣчательно еще то, что большая часть этихъ англійскихъ бумажныхъ издѣлій проникаетъ туда не изъ

¹⁾ Урумджи находится за великою китайскою стѣною, на пути-изъ Китая въ Джунгарію и Кашкарію; въ этомъ городѣ находятся главные конторы китайскихъ купцовъ, торгующихъ въ Чугучакѣ, Кульджѣ и въ городахъ Кашкаріи.

Индіи чрезъ Тибетъ (не смотря на то, что это ближайшій туда путь), а изъ самаго Китая, проходя изъ китайскихъ портовъ, чрезъ всѣ внутреннія китайскія провинціи, за великую стѣну, въ Урумджи, а оттуда уже въ Кашкарію. Обо всемъ этомъ мнѣ говорили и китайскіе купцы и нѣкоторые изъ ташкентцевъ, которые были въ Кашкарѣ, Яркентѣ и Аксу,—такъ что обстоятельство это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. По большей несравненно для насъ краткости пути въ Кашкарію, по могущей отъ сего быть большей дешевизнѣ тамъ нашихъ товаровъ, казалось бы, они могли вытѣснить оттуда англійскіе, особенно если бы привозились лучшаго качества. Прежде съ нашей стороны были дѣланы опыты *непосредственныхъ сношеній съ Кашкаріею*: послѣдній караванъ ходилъ туда изъ Семипалатинска въ 1824 году (онъ принадлежалъ семипалатинскому купцу Попову); но съ тѣхъ моръ усилившіеся безпорядки въ Большой Ордѣ и между Дикокаменными киргизами, чрезъ кочевья коихъ лежитъ караванный путь въ Кашкарію, служили постояннымъ препятствіемъ къ возобновленію подобныхъ опытовъ, и такимъ образомъ Кашкарія начала уже подчиняться торговому вліянію Англіи. Теперь обстоятельства въ Большой Ордѣ и въ странѣ Дикокаменныхъ киргизовъ измѣнились въ лучшему и, при нѣкоторыхъ съ нашей стороны мѣрахъ, могли бы значительно содѣйствовать всякимъ торговымъ видамъ нашего правительства въ отношеніи къ Кашкаріи.

Во время всего пребыванія моего въ Кульдѣжѣ я не скрывалъ, что я русскій, какъ не скрывалъ и въ Чугучакѣ и это не подвергло меня никакимъ непріятностямъ, не смотря на то, что въ Кульдѣжѣ, какъ выше замѣчено, ѣздятъ почти исключительно одни наши Ташкентцы. Главное, чего должно было опасаться, это чтобы китайцы не проникли, что въ караванѣ находится русскій чиновникъ, посланный отъ правительства. Но по особенно счастливому стеченію обстоятельствъ и по мѣрамъ, принятымъ съ самаго начала министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, тайна эта не была китайцами проникнута.

Засимъ, долгомъ считаю донести, что въ бытность мою въ Кульдѣжѣ мнѣ удалось, при пособіи моихъ спутниковъ, склонить китайцевъ на позволеніе каравану возвратиться по другому пути, гораздо удобнѣйшему, именно: чрезъ Большую Орду и такъ называемыя *Семь-рты*. Караваны наши обыкновенно слѣдуютъ въ Кульдѣжѣ, какъ выше замѣчено, чрезъ Тарбагатай, мимо озера Алавуля (по восточной его сторонѣ); потомъ чрезъ разные хребты горъ, преодолевая множество всякаго рода труд-

ностей и препятствій, самою природою воздвигаемыхъ. Вотъ уже лѣтъ 40 какъ они ходятъ по этому пути, а чрезъ Семь-рѣкъ, или Большую Орду не пускаются изъ боязни вочующихъ тамъ киргизовъ. Ёдучи въ Кульджу и въ самой Кульджѣ отъ разныхъ людей я узналъ, что путь этотъ не такъ страшенъ, какъ мнѣ объ немъ рассказывали въ Семипалатинскѣ; къ тому же въ послѣднее время въ Большой Ордѣ совершились новыя благопріятныя для насъ обстоятельства. Киргизы этой Орды, которые прежде считали себя въ китайскомъ подданствѣ, стали проситься, и весьма усиленно, въ русское подданство. Сообразивши все это, я рѣшился просить у китайскаго начальства дозволенія возвратиться чрезъ Семь-рѣкъ (иначе, безъ сего позволенія, насъ не пропустили бы чрезъ ихъ караулы). Китайцы долго упорствовали намъ въ отказѣ; но наконецъ, по разнымъ убѣдительнымъ нашимъ доводамъ, которые были поддержаны нѣкоторыми подарками, склонились на наше домогательство. Въ слѣдствіе этого я отправился изъ Кульджи *по новому пути*, съ переводчикомъ Костромитиновымъ и ташкентцемъ Рахимджаномъ Беделевымъ, оказавшимъ во всемъ этомъ дѣлѣ особенныя услуги; прочіе же купцы и вообще весь караванъ, за исключеніемъ нашего, возвратились по прежней дорогѣ.

Новый путь оказался удобнымъ выше нашего ожиданія: горъ никакихъ нѣтъ кромѣ легкаго переѣзда чрезъ Юганташъ (отрасль хребта Алатау); вездѣ рѣки (не затрудняющія нисколько хода каравановъ); вездѣ отличныя кормы для скота (даже въ зимнее время) и ни малѣйшаго недостатка въ топливѣ; между тѣмъ какъ по прежнему пути во всемъ этомъ недостатокъ, особенно въ зимнее время. Киргизы же не только не дѣлали намъ никакихъ обидъ и притѣсненій, но принимали вездѣ съ особеннымъ изъясненіемъ дружества; главный батырь ихъ (наѣздникъ), къ которому мы обратились, далъ намъ даже двухъ сыновей своихъ въ провожатые. Путь нашъ лежалъ чрезъ помянутую отрасль хребта Алатау и чрезъ рѣки: Кузь-су, Караталъ, Акъ-су, Лепъ-су и Аягузь, впадающія въ озеро Балкашъ. Китайцы нѣкогда изъясняли притязанія на сіи мѣста, начиная съ Каратала и далѣе къ югу; но вліяніе ихъ тамъ давно кончилось и съ тѣхъ поръ земли эти были, если не въ полномъ владѣніи, то подъ вліяніемъ ховандцевъ.

Обо всемъ этомъ таже будетъ въ подробности изъяснено въ своемъ мѣстѣ. Проѣздъ чрезъ Большую Орду поставилъ меня въ возможность собрать довольно подробныя свѣдѣнія о киргизахъ сей Орды и о Диковаменныхъ киргизахъ, которые при

теперешнемъ положеніи нашей торговли, повидимому, заслуживаютъ особенное вниманіе.

Мы выѣхали изъ Кульджи 14-го ноября, и 10-го декабря были уже въ Семипалатинскѣ. По времени года можно было ожидать сильныхъ морозовъ и бурановъ; но путешествіе наше и въ этомъ отношеніи совершилось весьма счастливо безъ малѣйшихъ непріятныхъ послѣдствій. По прибытіи въ Семипалатинскъ я сдалъ въ таможеню всѣ вымѣненные въ Кульджѣ и Чугучакѣ китайскіе товары, большею частью чай и разныя шелковые матеріи, нѣкоторые же въ видѣ образцовъ отправилъ въ С.-Петербургъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ находятся предметы, которые, повидимому, могли бы составить новыя статьи торговли.

Въ заключеніе обязанностию считаю засвидѣтельствовать предъ вашимъ сіятельствомъ объ отличномъ усердіи бывшаго при мнѣ переводчика Костромитинова, который въ продолженіе всего путешествія былъ мнѣ весьма полезенъ, какъ по знанію татарскаго языка, такъ и по дѣятельности и распорядительности своей.

С.-Петербургъ,
11-го февраля 1846 г.

Докладная записка г. генералъ-губернатору Западной Сибири.

Вашему сіятельству угодно было, чтобы я представилъ свѣдѣнія, какія собралъ въ проѣздъ чрезъ Большую Орду о султанахъ и прочихъ лицахъ, пользующихся вліяніемъ между киргизами сей орды, извѣстными подъ общимъ наименованіемъ юсунцевъ¹⁾.

Во исполненіе сего требованія честь имѣю донести: что власть султановъ въ послѣднее время вообще упала, и теперь между юсунцами существуетъ почти совершенное безначалье: многіе батыри пользуются гораздо большимъ вѣсомъ, нежели самые султаны ихъ. Изъ сего слѣдуетъ однако-же исключить султановъ Галія Адилева и племянника его султана Хакима,

¹⁾ Юсунцы раздѣляются на нѣсколько родовъ, но главные изъ нихъ суть дулаты. Къ нимъ принадлежатъ султаны: Хакимъ, Галій и Батырь Тойчубекъ, о которомъ ниже въ подробности упоминается.

сына покойнаго султана Кулана ¹⁾. Первый изъ нихъ кочуетъ около устья Кууъ-су; а второй ближе къ китайскимъ карауламъ.

Что же касается до султана Иргали, иначе называемаго Кучюномъ (брата Галия), имѣющаго отъ нашего правительства нѣкоторые знаки отличія, то онъ не имѣетъ никакого особеннаго вѣса ²⁾.

То же самое можно сказать о престарѣломъ Сюкѣ Аблай-хановѣ, кочующемъ на Караталѣ, который заслуживаетъ только вниманіе по своей постоянной и испытанной преданности русскому правительству.

Затѣмъ изъ киргизскихъ батырей, кромѣ Тойчубека (съ которымъ я имѣлъ личныя сношенія) наиболѣе вліятельные суть: Куренкей, родственникъ Тойчубека, Декабмай и Байсерке. (Вѣроятно, есть и другіе). Батырей этихъ также весьма полезно бы было приласкать и стараться держать въ добромъ къ намъ расположеніи.

О Тойчубекѣ обязываюсь еще доложить, что онъ при всемъ томъ, что въ душѣ не очень любитъ русскихъ, оказалъ все возможное вниманіе къ нашему небольшому каравану—первому русскому каравану, который прошелъ чрезъ ихъ мѣста, на возвратномъ пути изъ Кульджи ³⁾. Султанъ Хакимъ вмѣстѣ съ нимъ кочующій, не смотря на то, что мы обратились не къ нему, а

¹⁾ У хана Аблая было два сына: Адиль и Сюкъ (Сюкъ Аблай-хановъ находящійся еще въ живыхъ и кочующій на Караталѣ).

Отъ Адиля (давно умершаго) произошла большая часть нынѣшнихъ юсунскихъ султановъ. Его дѣти были: Куланъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ между киргизами (онъ померъ тому лѣтъ 15), Галий, Иргали и другіе, отъ которыхъ произошло еще множество султановъ.

Галий и Иргали живы и первый изъ нихъ (Галий) всегда считался между киргизскими султанами разумнѣйшимъ. Теперь онъ и по лѣтамъ своимъ и по уму имѣетъ особенное вліяніе на юсунцевъ; затѣмъ помянутый султанъ Хакимъ, какъ старшій сынъ покойнаго Кулана.

Въ прошломъ году, когда у юсунцевъ рѣшался вопросъ: проситься ли имъ въ русское подданство или нѣтъ, то съѣздъ для рѣшенія сего дѣла былъ у султана Галия и потомъ также былъ въ числѣ главныхъ султанъ Хакимъ.

²⁾ Если онъ и заслуживаетъ нѣкоторое вниманіе, то только потому, что братъ Галия и вмѣстѣ съ нимъ кочуетъ. По слухамъ въ Большой Ордѣ прошедшей осенью онъ собирался ѣхать въ Омскъ въ качествѣ депутата отъ юсунцевъ, но пріѣздъ къ юсунцамъ нашего Бикходжи заставилъ его отнѣнить это намѣреніе.

³⁾ Племянникъ его Исенбекъ и сынъ его же, Тойчубека, Джанъ ходжи были употребляемы дулатами по дѣлу объ удовлетвореніи нашихъ Наймаевъ. Они много тутъ содѣйствовали и, казалось, было бы не безполезно при случаѣ чѣмъ-нибудь ихъ отличить.

въ Тойчубеку, лицу второстепенному, также не сдѣлалъ ни малѣйшаго затрудненія въ пропускѣ каравана и обошелся съ нами весьма привѣтливо.

Явить имъ за это нѣкоторые знаки вниманія со стороны вашего сіятельства не только не будетъ лишнимъ и тѣмъ болѣе, что они кочуютъ на самомъ караванномъ пути, но, смѣю думать, и впредь можетъ побудить ихъ къ оказанію проходящимъ чрезъ ихъ кочевья русскимъ караванамъ всякаго пособія и покровительства, чтò для торговыхъ видовъ тѣмъ важнѣе, что путь чрезъ Семь-рѣкъ (чрезъ кочевья юсунцевъ) несравненно удобнѣе того, по которому обыкновенно ходятъ въ Кульджу наши караваны. Купцы наши, имѣющіе дѣла съ Кульджею, намѣрены будущимъ же лѣтомъ отправить караванъ по сему новому пути, если только обстоятельства будутъ тому благопріятствовать, т.-е. если юсунцы сохранятъ къ намъ тѣ же отношенія и чувствованія въ какихъ теперь находятся, благодаря распоряженіямъ вашего сіятельства у пограничнаго начальства.

Отношеніе къ Директору Азіатскаго Департамента.

Я уже имѣлъ честь довести до свѣдѣнія вашего превосходительства о возвращеніи моемъ и состоящаго при мнѣ губернскаго секретаря Костромитинова въ Семипалатинскъ.

Нынѣ долгомъ поставляю увѣдомить: что вывезенные мною изъ Чугучака и Кульджи товары, на основаніи данныхъ мнѣ предписаній, сданы въ Семипалатинскую таможду; нѣкоторые же изъ нихъ взяты для представленія начальству. Чтò именно взято и чтò оставлено, изволите усмотрѣть изъ прилагаемыхъ при семъ списковъ съ отношенія моего къ г. управляющему таможеню и съ слѣдующихъ къ сему отношенію двухъ приложений.

Взятые изъ таможди вещи, по надлежащей укупоркѣ, сданы 27 декабря находящемуся въ Семипалатинскѣ повѣренному московскаго купца Шевельина, Дмитрію Иванову Антипину, который подрадилъ ихъ доставить въ Москву за плату по восьми рублей ассигнаціями съ пуда. Всей тяжести оказалось 6 ящиковъ, составившихъ 15 пудовъ 14 фунтовъ, за которые причлось Антипину 122 руб. 80 коп. ассигнаціями; сумма сія выдана ему въ Семипалатинскѣ. По доставленіи означенныхъ ящиковъ въ Москву, оные будутъ тамъ сданы купцу Михайлѣ Дмитріеву Гусеву, къ коему я на сей конецъ выслалъ и накладную съ роспискою на оной Антипина, въ полученіи какъ ящиковъ, такъ и вышеозначенной суммы (копія съ сей наклад-

ной у сего же представляется). Дальнѣйшее всего отправленіе изъ Москвы будетъ устроено по пріѣздѣ моемъ туда. Я надѣюсь быть тамъ ранѣе прихода помянутыхъ тяжестей.

За симъ, обязываюсь доложить, что по полученіи нужныхъ свѣдѣній отъ г. управляющаго семипалатинскою таможеню, я 28 декабря, вмѣстѣ съ губернскимъ секретаремъ Костромитиновымъ отправился въ Омскъ, куда и прибылъ 31 декабря, а на другой день имѣлъ честь представиться къ г. генералъ-губернатору Западной Сибири. По распоряженію его сіятельства, получилъ я здѣсь прогоны и подорожную отъ Омска до Оренбурга. Прогонныхъ денегъ выдано мнѣ по положенію на 6 лошадей 137 руб. 92¹/₂ коп. серебромъ (по расчету 1532¹/₂ версты), а Костромитинову на 2 лошади 45 руб. 97¹/₂ коп., а всего сто восемьдесятъ три рубля девяносто копѣекъ серебромъ.

Обо всемъ этомъ доводя до свѣдѣнія вашего превосходительства, честь имѣю присовокупить, что сего 4-го января я отправляюсь съ г. Костромитиновымъ въ дальнѣйшій путь по указанію начальства.

М а р ш р у т ы .

I. Изъ Семипалатинска въ Чулуцакъ.		Привалы.	Версты
1. Бишъ-чуку (колодезь).	30	14. Дебнека (рѣчка)	25
2. Кара-мола (на р. Чарѣ)	25	15. Кульденекъ-су (въ Тар-багатаѣ)	30
3. Аякъ-карауль (на р. Чарѣ)	25	16. Кара-мула	30
4. Урта-карауль (на р. Чарѣ)	20	17. Катынъ-су	15
5. Джанъ-аму (при рѣч. Джангалъ)	25	18. Китайскій карауль Джигирма	35
6. Айдарлы-кызыль (сопка)	25	19. Чугучакъ	20
7. Дубай (сопка)	20	Итого	
8. Пикетъ Караджалъ	20	Караваны совершаютъ этотъ путь въ 12 дней.	
9. Комбектинскій приказъ	30	II. Отъ Семипалатинска до Чулуцака чрезъ Аягузъ.	
10. Кара-уткуль (рѣчка)	20	Привалы.	Версты
11. Юзъ-агачъ (рѣчка и лѣсъ)	20	1. Пикетъ Улугузъ, при колодезѣ	25
12. Бугасъ (рѣчка)	35	2. Колодезь Кургамбай	25
13. Карабуга-базаръ (рѣчка)	20	3. Колодцы Кызыляръ Казганъ	14

Привалы.	Версты
4. Пикетъ Джарташъ, на ключъ	30
5. Пикетъ Косумбетъ, ко- лодцы	26
6. Пикетъ Аркаты, на ключъ	26
7. Пикетъ Альчи Надырь, володцы	24
8. Пикетъ Узунбулакъ, ключъ	24
9. Пикетъ Горькій или Аще-су, володцы . .	26
10. Кой-Тасъ, гора и ключъ, влѣво отъ дороги . .	20
11. Рѣка Аягузъ, выше Новаго приказа 15 в.	25
12. Р. Большой Нарымъ (уроч. Чинъ-ходжа) .	21
13. Ключъ Джалпага-су .	30
14. Р. Караколъ	20
15. Ключъ Кобелега-су у горъ Кызыль Беледу .	25
16. Р. Урджаръ	22
17. Ключъ Пшукъ Ак- джаръ	18
18. Рѣка Сарымсагты .	22
19. Рѣка Коктерекъ . .	25
20. Уйрянъ-Копа, ключъ и камышы	16
21. Ключъ Кай-чи . . .	14
22. Кит. караулъ Коктума, при ключъ	18
23. Чугучакъ	16

Итого . . 512

Караванъ приходитъ въ Чугу-
чакъ по этому пути въ 15 дней.

III. Отъ Семипалатинска до Кульджи.

Привалы.	Версты
Караваны слѣдуютъ выше- означеннымъ трактомъ (II) до 16-го привала на р. Ур- джаръ	388
17. Уроч. Буркъ-агачъ на р. Урджаръ	80
18. Р. Катинъ-су	35
19. Р. Эмиль при уроч. Джангызъ-агачъ . .	16
20. Ключъ Вали-булакъ на вост. сторонѣ озера Алакуля	22
21. Ключъ Уали-булакъ .	21
22. Ключъ Узунъ-булакъ	25
23. Ключъ Кабакъ-булакъ	16
24. Ключъ Кызыль-Кайнъ	20
25. Колодцы Уланъ-Куль	25
26. Ключъ Кара-Даванъ .	16
27. Кит. караулъ Каптагай, ключъ	11
28. Ключъ Уте-булакъ .	12
29. Кит. караулъ Боротара или Уланъ-Бура . .	27
30. Кит. караулъ Канджага	28
31. Ключъ Кульденекъ-су	11
Проходятъ мимо озера и караула Сайрама.	
32. Гора Талка, ключи .	37
33. Кит. караулъ Талка .	17
34. Караулъ и деревня Сар- булакъ	25
35. Городъ Кульджа, на р. Или	25

Итого . . 802

(Окончаніе слѣдуетъ).

Этюды по истории поэтического стиля и формъ *).

(Продолженіе **).

2. Начала пастурели.

Въ литературѣ, посвященной вопросу о происхожденіи пастурели, отношеній ея къ классической идилліи никто почти не касался (см., однако, этюдъ Pillot). Объясняется это, конечно, общимъ воззрѣніемъ на вліяніе классическаго преданія въ средніе вѣка, которому отводилось въ общемъ незначительное мѣсто. Между тѣмъ, это едва ли справедливо. Несомнѣнно, что многія черты куртуазнаго идеала нашли себѣ откликъ и поддержку въ классическихъ воспоминаніяхъ и чтеніяхъ, и отчасти даже коренятся въ нихъ. Кое-что проходило въ рыцарскую среду непосредственно, изъ различныхъ передѣлокъ и пересказовъ древнихъ мотивовъ. Но многое проникало и путемъ церкви, школы. Ихъ роль въ литературномъ развитіи Западной Европы еще не достаточно изучена и латинская литература, поскольку она не замыкалась въ стѣнахъ школы, пока еще мало привлекала къ себѣ интересы изслѣдователей. Представители школы и церкви являлись настоящей средне-вѣковой интеллигенціей, въ полномъ смыслѣ этого слова, съ опредѣленной исторической традиціей, самосознаніемъ. Ихъ литература была литературой *par excellence*; то, что распространяли всякіе бродячіе пѣвцы, — пустымъ времяпрепровожденіемъ досужныхъ людей или легкой забавой. Она станетъ настоящей литературой послѣ того, какъ попытаетъ свои силы въ вопросахъ, которые до той поры не подлежали ея вѣдѣнію. Если школьная литература относительно рѣдко служила матерьяломъ для подражанія, заимствованія, то гораздо чаще она являлась образцомъ работы. Вотъ почему необходимо считаться съ нею при анализѣ средне-вѣковой литературы и тщательно отмѣчать, гдѣ

*) См. Журн. Мин. Нар. Просв., 1901, № 12, часть CCCXX XVIII, отд. 2, стр. 250 и слѣд.: Припѣвъ и аналитическій параллелизмъ.

**) См. „Жив. Стар.“, вып. II, 1907 г.

возможно, несомнѣнные точки соприкосновенія между той и другой (Эбертъ,² I, р. X сл.; ср. работы Шёнбаха).

Для пастурели, какъ уже было сказано, этого не дѣлалось. Она представлялась настолько національнымъ поэтическимъ продуктомъ, что о заимствованіи и рѣчи быть не могло. Какъ то случайно Faugiel коснулся вопроса объ отношеніи провансальской пастурели къ античной, но мимоходомъ, не аргументируя своего предположенія, и тутъ же наполовину его затушевывая: „Ce genre est donc encore un des fils par lesquels il est probable que la poésie chevaleresque tient aux traditions de l'antiquité classique. Du reste, il y a peu de choses à dire de la poésie pastorale des troubadours, quelle qu'en soit l'origine, sinon que c'est peut-être une des abstractions poétiques les plus étranges dont l'histoire de la littérature fasse mention“¹²). Интересенъ самый фактъ появленія у двухъ различныхъ національностей одной и той же формы идилліи. Впрочемъ, можно ли французскую пастурель назвать идилліею въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы называемъ пьесы Теокрита? Насколько пастурель явилась, въ самомъ дѣлѣ, попыткой удовлетворить потребности сознательнаго противопоставленія простой, деревенской или пастушеской обстановки куртуазному искусственному рыцарству? Исторія древнѣйшихъ формъ скорѣе противъ такого толкованія явленія. Позже пастурель была осмыслена въ этомъ направленіи, но это стало возможнымъ лишь въ пору расцвѣта куртуазныхъ началъ, при условіяхъ, подсказывавшихъ антитезу тамъ, гдѣ прежде былъ простой традиціонный мотивъ.

Другое дѣло — классическая идиллія. Она отвѣтила запросамъ сентиментализма александрійской эпохи, какъ историческія симпатіи современниковъ Ричардсона являлись выраженіемъ мечтаній о добромъ старомъ времени (непремѣнно, конечно, добромъ), *своей*, національной порѣ, далекой отъ уродливостей галлизированной современности. Впрочемъ, различная оцѣнка однихъ и тѣхъ же данныхъ не устраняетъ возможности заимствованія.

Посмотримъ, что же даетъ классическая идиллія или эклога для пониманія французской пастурели.

Излюбленной темой Теокрита является мотивъ мусическаго состязанія: онъ заставляетъ своего Тирсида пропѣть намъ по приглашенію товарища — пастуха о смерти Дафниса, за что Тирсидъ награжденъ красивымъ сосудомъ и правомъ подонть одну изъ ковъ (I); описываетъ пѣніе възапуски двухъ пастуховъ, обмѣни-

¹²) Hist. de la poésie prov., P. 1846, т. II стр. 91.

вающихся шутками (V, сл. VII, VIII, IX), мимирующих диалогъ Дафниса и Полифема, влюбленнаго въ Галатею (VI), или, наконецъ, рисуетъ намъ нѣчто вродѣ *débat* двухъ крестьянъ, которые жнутъ въ полѣ: одинъ поетъ о своей любви къ прекрасной Полиботѣ, на что товарищъ его, Милонъ, отвѣчаетъ смѣйкомъ и пѣснью жнеца,—любовныя мысли не дѣло рабочаго человѣка (X). Пѣніе взапуски и *débats*, отчасти разнообразность первыхъ, одинъ изъ любимыхъ народныхъ приемовъ, съ которыми мы встрѣчаемся всюду, отъ Америки до Сибири и отъ Норвегіи до Австраліи. Въ Сициліи онъ также популяренъ теперь, какъ былъ популяренъ и въ эпоху Теокрита, когда по извѣстнымъ праздникамъ пастухи являлись въ города и устраивали такіа состязанія.

Идиллія IV вводитъ насъ въ кругъ пѣсенъ, которыя можно было бы назвать любовными сценками. Пастухи Ваттъ и Коридонъ бесѣдуютъ о любви. Коридонъ утѣшаетъ товарища, лишившагося недавно своей возлюбленной Амариллиды. Тѣмъ временемъ стадо ихъ забирается въ оливковую рощу и начинаетъ уничтожать молодые побѣги. Пастухи прерываютъ разговоръ и бросаются за нимъ въ погоню, во время которой Ваттъ вanoзилъ себѣ ногу. Сценка заканчивается разговоромъ пріятелей объ одномъ навязчивомъ влюбленномъ старикѣ (*γερόντιον*). Идиллія XXIII, изображающая трагическій конецъ одного влюбленнаго, повѣсившагося на дворѣ у юноши, предмета его страсти, убитаго потомъ въ наказаніе за его недоступность упавшею на него статуей Эроса, и извѣстный 'Ο *Αριστός* (XXVII) принадлежать къ числу псевдо-теокритовыхъ псесъ.—Гораздо многочисленнѣе классъ любовныхъ монологовъ,—идилліи, вродѣ *Φαρμακευτρίας* (II), III, въ которой пастухъ поетъ свою скорбную пѣсню передъ гротомъ недоступной красавицы Амариллиды, или lamentaцій Киклопа (XI), страдающаго отъ любви своей въ Галатеѣ—рядъ красивыхъ психологическихъ мотивовъ, полныхъ тонкой наблюдательности, изящества и настроенія. Къ нимъ примыкаетъ еще нѣсколько псесъ, въ которыхъ поэтъ знакомитъ насъ съ душевнымъ состояніемъ женщины, ожидающей своего возлюбленнаго (XII), или даетъ монологъ безнадежно влюбленнаго (XXIX и XXX). Если присоединить къ этому перечню типовъ идилліи извѣстныхъ Сиракузянокъ (XV), то основныя, важнѣйшія категоріи ея будутъ исчерпаны. Я миновалъ политическія идилліи Теокрита; они переносятъ насъ къ эклогамъ Вергілія и другихъ римскихъ поэтовъ, для которыхъ эта форма гораздо характернѣе. Изъ трехъ политическихъ псесъ Теокрита только

одна (XIV) может быть названа идилліей; она облечена въ форму діалога между Эхиномъ и Оіонихомъ. Эхинъ жалуется товарищу на свою возлюбленную Киниску, которая оскорбила его недавно на пиру тѣмъ, что слишкомъ явно выразила свою симпатію другому. Чтобы развѣять свое горе онъ собирается уйти куда-нибудь и поступить въ солдаты. Услышавъ эти слова Эхина, Оіонихъ совѣтуетъ ему отправиться къ Птолемею, гдѣ ему будетъ навѣрное достаточно покоя. Птолемей всегда сумѣетъ оцѣнить преданнаго ему человѣка и вознаградитъ его за услуги. Похвала занимаетъ всего нѣсколько стиховъ и очень искусно вполетена въ общую канву разсказа. XVI и XVII, наоборотъ, представляютъ собой обычные хвалебныя пѣсни: первая—въ честь Герона II Сиракузскаго, расположенія и покровительства котораго добивался поэтъ, вторая—въ честь Птолемея II.

Политической эологой отърывается составленный, вѣроятно, самимъ поэтомъ сборникъ буколикъ Виргилія. Она посвящена восхваленію Августа; по формѣ это діалогъ Титира и Мелибея (I). Въ послѣдней изъ пѣснь, заканчивающей собой рядъ амебейныхъ элогъ, поэтъ знакомитъ насъ съ положеніемъ вопроса о конфискаціи земель, ради которой ему самому пришлось перенести немало тревогъ и безнокойства: Лвкідъ и Меридъ бесѣдуютъ о судьбѣ хозяина Мерида, пѣвцѣ Меналкѣ: нѣкогда ему помогли въ бѣдѣ его стихи, отрывки которыхъ пріятели припоминаютъ во время своего разговора; но теперь времена наступили иныя — и стихи перестаютъ приносить пользу (IX). Къ тому же вопросу примыкаетъ и популярная въ средніе вѣка: *Sicilides musae, paulo maiora sapientus* (IV), связь которой съ эологой ограничивается только этой *captatio benevolentiae*. Между этими политическими элогами и пастушескими стихотвореніями стоятъ VI и VIII, посвященные Вару и Азинію Полліону: VI—эпическая пѣснь о міровданіи, вложенная поэтомъ въ уста Силена, который поетъ ее по требованію лишившихъ его свободы, въ то время когда онъ, подвыпивъ, спалъ, Эгле, Хромида и Мнасила. VIII—комбинація мотивовъ оокритовой Ворожен (II) и жалобы Киклопа (XII), перенесенной въ уста любовника, тоскующаго по своей возлюбленной въ день ея свадьбы. Большинство остальныхъ элогъ рисуютъ намъ столь любимыя Теоокритомъ поэтическія состязанія, *alternis dicetis: amant alterna carmenae* (III v. 5); передъ нами Меналкѣ и Дамета, обмѣнивающіеся въ присутствіи приглашеннаго ими въ качествѣ судьи Палемона двустипхіями: одинъ

ставить извѣстныя положенія, товарищъ его старается съострить по поводу ихъ или противопоставить имъ другія, аналогичныя, въ свою пользу. Пѣніе кончается загадками, предлагаемыми и той и другой стороною и приговоромъ Палемона, признающаго обоихъ пастуховъ достойными награды (III). Или Меналеъ и Монсъ, поочередно поющіе о гибели и славѣ Дафниса, вознесеннаго на Олимпъ и чествуемаго торжественно на ежегодныхъ празднествахъ (V). Иногда тотъ же мотивъ мусическаго состязанія вставленъ въ эпическія рамки разсказа о немъ, какъ напр., въ эклогѣ, въ которой Мелибей описываетъ подобный поэтическій турниръ Коридона и Тирсита въ присутствіи Дафниса (VII). Рядомъ съ ними монологи любовнаго содержанія крайне немногочисленны. Въ одномъ изъ нихъ поэтъ изображаетъ страданія пастуха, влюбленнаго въ красавца Алексиду (II), въ другомъ любовную тоску Галла, оставленнаго Ливоридой, котораго стараются утѣшить Панъ, Сильванъ и даже самъ Аполлонъ и который, наконецъ, смиряется передъ всепокоряющей силой любви: *omnia vincit amor, et nos cedamus amori* (X).

За Виргиліемъ въ области буколики слѣдуютъ Кальпурній (Т. Calpurnius Siculus) и Немезіанъ (М. Aurelius Olympius Nemesianus). Первый принадлежитъ эпохѣ Нерона. Три изъ его эклогъ, (I, IV, VII) представляющія собой политическія идилліи, съ аллюзіями на современность, написаны несомнѣнно въ надеждѣ, что пѣсня дойдетъ до того, кому она написана: *Forſitan augustas feret haec Meliboeus ad aures* (I v. 94). Они восхваляютъ цезаря (IV, VII) и предвѣщаютъ ему наступленіе золотого вѣка (I). Другія, подобно буколикамъ творца Энеиды, изображаютъ поэтическія состязанія 2-хъ пастуховъ (VI) или преніе пастуха и садовника на тему о томъ, чье ремесло имѣетъ больше значенія (II). V пѣса нѣчто вродѣ *Breviarium pastoris*: старый пастухъ Миконъ, хочетъ отдохнуть и поручаетъ стадо своему молодому товарищу, причемъ даетъ ему соотвѣтствующія указанія. III идиллія единственная въ сборникѣ буколика Кальпурнія, въ которой любовный мотивъ занимаетъ главное мѣсто, хотя онъ и сопоставленъ здѣсь съ другой темой (также отчасти II: восхваленіе *Crocus*): *Jollas* приходитъ къ *Ликиду* узнать, не видѣлъ ли онъ его бѣжавшей коровы. Но напрасно спрашивать *Ликида*: онъ всецѣло поглощенъ мыслью о своей *Филлидѣ*, которая бросила его и отдалась *Монсу*. По этому поводу вмѣсто свѣдѣній о пропавшей коровѣ *Ликидъ* сообщаетъ товарищу пѣсню, которою онъ думаетъ вернуть къ себѣ невѣрную красавицу. Строго говоря обѣ послѣднія пѣсы, III и V,

опять таки могутъ быть подведены подъ категорію состязаній, или, обобщая нѣсколько терминъ, подъ категорію идиллій, изображающихъ исполненіе пѣсни. Вступленіе является лишь поводомъ къ пѣснѣ, къ наставленію.

Къ той же Нероновой эпохѣ относятся и двѣ найденныя Наурт'омъ и заданныя имъ же буболики, сохранившіяся въ рукописи Einsiedeln'a. Одна изъ нихъ примыкаетъ къ I эклогу Кальпурнія и говоритъ о возвращеніи золотого вѣка при Неронѣ; въ другой описывается обычай состязанія, имѣющій въ данномъ случаѣ цѣль прославить Нерона какъ музыканта.

Обыкновенно рядомъ съ эклогами Кальпурнія ставятъ четыре идилліи, приписанныя ему же, но на самомъ дѣлѣ принадлежащія, вѣроятно, перу автора *Cynegetica*, карфагенянину Немезіану (III в.). Всѣ они примыкаютъ къ группѣ амебейныхъ пѣсней: пастухи поютъ славу умершаго Мелибея (I), поютъ о заключенной ея родителемъ Донасе (II): или жалуется взалупки на своихъ возлюбленныхъ. III эклога ближайшимъ образомъ напоминаетъ VI эклогу Виргилія, только тема ея уже: пробужденный тремя мальчиками пастухами, которые овладѣли во время его сна его флейтой и не могутъ съ ней справиться, Панъ беретъ у нихъ свой инструментъ и поетъ славу Вакха.

Наиболѣе распространеннымъ мотивомъ античныхъ эклогъ и идиллій является, какъ мы видѣли, мусическое состязаніе или изображеніе исполненія пѣсни (Θεοκρίτῃ, Виргилій); къ амебейнымъ пѣсамъ Виргилія придется еще присоединить VI и VIII, которыя строго говоря, представляютъ собой аналогичныя сценки: введеніе VI есть только поводъ послушать пѣніе Силена, и обѣ пѣсни VIII могутъ быть связаны психологически. Мотивъ варьировался, такъ какъ былъ любимымъ мотивомъ поэтовъ. Эта черта классической идилліи, при знакомствѣ съ послѣдней, должна была остановить на себѣ вниманіе средне-вѣковыхъ поэтовъ, такъ какъ амебейныя пѣсни и пѣніе взалупки были хорошо знакомы и средне-вѣковому западу; между тѣмъ ни французскія, ни провансальскія пастурели не даютъ въ этомъ смыслѣ ничего. Никакого слѣда не оставила послѣ себя и политическая эклога, популярная въ римской литературѣ, и давшая тамъ цѣлый рядъ разновидностей болѣе или менѣе наскрирующихъ основной мотивъ. Въ литературѣ Франціи, знавшей сирвентесъ, какъ политическую и дидактическую пѣсню, эта форма могла встрѣтить сочувствіе и найти подражателей. Но единственный обращикъ политической пастурели, *L'autrier*

m'anav' ab cor pensiu—Paulet de Marselha, проще и прежде всего нужно объяснить, какъ разновидность классическаго типа пастушеской пѣсни, сложившуюся подъ вліяніемъ сирвентесовъ: она была простымъ продолженіемъ дидактическихъ композицій вроде L'autrier al issida d'abriu Margabrun'a, оригиналовъ которыхъ мы напрасно бы искали въ античной литературѣ. Единственно возможное сопоставленіе, если оно уже такъ необходимо, было бы сопоставленіе ихъ съ I и V Кальпурнія и II идилліей Наурт'а. Но характеръ образовъ, отсутствіе, напр., пастушки здѣсь, какъ и въ другихъ античныхъ пьесахъ, исключаетъ гипотезу заимствованія или ослзательнаго вліянія, дальше котораго идти, конечно, трудно.

Въ группѣ идиллій съ мотивами любви нужно различать двѣ категоріи: въ одной мотивъ этотъ является основнымъ, центральнымъ, въ другой—онъ вводная, побочная тема. Къ первой категоріи относится цѣлый рядъ пьесъ Теокрита и Виргилія, особенно перваго; они представляютъ собой или монологъ—ламентацию любящихъ (В. II, перв. часть VIII, X; сл. Θ. III, XXIX) или рисуютъ намъ эпическую картину, сюжетомъ которой является любовь, ея печальные моменты (Θ. XI, XIX, XXVI). Единственная пьеса этого типа, гдѣ описываемое приписывается женщинѣ—Θ. XII; во всѣхъ остальныхъ она за сценой. Единственная французская пастурель, которая можетъ быть сопоставлена съ указанными—III, 38, но монологъ здѣсь вложенъ въ уста дѣвушки, она не сохранилась въ древнихъ спискахъ и, наконецъ, можетъ представлять собой лишь фрагментъ болѣе полнаго текста. Но даже забывая о двухъ послѣднихъ условіяхъ, мы ничего не выиграемъ отъ сличенія III, 38 съ ближайшимъ къ пей по содержанію В. II, VIII и Θ. III, XXIX. Центральное положеніе занимаетъ мотивъ любви и въ нѣкоторыхъ діалогическихъ по формѣ идилліяхъ (Немес. II, IV, Θ. VI и *XXVII). Аналогію съ пастурелью представляетъ, однако, одинъ только oaristus, но и здѣсь сходство ограничивается лишь общимъ положеніемъ, которое настолько элементарно, что можетъ встрѣчаться всюду.

Пьесы, гдѣ тема любви играетъ роль вводнаго элемента (Кальп. (II) III; В. (V); Θ. (I) IV, X, XIV, XX), опять таки связаны съ такими деталями, которыя дѣлаютъ невозможнымъ перенесеніе мотива.—Какія же у насъ точки опоры для сужденія о заимствованіи пастушеской идилліи отъ писателей древности или даже просто объ общей зависимости пастурели отъ ея классическихъ параллелей, о вліяніи идиллій въ общемъ,

какъ жанра, на средне-вѣковыхъ поэтовъ, которые, познакомившись съ нею или зная только о ея существованіи, хотя бы изъ вторыхъ рукъ, создали свой собственный оригинальный pendant къ ней? Примѣръ Нитгарда не рѣшаетъ вопроса (если объяснять его дѣятельность отчасти влияніемъ французской „деревенской поэзіи“). Мы имѣемъ дѣло съ представителями начинающейся эпохи, за которыми едва ли можно было бы признать такую самостоятельность творчества, изощренность вкуса и сложность (относительную, конечно), настроения. Исторія провансальской пастурели указываетъ скорѣе на непопулярность жанра, который спасала только традиція, ибо организующаяся куртуазная среда пока не была еще въ состояніи осмыслить его какъ идиллію, а тѣмъ болѣе взяться за ея созданіе изъ національнаго матерьяла по образцу античныхъ оригиналовъ. Если она и знала кое-что объ этихъ послѣднихъ, то не удѣляла имъ никакого вниманія, такъ какъ они не отвѣчали ея запросамъ. Если же предположить, что она могла заинтересоваться классической идилліей какъ новымъ мотивомъ, какъ фавбулой, то пришлось бы предположить вмѣстѣ съ тѣмъ и извѣстный параллелизмъ въ этомъ отношеніи между буколикой и пастурелью, тѣмъ болѣе что усвоеніе наиболѣе характерныхъ типовъ первой было вполне возможно ввиду аналогичныхъ мѣстныхъ данныхъ. Одинъ пасторальный элементъ самъ по себѣ (хотя бы рядомъ съ обстановкой нѣмецкой Dorfroesie) слишкомъ незначительная точка опоры для построенія, тѣмъ болѣе что его можно объяснить,—въ согласіи съ исторіей французскаго лиризма вообще, изъ данныхъ иного порядка.—Впрочемъ, можетъ быть, всѣ эти соображенія несправедливы ввиду того, что между античной традиціей и позднѣйшимъ литературнымъ развитіемъ могла стоять школа, переработавшая перешедшую къ ней по наслѣдству эллогу *по-своему*: мы ошиблись бы, такимъ образомъ, въ исходной точкѣ. Посмотримъ, что даетъ намъ школьная литература. Но предварительно, нѣсколько словъ о ранней средне-вѣковой буколической поэзіи, съ которою необходимо считаться и для пониманія дальнѣйшаго.

Въ литературномъ кружкѣ, сгруппировавшемся при дворѣ Карла Великаго и [каковы бы ни были цѣли его вдохновителя (ср. итальянскую и нѣмецкую критику)] обновившемъ въ извѣстной мѣрѣ культъ классической поэзіи съ точки зрѣнія свѣтской, Виргилій являлся однимъ изъ наиболѣе любимыхъ писателей древности. Въ одномъ изъ своихъ посланій Гюркской братіи, бывшимъ своимъ ученикамъ, Алкуинъ обращается къ

нимъ съ увѣщаніемъ заниматься поэзіей и, взявъ флектръ Марона, порадовать своего учителя добрыми пѣснями. Читались и изучались не только Энеида и другіе болѣе значительныя по объему его произведенія, но и скромныя сицилійскія пѣсни. На знакомство съ ними указываетъ приуроченіе пастушескихъ именъ Виргилія къ нѣкоторымъ изъ представителей общественной дѣятельности и литературы того времени: *Damoetas* было прозвищемъ діакона Рикюльфа, котораго Карлъ Великій посылалъ въ 781 г. къ Тассилону баварскому, и который позже былъ сдѣланъ архіепископомъ Майнца (787—813 гг.); *Corydon*омъ называлъ Алкуинъ одного изъ своихъ учениковъ, вѣроятно *Naso-Moadwinus*, къ которому написана одна изъ его элегій въ буколическомъ родѣ, полная упрековъ въ дурномъ образѣ жизни и въ забвеніи своего призванія—поэзіи:

v. 19. *Viscera tota tibi cecinerunt atque capilli,
Nunc tua lingua tacet...*

v. 23. *Dormit et ipse meus Corydon, scholasticus olim,
Sopitus Bacho.*

Въ одномъ посланіи Алкуина къ „сладчайшему Давиду“ — Карлу упоминается *Thyrsis*, прозвище присвоенное одному изъ камерлинговъ Карла — *camerarius regis*. Въ другомъ своемъ стихотвореніи, *De cuculo*, Алкуинъ приглашаетъ одного изъ своихъ учениковъ, Дафниса, и добраго знакомаго своего, любителя поэзіи Меналка, *regiae mensae praepositus*, — оплакать гибель кукушки, подъ которой разумѣтся, вѣроятно Додо, бывшій въ теченіе нѣ котораго времени также ученикомъ Алкуина; онъ пропадалъ теперь благодаря чрезвычайному поклоненію Вакху:

*Plangamus cuculum, Daphin dulcissime, nostrum,
Quem subito rapuit saeva noverca suis —
Incipe tu senior, quaeso, Menalca, prior.*

Это небольшая буколическая элегія, вѣроятно, сопровождавшаяся первоначально прозаическимъ письмомъ (догадка Эберта, II, p. 31, прим. 1). *Conflictus* (certamen) *Veris et Hiemis*, если не написанное самимъ Алкуиномъ, то вышедшее изъ его литературнаго кружка, напоминаетъ нѣсколько сценарій III элоги Виргилія. Съ окрестныхъ горъ подъ тѣнь деревь собираются пастухи, между ними Дафнисъ и Палемонъ, чтобы прогнѣть хвалебную пѣсню кукушкѣ, какъ провозвѣстницѣ весны. Появляющіеся украшенный цвѣтами *Ver* и косматый *Hiems* нарушаютъ

ихъ намѣренія. Въмѣсто пѣвня организуется certamen подѣ председательствомъ Палемона, какъ старшаго: мотивы спора между временами года — хвала и порицаніе кукушки, какъ символа весны, чередуются въ репликахъ состязующихся, энергично отстаивающихъ каждый свое превосходство передъ противникомъ. Споръ заканчивается приговоромъ Палемона и всѣхъ присутствующихъ, стоящихъ всецѣло на сторонѣ весны и радостно признающихъ ее побѣдительницей: *salve, dulce decus, cuniculus, per saecula salve!* (v. 55). Пьеса эта любопытный и единственный образецъ комбинаціи національных и классическихъ мотивовъ: споръ Зимы и Весны вставленъ въ рамки эклога; онѣ составляютъ, какъ пастухи Виргилія, Теоокрита или Клеодамъ и Мирсонъ у Мосха, спорящіе объ относительномъ превосходствѣ временъ года. Подобной націонализациі античной формы, или по крайней мѣрѣ, ея центрального эпизода — амебейнаго состязанія, мы вправѣ были бы ожидать и отъ средне-вѣковыхъ пѣвцовъ: она была имъ вполне по силамъ и не требовала даже близкаго знакомства съ оригиналомъ. Но пастурели не даютъ намъ ничего подобнаго. Впрочемъ такое же изолированное положеніе занимаетъ *Conflictus* и среди латинскихъ эклогъ этого времени; въ нихъ трудно открыть слѣдъ вліянія національных формъ и образовъ, такъ какъ обобщеніе идилліи въ простой діалогъ между двумя лицами (и больше) могло произойти безъ всякаго воздѣйствія со стороны какихъ-нибудь *débats*, тенсонъ, какъ бы популярны они ни были. Отголоски же классическихъ мотивовъ все еще сквозятъ въ отдѣльныхъ подробностяхъ, въ упоминаніи пастушескаго имени, въ обращеніи къ своей флейтѣ и, наконецъ, что особенно существенно, въ оцѣнкѣ эклога какъ панегирика, политической пѣсни или стихотворенія по поводу. Чѣмъ дальше мы будемъ углубляться въ исторію идилліи карловингской эпохи, тѣмъ чаще будутъ останавливать на себѣ наше вниманіе черты разложенія античной буколички; эклога вытѣсняетъ идиллію, т.-е. послѣдняя все рѣже и рѣже служитъ цѣлямъ поэзіи. Въ кружкѣ Карла Великаго (и въ слѣдующіе годы, до смерти Карла Лысаго) она не привилась; но не только потому, чтобы личность Давида, новаго Августа, и все связанное съ нею были единственнымъ источникомъ вдохновенія, исключавшимъ всякій другой; — Виргилій, Кальпурній и Немезіанъ дали намъ и ту, и другую. Идиллія была недоступна имъ своимъ экзотическимъ реализмомъ — вотъ почему они свели очень скоро до минимума ея пасторальные атрибуты, сохранивъ почтительно, со свой-

ственнымъ имъ педантизмомъ школьникоу, названіе самой поэтической формы, ибо она была заповѣдана риторикой. *Conflictus Veris et Hiemis*—единственная идиллія эпохи, если только мы не слишкомъ много вкладываемъ въ нее своего, и если передъ нами не просто остроумное построение, безъ всякой определенной мысли и цѣли, заинтересовавшее самого его автора, какъ риторически красивая комбинація.—Эклога Ангильберта *ad Carolum Regem*—панегирикъ Карлу Великому, связанный съ буколикой только примѣненіемъ рефрена (сл. В. VIII) и упоминаніемъ пастушеской флейты: въ видѣ припѣва чередуются три стиха: *surge, meo domno dulces fac, fistula versus* (v. 1), *David amat vates, vatorum est gloria David* (v. 3) и ниже: *David amat Christum, Christus est gloria David* (v. 31). За панегирикомъ Давиду слѣдуетъ восхваленіе „сая“—„дорогихъ“ Карла, Гизелы, Ротруды, Берты и нѣсколькихъ друзей (*Primisarius Aaron* (Hildebald), *Thyrsis* и *Menalkas*). Стихотвореніе заканчивается обращеніемъ къ *cartula*—письму, которое поэтъ проситъ направиться во дворецъ, чтобы передать привѣтъ его друзьямъ и побродить по чудеснымъ садамъ, гдѣ онъ жила въ прежніе годы. —Эклога Назона сохраняетъ по крайней мѣрѣ мотивъ амебейнаго состязанія. Молодой бѣдный поэтъ, ученикъ Алкуина, стоявшій въ близкихъ отношеніяхъ къ Ангильберту, Назонъ пишетъ свое произведеніе съ цѣлью получить поддержку и снискать расположеніе Карла. Панегирикъ распределенъ между двумя книгами, изъ которыхъ первая представляетъ собой введеніе во вторую. Молодой пастухъ, руг—самъ поэтъ, вызываетъ на пѣсню стараго Микона (вліяніе Кальп. V): онъ надѣется путемъ прославленія Палемона (В. III) приобрести его покровительство;—по этому поводу всколько хвалебныхъ стиховъ обновителю древняго золотого Рима. На тему о такомъ значеніи поэзии подымается далѣе разговоръ, причемъ старикъ ссылается на примѣръ Овидія, совопросникъ его цитируетъ имена *Виргилія*, *Лукана*, *Эннія*—и цѣлый рядъ современныхъ ему поэтовъ (*sic iterum haec etiam nostro nunc tempore serue*, I v. 48) — Гомера (Ангильберта), Флакка (Алкуина), Теодульфа и *Nardus* (Эйнгарда). Вторая книга элоги примыкаетъ къ I Кальпурнія (отчасти В. IV), и является важнѣйшей частью произведенія, которое рисуетъ современность въ краскахъ золотого вѣка и аллюдируетъ на еще болѣе свѣтлое и славное будущее. Неизмѣримо выше въ поэтическомъ отношеніи стоитъ только панегирическимъ тономъ содержанія своего начальнаго діалога напоминающее элогу сти-

хотворение Валафрида Strabus или Strabo: De imagine Tetrici (Versus in Aquisgranii palatio editi anno Hludowici Imperatoris XVI). Поэтъ стоитъ на площади передъ ахенскимъ дворцомъ, противъ котораго поставлена захваченная Карломъ Великимъ въ 801 г. въ Равеннѣ конная статуя Теодориха, и бесѣдуетъ со своимъ поэтическимъ гениемъ (Scintilla) о своемъ настроеніи, о вдохновеніи, объ одиночествѣ, которое необходимо поэту; разговоръ переходитъ постепенно къ Дитриху и его памятнику. Устами Scintilla Валафридъ даетъ читателю яркую характеристику Теодориха Великаго съ точки зрѣнія клерикальной, изображая его какъ представителя тиранніи, порока, скупости и гордости. Введеніе это нужно лишь какъ база дальнѣйшаго. Людовикъ изображается какъ полная противоположность Теодориха, какъ современный Моисей, освобождающій народы отъ мрака невѣрія и раздающій всѣмъ дары Христа. Въ эту патетическую минуту, когда воображеніе напряжено, поэтъ искусно прерываетъ свой рассказъ; онъ слышитъ сладкіе звуки органа и видитъ передъ собой торжественную процессію выходящую изъ дворца, во главѣ которой находится самъ Моисей. Онъ весь обращается въ зрѣніе, пораженный картиной, напряженно всматриваясь въ участниковъ шествія, изъ которыхъ многіе ему знакомы. Когда самъ императоръ обращается къ нему съ вопросомъ, то онъ не сразу можетъ собрать свои мысли, и придя въ себя отвѣчаетъ хвалою Людовику, становящейся все болѣе и болѣе торжественной и смѣлой по мѣрѣ того, какъ онъ отдѣляется отъ охватившаго его смущенія. Конецъ къ сожалѣнію портитъ впечатлѣніе памятника: прощаніе со статуей глупаго короля, которое должно служить *captatio benevolentiae* поэту—слишкомъ искусственный и неловкій приемъ и лишняя вставка:

v. 258. Tetrice stulte, vale; quia te suadente canebam,
Non mirum est vitiis nostram sordere camenam...

Пусть поэтическое достоинство памятника послужитъ извиненіемъ нашему, быть можетъ, излишне длинному пересказу, тѣмъ болѣе что остающееся дастъ намъ въ этомъ смыслѣ очень мало. Элегія Ermoldus Nigellus—изображающая посольство Талія къ королю Пипину и прицѣпленная къ аналогическому посланію Теодульфа къ Модону и I элегіи Овидіевыхъ Tristia, напоминаетъ эллогу, можетъ быть, лишь благодаря эпизоду составленія Вогёзовъ и Рейна (Wasacus—Rhenus) передъ судящими ихъ королемъ и Таліей, въ жалобу которой вставлена эта сценка

(2-ую пьесу Эрмольда нужно совсѣмъ устранить). Гораздо ближе къ настоящей эклогѣ стоитъ *Ecloga duarum sanctimonialium*, примыкающая въ одной рп. X в. (Corbie) къ извѣстной *Vita Adalahardi Radbert'a Paschasius'a* († 865). Пасторальный элементъ отсутствуетъ, и только упоминаемый *senior Menalcas* (=Adalhard) наводитъ на мысль о вліяніи эклоги; болѣе пристальный анализъ дѣйствительно вскрываетъ связь этого стихотворенія съ V эклогой Виргилія (о вліяніи стихотворенія Фортуната, посвященнаго Хильпериху и Фредегундѣ, Ebert, I p. 502): какъ тамъ одна за другой слѣдуютъ пѣсни Меналка и Мопса, посвященные гибели и апофеозу Дафниса, такъ въ эклогѣ оплакивается смерть Адальгарда и прославляется непреходящая сторона его дѣятельности, насаженіе истинно-христіанскаго просвѣщенія. Эта амебейная lamentaція, написанная по поводу смерти Адальгарда, явилась, вѣроятно нѣсколько позже вызвавшего ее событія: какъ видно изъ текста, Corbeia младшая, т.-е. Corvey, представляется достигшей уже извѣстной ступени общественнаго значенія. Эта послѣдняя носитъ въ стихотвореніи имя Галатеи и является дочерью Corbie—Филиды. Галатея говоритъ о необходимости прославленія и почтенія памяти скончавшагося, Филида жалѣетъ, что такой человѣкъ долженъ стать добычей смерти и разрушенія. Въ отвѣтъ на просьбу дочери, которая вспоминаетъ при этомъ объ основаніи новой Корбейн, просьбу положить усопшаго въ своихъ стѣнахъ—мать отвѣчаетъ ей восхваленіемъ ея дѣятельности, юнаго еще монастыря, но уже заявившаго себя столь блестящимъ образомъ. Эклога кончается высказываемымъ обѣими желаніемъ соединиться за предѣлами жизни съ престарѣлымъ Меналкомъ.—Въ своемъ изданіи лат. ср.-в. поэтовъ Dümmler слишкомъ расширяетъ иногда понятіе эклоги, переноситъ этотъ терминъ на стихотворенія различнаго содержанія, написанныя въ діалогической формѣ. Разумѣется это натяжка: діалогическая форма могла развиваться различнымъ путемъ и могла быть подсказана какъ народнымъ, такъ и шольнымъ литературнымъ приѣмомъ. Мы допускали ее, какъ результатъ обобщенія приѣма эклоги, но лишь тамъ, гдѣ форму поддерживала аналогія въ содержаніи, его мотивахъ или общемъ характерѣ. Объясненіе это, однако конечно, не исключаетъ возможности вліянія и упомянутыхъ факторовъ иного порядка: я отмѣчаю имъ лишь вѣроятный исходный пунктъ формальнаго развитія, которое могло быть поддержано новыми аналогіями.

Наблюденія надъ классической идилліей и эклогой возвращаютъ насъ къ вопросу о школьныхъ источникахъ французской пастурели, который былъ поставленъ выше. На очереди матеріалъ Carmina Burana и нѣсколько пьесъ, изданныхъ Edelstand du Ménil. Немногочисленность ихъ значительно усложняетъ задачу. Это заставило искать ея рѣшенія помимо частнаго анализа школьно-латинской пастурели въ общихъ воззрѣніяхъ на характеръ и составъ поэзіи странствующей школьной братіи.

На этой точкѣ зрѣнія стоятъ и Ronca¹³⁾, и Pillet¹⁴⁾. Обсуждая вопросъ объ источникѣ латинской пастурели, Ронка отрицаетъ возможность литературнаго общенія между представителями школы и рыцарства, предполагая, что искусственная латинская поэзія должна была быть всегда чуждой и непонятной свѣтскому обществу. Pillet исходитъ изъ хронологическихъ соображеній: до половины XII в. можно насчитать очень немного представителей латинской лирики; она развивается особенно сильно только со второй половины этого столѣтія.

Вопросъ въ сущности гораздо болѣе сложенъ.

Насколько это выясняется изъ посвященныхъ ему работъ, латинская поэзія, становящаяся серьезной общественной силой со второй половины XII в., и прежде всего на юго-западѣ Франціи, развивается параллельно съ поэзіей вульгарной, хронологически и географически (région intermédiaire G. Paris'a), что и дало поводъ Грёберу настаивать категорически на вліяніи французской латинской школы на поэзію трубадуровъ¹⁵⁾. Слабое развитіе школьной лирики въ XII в. не аргументъ противъ ея самостоятельности, такъ какъ много ли *вульгарныхъ* памятниковъ можно привести въ доказательство этого послѣдняго предположенія. Наоборотъ, ея форма, детали содержанія, характеръ нѣкоторыхъ литературныхъ приемовъ, давали поводъ изслѣдователямъ ихъ ставить средне-вѣковой латинскій лиризмъ не только выше вульгарнаго¹⁶⁾, но и видѣть въ первомъ источникъ послѣдняго. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ напр. E. Martin¹⁷⁾ и такой глубокій знатокъ средне-вѣковой латинской поэзіи какъ W. Meyer, вслѣдъ за Мартиномъ попытавшійся (см. его Fragmenta Burana, Берлинъ 1901) заново обосновать теорію происхожденія вульгарной лирики изъ латин-

¹³⁾ La cultura medievale e la poesia latina... I, p. 167.

¹⁴⁾ Цитир. работа, стр. 18 и слѣд.

¹⁵⁾ Grundriss, II, 1 p. 323.

¹⁶⁾ Hubatsch, p. 22 и сл.; ср. Ronca, I p. 157 сл.

¹⁷⁾ ZsfdA, xx 46—69, особ. 59.

ской. Построение на которое онъ опирается необыкновенно широко; онъ доказываетъ свою гипотезу всей формальной исторіей латинской поэзіи; но тѣмъ чувствительнѣе переходъ къ конечному выводу, тѣмъ яснѣе натяжка въ заключеніи: оно перерасло послыши, такъ какъ работа незамѣтно увлекла автора и красивыя построенія на почвѣ теоріи формъ подсказали обобщеніе. Оно не можетъ быть принято, ибо не обнимаетъ всего матерьяла, на что указалъ Мейеру уже Schönbach¹⁸⁾. Работа и въ этой, какъ впрочемъ и въ специально ритмической части своей, посвященной анализу вліянія семитическаго силлабизма въ стихѣ и античнаго ритмическаго окончанія въ цѣлѣющей прозѣ (*cursus* въ различныхъ *artes dictaminis*), значительно выиграла бы отъ расширенія поля сравненія. Изоляція латинскаго матерьяла привела только къ тому, что вопросъ оказался снова отложеннымъ.—Во всякомъ случаѣ послѣ существующихъ о немъ изслѣдованій и высказанныхъ по поводу него соображеній о генезисѣ вульгарной поэзіи и отдѣльныхъ ея формъ, необходимо считаться съ возможностью вліянія поэзіи вагантовъ и школъ (эти оба термина точнѣе опредѣляютъ то, что обыкновенно характеризуется однимъ только первымъ); принципиальныя соображенія Ронка и Pillet'a должны¹⁹⁾ быть оставлены; анализъ долженъ опираться на данныя иного рода.

Свѣтская латинская лирика школы складывается изъ двухъ большихъ категорій пьесъ: одна состоитъ изъ произведеній сатирическаго и бытового содержанія, другая примыкаетъ къ вульгарной любовной лирикѣ. За предѣлами секвенцій, гимновъ, *historiae*—приемованныхъ *officia* къ чести Христа, Дѣвы Маріи и святыхъ, внѣцерковныхъ религіозныхъ пѣснопѣній созерцательнаго или учительнаго характера, стоитъ цѣлый рядъ стихотвореній, вызванныхъ обстоятельствами времени, насущными вопросами политической или церковной жизни, ихъ нестроеніями, или пьесъ, написанныхъ во славу *scholaris curia*, полныхъ насмѣшекъ по адресу *bruti laici*, грубыхъ, необразованныхъ, несмыслящихъ ничего ни въ поэзіи, ни въ любви²⁰⁾, насмѣшекъ, освященныхъ на *concilium Romanicimontis*²¹⁾, во славу Вауха и его спутницы Венеры:

¹⁸⁾ Deutsche Literaturzeitung, 1902, 467 и сл.

¹⁹⁾ Joh. Ilberg, Die Vagantendichtung въ Preuss Jahrb., т. 64 1889 г. р. 553—554, принимаетъ для лирики вагантовъ тройкій источникъ: духовную поэзію, лирику романскую и средне-верхне-нѣмецкую.

²⁰⁾ Laici non sapiunt/ea quae sunt vatis, C. B. CXCIV р. 74 и CXCVII; Non amant recte milites C. B. р. 148 № 55.

²¹⁾ ZsfdA, VII 160, XXI 65; Langlois, Origines et sources du Roman de la Rose, 1891 р. 6.

Bachus ad amorem
instigat juniorem
mente rigidiorem,..
Cum ergo salutamus
vinum, tunc cantamus
„Te deum laudamus”²³⁾“...

Короткій рифмованный стихъ, строфа гимна или секвенции—обычная форма, въ которую облечены пьесы послѣдняго типа. Античный ритмъ забытъ, и только одиноко стоящія имена Флоры, Венеры или Юпитера да кое-какіе образы и сравненія напоминаютъ о традиціяхъ и поэтическихъ привычкахъ той среды, которая создала эти своеобразныя формы.

Если сатирическія и бытовые пьесы отъываются на болѣе спеціальныя вопросы, отражаютъ въ себѣ тѣ черты жизни ихъ авторовъ, которыя опредѣляли ихъ общественную фізіономію, то *amatoria* переносятъ насъ въ сферу общечеловѣческихъ отношеній. Отсюда нѣкоторые поэтическіе приемы. Тамъ сама жизнь и обстановка подсказывала народію на готовныя формы посланія, церковнаго отлученія и монашескаго правила; здѣсь—рядъ точекъ соприкосновенія съ вульгарной любовной пѣсней. Воспѣваніе весны, лѣтней радости, *gaudium aestivale*, чередующееся или переплетающееся съ воспѣваніемъ любви, прославленіе мая, посвященнаго Венерѣ и Вакху, переносятъ насъ къ *le gais temps de rascog*, къ весеннимъ запѣвамъ французской любовной пѣсни или идиллическимъ пьесамъ Нитгардта:

C. B. № 100. juvenes et flores
accipiant, et se per odores
reficiant,
virgines assumant
alacriter,
et eant in prata
floribus ornata
communit²³⁾.

Припомнимъ извѣстное стихотвореніе Guilh. de Peitieu—*Pus vezem de novelh florir*...—та же весенняя обстановка въ *Jam dulcis amica venito* тѣ же цвѣты, зелень и пѣсни молодежи въ Дистихахъ иврейскихъ, *Invitatio amicae* и въ массѣ другихъ пьесъ, въ которыя весенній запѣвъ вошелъ какъ постоянный мотивъ, подготовляющій дальнѣйшее. Эта постоянная

²³⁾ С. В. № 182 р. 243.

²⁴⁾ Сл. С. В. № 106.

связь не случайное обобщение образа, который самъ собой напрашивался на сопоставление: любовь и весна. У классиковъ, у которыхъ онъ не игралъ никогда роли такой постоянной декорации, необходимой обстановки, заимствовать этого приѣма было нельзя; личный починъ въ дѣлѣ обобщенія приѣма исключаетъ болѣе вѣроятное сопоставленіе его съ постоянными запѣвами вульгарной пѣсни, въ которыхъ G. Rapis видѣлъ слѣды связи любовной пѣсни съ весенней обрядностью. Тамъ запѣвъ этотъ былъ нуженъ, ибо онъ существовалъ искони; незначительный по объему—коротенькая формула, обломокъ древняго параллелизма—онъ былъ осмысленъ въ художественный приѣмъ, насколько то позволяло слабо развитое чувство природы; въ этихъ предѣлахъ его разработали въ небольшой пейзажъ, подчеркивавшій основное настроеніе пьесы. Поэтамъ школы оставалось только воспользоваться этой красивой деталью вульгарной пѣсни и оживить картину традиционными Кипридой, Флорой, Зефиромъ, Купидономъ, Фавномъ, ввести въ эту обстановку дріадъ, ореадъ, плеядъ, Орфея, Нарцисса и т. п. Болѣе тонкое чувство природы, или хотя бы вычитанный у классиковъ приѣмъ, помогли въ композиціи пейзажа, и мы до сихъ поръ можемъ еще любоваться превосходной картиной вечера или весны, до какихъ никогда не подымались слагатели вульгарныхъ пѣсень.—Рядомъ съ указанными образами, намъ кажется, нужно поставить и интересующія насъ пастурели. Подобно нѣкоторымъ другимъ „объективнымъ“ мотивамъ²⁴⁾ ихъ нельзя было скомпановать, ибо въ основѣ ихъ лежитъ несомнѣнно готовый *цѣльный* мотивъ. Если бы возможно было искусственное сложеніе ихъ школьными поэтами, то при наличности идиллическаго настроенія они обратились бы къ эклогѣ классиковъ, которую знали несомнѣнно, или къ эклогѣ средневѣковыхъ поклонниковъ Виргилія и Кальпурнія; если же предположить въ нихъ желаніе изобразить пикантное приключеніе, то мы вправѣ были бы ждать менѣе выдуманной, болѣе простой реальной сцены: простую встрѣчу съ дѣвушкой или же фантастическую авантюру въ стилѣ С. В. № 94. Можно допустить искусственную комбинацію народнаго *oaristys* съ пасторальными элементами идилліи; но, во-первыхъ, къ чему она, во-вторыхъ непонятна совершенно роль античнаго образца, который, въ этомъ случаѣ, нормировалъ традиціонный мотивъ. Противъ заимствования мотива пастурели отъ поэтовъ школьныхъ говорить не столько объективный его характеръ, какъ полагаетъ Ронка²⁵⁾,

²⁴⁾ С. В. 146, 146.

²⁵⁾ о. с., р. 167.

не столько плохое качество латинских пастурелей или отсутствіе слѣдовъ клериковъ въ ихъ французскихъ параллеляхъ (кромя II 59) какъ думаетъ Pillet²⁶⁾, сколько малочисленность извѣстныхъ намъ латинскихъ пастушескихъ пьесъ сравнительно съ пьесами другихъ категорій²⁷⁾: если этотъ мотивъ латинской лирики не обращалъ на себя вниманія самъ, то трудно было ожидать, чтобы пѣвцы, не знакомые въ той мѣрѣ съ лирикой шеола, какъ сами ея представители, обратили свое вниманіе на эти малозвѣстныя и малопопулярныя латинскія пьесы. Предположить, что почти всѣ нѣкогда существовавшія латинскія пастурели пропали, между тѣмъ какъ другія формы сохранились въ относительно большомъ количествѣ экземпляровъ, что такая бѣда постигла именно одну изъ наиболѣе распространенныхъ формъ, которая, стало быть, встрѣчалась въ значительномъ количествѣ списковъ—значило бы сводить дѣло къ случаю, да еще маловѣроятному. Малочисленность пастурелей особенно важна во французскихъ спискахъ (Du Ménil). Carmina Burana только отчасти, какъ показалъ В. Мейеръ, восходятъ къ французскимъ сборникамъ лирическихъ стихотвореній, хотя, быть можетъ, роль этихъ послѣднихъ гораздо значительнѣе, чѣмъ предполагалъ Мейеръ; по крайней мѣрѣ латинскія пастурели С. В. позволяютъ сдѣлать поправку къ гипотезѣ Мейера, предположившаго въ концѣ концовъ, что не только всѣ почти комическія пьесы и rotatoria, равно какъ и драматическіе отрывки, нѣмецкаго происхожденія, но и многія любовныя пьесы сложены въ Германіи. Если это и такъ, то относительно пастурелей позволительно сомнѣваться. Всѣ они повторяютъ основныя мотивы пастурели французской, напоминаютъ ихъ даже своей формой, между тѣмъ какъ пастурель этого типа никогда не была знакома въ Германіи въ широкихъ кругахъ; дѣло сводилось, очевидно, къ знакомству съ мотивомъ, непосредственному или путемъ латинскихъ параллелей, чѣмъ и объясняется оригинальность поэзіи Нитгардта: французская или латинская пастушеская пѣсня, если трудно обойтись безъ признанія вѣшняго воздѣйствія въ объясненіи генезиса нѣмецкой Dorfpoesie, могла только повліять на выборъ темъ, на развитіе характерныхъ для баварскаго пѣвца поэтическихъ интересовъ. Не отсутствіе ли симпатій къ этому своеобразному лирическому жанру повліяло на разборъ пастурелей въ Carmina Burana, если только допустить, что число ихъ во французскомъ или французскихъ оригиналахъ, которыя были въ рукахъ у нѣмецкаго компила-

²⁶⁾ о. с., р. 21.

²⁷⁾ Сл. Pillet, р. 21.

тора, было гораздо больше? Можетъ быть упоминаніе пѣавовъ и брата Мартина въ С. В. № 52 и 120 указываетъ только на возможность приуроченія мотива къ нѣмецкой обстановкѣ, но отнюдь еще не на его націонализацію.

Если помимо всего сказаннаго допустить исконность пастурели и ея популярность въ средѣ латинской поэзіи, то получается и еще одно затрудненіе. При анализѣ ея строенія невольно бросается въ глаза относительно слабая примѣсь общаго классическаго элемента. Намъ могутъ возразить, что самое число памятниковъ настолько незначительно, что трудно дѣлать по этому поводу какія-либо заключенія. Но рядомъ съ пастурелями мы встрѣчаемъ въ тѣхъ же сборникахъ С. В. и Du Ménil'я интересныя параллели къ *chansons à personnages*, рисующія намъ обыкновенно встрѣчу поэта съ дѣвушкой, подъ липой ²⁸⁾, въ саду ²⁹⁾, подъ большимъ развѣсистымъ деревомъ ³⁰⁾ или на берегу рѣки ³¹⁾; яркими красками описываетъ поэтъ обворожившую его красавицу ³²⁾; съ трудомъ сдерживая себя, онъ говоритъ о своемъ чувствѣ, проситъ, умоляетъ, волнуется по поводу отказа или нерѣшительности своей совопросницы, — пока, наконецъ, Венера не смиряетъ упрямцу. Въ общихъ чертахъ пьесы эти напоминаютъ довольно рѣдкіе во французской поэзіи типы I 52, 53^a или 70. Въ двухъ другихъ пьесахъ авторъ рассказываетъ намъ о своемъ приключеніи съ богиней любви въ ея храмѣ ³³⁾ или сообщаетъ подслушанный имъ разговоръ дѣвушекъ, дѣлавшихъ сравнительную оцѣнку цѣломудренной и не цѣломудренной ³⁴⁾. Почти во всѣхъ этихъ, подобно пастурелямъ немногочисленныхъ, пьесахъ классическія reminiscences играютъ довольно видную роль. Поэтъ не забываетъ ни Киприды, ни Юноны, ни Паллады или Калліопы ³⁵⁾, Марса ³⁶⁾, Венеры ³⁷⁾, стоокаго Аргуса или Вулкана ³⁸⁾, Діона ³⁹⁾, Плутона ⁴⁰⁾, Елены, рядомъ съ которой припоминаются и Blanziflor ⁴¹⁾ и Ливанскій

²⁸⁾ С. В. 57.

²⁹⁾ С. В. 50.

³⁰⁾ С. В. 43.

³¹⁾ Dist. I v r.

³²⁾ С. В. 50.

³³⁾ С. В. 49.

³⁴⁾ С. В. 34.

³⁵⁾ С. В. 34.

³⁶⁾ Dist. I v r.

³⁷⁾ С. В. 34, 43, 45, 50, 57.

³⁸⁾ С. В. 43.

³⁹⁾ С. В. 45, 57.

⁴⁰⁾ С. В. 50.

⁴¹⁾ С. В. 50.

кедръ⁴³⁾; онъ называетъ свою возлюбленную Эисбой⁴³⁾ или Филидой⁴⁴⁾, или Гливериною⁴⁵⁾. Обычный аппаратъ античныхъ воспоминаній изукрасилъ эти средне-вѣковые мотивы, очевидно, подслушанные у свѣтскихъ пѣвцовъ. Пастурели гораздо скромнѣе и проще. *Quaedam satis decora virginicula*⁴⁶⁾, *puella*⁴⁷⁾, *rustica puella*⁴⁸⁾, *virgo*⁴⁹⁾, или *pastorella*⁵⁰⁾—обычная характеристика дѣвушки, дополняемая иногда коротенькимъ описаніемъ ея внѣшняго вида⁵¹⁾. Описание ея наружности обыкновенно отсутствуетъ, если не считать короткаго и сухого перечня прелестей дѣвушки въ *Du Ménil* p. 228 или сравненія ея съ нимфой въ *C. B.* № 120: *Nympha non est forme tante*. Этой нимфой, да упоминаніемъ Титана (= Солнца), Венеры въ предыдущей пьесѣ исчерпываются классическія черты латинскихъ пастурелей. Особнякомъ стоитъ *C. B.* № 52, гдѣ античныхъ подробностей, пожалуй, больше, чѣмъ во всѣхъ пастуреляхъ, взятыхъ вмѣстѣ. Но, какъ мы видѣли выше, пьеса эта могла быть сочинена какимъ-нибудь нѣмецкимъ клерикомъ, приспособившимъ къ нѣмецкой обстановкѣ французскій оригиналъ или попытавшийся написать подражаніе съ нѣмецкой точки зрѣнія. Если допустить это, то „литературность“ разсматриваемой пьесы станетъ вполне понятной: діалогъ ея крайне незначителенъ по объему; половину пьесы занимаетъ вступленіе, чисто швольнаго характера, довольно любопытное въ этомъ отношеніи описаніе красивой мѣстности, въ которую судьба занесла случайно поэта, мѣстности, какая никогда не рисовалась воображенію даже „самого Платона“:

*stylo non pinxisset Plato
loca gratiora.*

Журчаніе ручья, пѣнье соловья и наядъ оживляетъ этотъ райскій пейзажъ. Утомленный лѣтнимъ зноемъ поэтъ останавливается подъ тѣнью оливы и видитъ невдалекѣ передъ собой пастушку, *pulchrior quam Floga*, очевидно, посланную ему самой Венерой. Коротенькимъ и рѣзкимъ отказомъ отвѣчаетъ она на

⁴³⁾ *ibd.*

⁴⁴⁾ *C. B.* 43.

⁴⁵⁾ *C. B.* 57.

⁴⁶⁾ *Du Ménil*, II 226.

⁴⁷⁾ *Du Ménil*, II, 228.

⁴⁸⁾ *ibd.*; *C. B.* 62, 119.

⁴⁹⁾ *C. B.* 63.

⁵⁰⁾ *C. B.* 119, 120.

⁵¹⁾ *C. B.* 52.

⁵²⁾ *C. B.* 62.

предложеніе поэта, на чемъ и обрывается пьеса. Можетъ быть она не окончена или сохранилась не въ полномъ видѣ—рукопись не даетъ никакого основанія для рѣшенія этого вопроса въ томъ или иномъ смыслѣ. Во всякомъ случаѣ композиція пьесы рѣзко выдѣляетъ ее изъ среды аналогичныхъ по содержанию.

Не указываетъ ли различіе въ способѣ обработки темъ *chansons à personnages* и пастурелей на различіе въ отношеніяхъ къ этимъ мотивамъ поэтовъ школы? Чѣмъ же опредѣлялось это различіе? И тотъ, и другой мотивъ давали интересную ситуацію, которую легко можно было разработать въ грубовато-отеревенномъ и шутливомъ тонѣ, столь свойственномъ латинской лирикѣ среднихъ вѣковъ. Очевидно „объективныя“ формы менѣе всего привлекали вниманіе поэтовъ школы, хотя бы они и давали возможность изобразить рассказываемое въ формѣ личнаго приключенія. Это подтверждается и общимъ характеромъ дошедшихъ до насъ памятниковъ латинскаго лиризма. Большая образованность поэтовъ школы по сравненію со свѣтскими пѣвцами требовала и болѣе свободы личнаго почина, обуславливало меньшее уваженіе къ традиціи, къ тѣмъ поэтическимъ формамъ, которыя были традиционны по-преимуществу. *Chansons de toile* были не мыслимы въ этой средѣ, которая могла еще заинтересоваться *между прочимъ* ситуаціей пастурели или *chansons à personnages*, особенно послѣдней въ силу, вѣроятно, болѣе общаго характера ея мотива; она раньше обратила на себя вниманіе поэтовъ школы, чѣмъ и объясняется болѣе глубокое проникновеніе въ нее школьно-поэтического элемента, болѣе свободная разработка и большее разнообразіе формы: пастурель осталась сперва въ сторонѣ, а затѣмъ, когда обратились къ ней, ей было отведено скромное мѣсто болѣе или менѣе случайной попытки литературнаго эксперимента надъ вульгарной формой, и она сохранила свой прежній характеръ простой пѣсни, очень опредѣленно просвѣчивающей сквозь незатѣйливыя краски, наложенныя на нее небрежной рукой средне-вѣковаго клерика.

В. Шимаревъ.

ОТДѢЛЪ II.

ИЗЪ КОКШЕНЬГСКИХЪ ПРЕДАНІЙ.

(Окончаніе).

IV. Еретики.

Не смотря на то, что объ еретикахъ разсказывается, какъ о старинѣ, обыкновенно на ряду съ другими преданіями, предметъ этихъ разсказовъ, мнѣ кажется, можетъ быть отнесенъ и въ разрядъ народныхъ суевѣрій и, съ другой стороны, къ области легендарно-сказочной. Однако, при общераспространенности этихъ разсказовъ, такъ велика увѣренность мѣстнаго населенія въ реальномъ (когда-то) существованіи еретиковъ и такъ заманчиво-естественно это существованіе сливается съ бытовой обстановкой, что становится вполне понятнымъ, почему „еретики“ разсказываются на ряду съ преданіями о чуди, нахахъ и проч.

Надобно при этомъ имѣть въ виду, что самое названіе „еретикъ“, заимствованное изъ исторіи церковныхъ ученій, по всей вѣроятности, еще въ первыя времена ознакомленія съ христіанствомъ, въ настоящее время утратило совершенно свой первоначальный смыслъ и получило новое значеніе, въ которомъ съ трудомъ только можно подмѣтить нѣкоторое отношеніе къ прежнему. Съ понятіемъ еретикъ въ представленіи мѣстнаго населенія связываются и понятіе о безбожничѣ (само собой), и о колдунѣ, и оборотнѣ, и особаго рода нечистой силѣ въ образѣ человѣка, съ раскаленными желѣзными зубами и пламенемъ во рту. Разъ съ еретиками связано колдовство и знахарство, которыя и до нынѣ по сѣверу являются въ народной жизни часто еще неизбѣжными реальными фактами, то разсказы о нихъ естественно идутъ въ формѣ преданій, иногда подъ названіемъ бывальщинъ, былей. Самое слово еретикъ—въ постоянномъ употребленіи у народа, на ряду съ словами татаринъ, чудь, и имѣетъ значеніе ругательства для характеристики человѣка злого, тяжелаго, мрачнаго и скрытнаго, съ недобрымъ глазомъ. Ругательство часто выражаютъ въ формѣ: „у, еретикъ—золѣзны зубы“, или: „еретикъ-татаринъ“.

Отъ М. Д. Третьякова я слышалъ объ еретикахъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаній, сказанныхъ немного вскользь, какъ бы въ завершенье всего цикла его преданій:

„Еретики ходили по землѣ. Днемъ нигдѣ никого, а ночью лишь солнце за лѣсъ сѣдетъ,—и пошли; какъ пѣтухъ споетъ, такъ онѣ и пропали. Вотъ и окна прежъ въ избахъ были маленькія съ задвижками: боелись еретиковъ-то (тоже, что говорилось о панахъ!). Днемъ еретики были, какъ чурки, лежали.

Тетка Катерина розсказывала, що при ней еще играли дѣвки на трапезѣ у церкви, а покойника заставили разъ свитить огонь; покойникъ-отъ оттаялъ и упалъ—всѣ и побѣжали изъ церкви-то... Еще на моей паметѣ обѣдали на трапезѣ Офонасьевской церкви со всей волости.

...Вотъ, когда у церкви-то играли, дакъ еретикамъ-то было приступно...

Еретиковъ не примала мать-сыра земля: народъ знатой (т. е. вѣщій, колдуны). Подъ старой колоколиной не давно найденъ былъ покойникъ въ землѣ: закованъ въ золѣзо, гробу нѣтъ, а онъ нетлѣннѣнъ.

Еретики не стали ходить,—когда Господь заклѣу (заключилъ)“.

По моей просьбѣ, крестьянинъ деревни Харитоники, Спасской волости, Вл. М. Поповъ, записалъ мнѣ, преимущественно отъ своей матушки Екатерины Ивановны, чрезвычайно любознательной и памятной старушки, здравствующей еще и понынѣ,—слѣдующіе разсказы о еретикахъ:

1.

„Досель была мода „играть“ на папертѣ. Нонь (нынѣ) и паперти-то, правда-що, вы не знаете: у старой Офонасьевской церкви была эдакая трапеза—большая, пребольшая; по всей проходные столы изъ долгихъ досокъ; вотъ на этихъ столахъ въ праздники и обѣдали. Въ трапезѣ сторожъ церковной спалъ. Тутъ и покойники къ ночамъ заносились.

Давно будто было, що на трапезы сѣзжались и сходились играть по ночамъ въ городки (водить хороводы) ¹⁾—ну знамо дѣло,—о святкахъ.

Сошлись, говорятъ, одинъ разъ играть въ трапезу много дѣвокъ и молодежи (т. е. парней). А той ночи покойникъ начевалъ тутъ... Ну, молодежь покойника изъ гроба вытащили, поставили въ уголъ, а въ зубы лучину съ огнемъ воткнули —„свити“, говорятъ: „чѣмъ безъ дѣла лежать“. Говорятъ, по четыре покойника бывало, такъ и во всѣ углы по покойнику, да всѣ и свитять.

Вотъ это онѣ играютъ... А, извѣстное дѣло, нечистой силѣ приступно, какъ мало-мальски подшутить... Никто ничего въ городкѣ не зналъ; все, думаютъ, ладно: ходять да городки здуютъ. А у одной дивицы привезена была съ собой племянница, годовъ пяти-ли четырехъ-ли, маленькая. Эта маленькая дѣвушка посажена была на

¹⁾ См. мою ст. „Вечерованье, городки и пѣсни“. „Жив. Стар.“ 1905 г., вып. III и IV.

печь. Съ печи и видитъ она, що въ городкѣ не порядокъ: дивѣе играютъ, думаютъ,—съ молодцами, а дѣвѣй съ печи отерыто, Богомъ ужъ стало-быть, що ходитъ въ городкахъ много съ золѣнными зубами да и въ ротѣхъ-то какъ огонь бы пышетъ. И запросилась съ печи дѣвушка: „Божата¹⁾, пойдемъ домой! божата, пойдемъ домой!“ Ну, и заревѣла... А нечистая-та сила не знаетъ ли, что у человека на умѣ? Дѣвицѣ-невѣстѣ²⁾ дѣлать было нечего—дѣвка реветъ, не унимается,—идти домой привелось. Вотъ закутала она шалью крестницу да и понесла домой, а еретники-те ие за сарафанъ и забрали. Она зривитъ да и успѣла за двери да и сарафана черезъ косякъ дверей вырвали. А тамъ и поднялось—ревъ, стонъ... Скрозъ землю и трапеза прошла; только печной столбикъ остался. А на столбикѣ-то, вишь, варешки ребенокъ-отъ оставилъ,—такъ и остался столбъ одинъ съ варешками.

2.

Тогда много нечисти (нечистой силы) велось, страсть и подумать; было много волшебства, всякихъ заговорщиковъ. Мужъ про жену не зналъ, а жена—про мужа (что не волшебникъ-ли)...

Вотъ эдакъ будто бы умираетъ одинъ мужъ да женѣ и наказываетъ: „смотри ты, жона, только я умру,—того же часу подрѣжь мнѣ подколѣнныя жилы!“ Умеръ мужикъ... А бабѣ-то пожалѣлось подрѣзать подколѣнныя жилы: дружно, стало быть, съ мужемъ жили. Ну вотъ, какъ рядъ дѣлу, покойника обмыли и „подъ святые“ положили. Дѣло было къ ночи. Семейства у вдовы и было, что три подростка—малъ-мала меньше; а никого чужого не было, а ей все же думно было. Ночь долга, тоскливо будетъ: давай баба печь топить; топить печь и клюку калить, а самой и мужа жалъ и покойника боится. Топить печь да клюку калить...

— „Мама, тата-та пошевелился!“

— Молчи, говоритъ, тибѣ такъ показалось.

А сама сидитъ у печи да клюку калить.

— „Мама! Тата-та садится!“

А покойникъ попробовалъ сѣсть; покрывало на полъ свалилось; и опять упалъ на подушку...

— Молчи, говоритъ мать, это такъ показалось!

— „Мама! Тата-та (в)сталъ!..“

Соскочила баба, схватила робать, пехнула черезъ чилисникъ³⁾ на печь, выхватила изъ печи каленую клюку и сама къ робатамъ залѣзла.

Покойникъ всталъ и началъ осматривать, гдѣ жѣна. Вотъ рассмотрѣлъ онъ жену на печѣ и пошелъ тихонько къ печѣ, а подъ нимъ половицы (доски пола) выгибаются, скрипятъ. Подошелъ онъ къ голбцу,—а на печь выгѣзти надо: зубами золѣнными щелкаетъ, къ голбцу грудью наваливается... Баба съ печи каленой клюкой хлещъ

¹⁾ Крестная мать.

²⁾ Такъ называютъ всякую взрослую дѣвицу.

³⁾ Лицевая сторона печки надъ устьемъ (топкой), покрытая полосой сажн отъ выходящаго черезъ то же устье (безъ трубы) дыма.

по зубамъ—только зубы сбрыкали. Онъ отступилъ и опять напираетъ: съѣсть, вишь, надо; а вылъзть не можетъ, потому руки крестомъ на груди сложены были, такъ и не можетъ отъ груди своей отнять. Онъ подойдетъ,—а она опять по зубамъ клюкой каленой. Знамо дѣло, Богу молилась. Запѣлъ пѣтухъ,—бросился еретикъ на старое мѣсто; но ужъ легъ ничью (ничкомъ). Такъ ничью и утромъ нашли, такъ и похоронили.

Этѣхъ волшебниковъ (такъ!) все ничью хоронятъ: куда лицомъ схоронишь, туда подъ землей и пойдеть: къверху лицомъ—наверхъ выйдетъ, а ничью—дакъ въ преисподнюю прямо уходитъ.

3.

Досель, говорятъ, худо отъ еретиковъ было, сохрани Богъ, какъ худо. Давно это было... Послѣ того, какъ Христосъ по землѣ прошелъ,—еретикамъ ходъ усѣкло, вся нечисть разбѣжалась; а то было время: только солнцѣ за лѣсъ сѣло,—не оставайся одинъ на улицѣ: бѣда!.. да и въ избу ползуть. Изъ-за того у избъ все волоковыя окна были. Какъ солнце за лѣсъ—и оконце закрываютъ. Волоковыя окна еще и мы у старыхъ избъ поимимъ: такія маленькія были,—человѣку пролѣзти нельзя было.

Эдакъ одинъ разъ мужикъ не поспѣлъ днемъ домой попасть. Идетъ по лѣсу, глядь—а изъ-за сосенъ еретикъ-отъ и выглядываетъ. Вотъ онъ скорѣе на сосну да къ самой вершинѣ... А еретикъ подъ сосну: не лѣзетъ, а ухватился да зубами подгрызаетъ—только зубы щелкаютъ, только щепки летятъ... Сидитъ мужичекъ на соснѣ, на самой вершинѣ, да молитвы читаетъ, всѣхъ святыхъ перебираетъ; а еретикъ грызетъ сосну—только щепы летятъ. Долго мужикъ сидѣлъ на соснѣ, долго плакалъ и молился, а еретикъ не уходилъ, все сосну подгрызалъ. Ужъ сосна закачалась—не толсто, стало быть, грызти оставалось... Запѣлъ пѣтухъ гдѣ-то—и еретикъ убѣжалъ, ли скрозь землю прошолъ. А мужикъ ужъ утромъ слѣзъ съ сосны.

Вотъ какое тогда времечко было!

4.

Знающей досель народъ былъ!

Эдакъ, бывало, старухѣ-то ужъ худо,—смерть приходитъ... А старуха была денежная. Ну, семейство; сынъ былъ женатой. Знаетъ скрягу: куда, думаетъ, денегъ бы не запропастила.

А деньги—у ней; большой кошель къ намышкѣ¹⁾ привязанъ—серебро да золото. Видитъ старуха, що скоро умереть надо, и говоритъ сыну-ту своему: „сынъ, подыми-ко меня, да подведи еще (разъ) къ печкѣ; вижу, скоро смерть приходитъ... долго у печи не стряпала: посмотрю хоть еще!“ Захватилъ сынъ старуху подъ мышки, притащилъ къ печѣ.—„Подержи эдакъ меня!“ Сынъ держитъ. Отывала она кошель отъ намышки, высыпала деньги на шестокъ и давай зарывать въ пепель въ печурку. Чѣмъ ручки загребаютъ, тѣмъ и

¹⁾ Лямка черезъ плечо, у сарафана

выгребайте“,—эдакъ и ириговариваетъ. Ну такъ и загребла всѣ деньги.—Ну, уведи меня топерь на кровати!“ Легла старуха и умерла. Ну тогда сынъ къ печѣ: надо деньги взять. Рылся, рылся—одинъ пепель, а денегъ нѣтъ... „Що не за оказія!“ А паренѣ-отъ былъ, знать, не промахъ: схватилъ мертвую-ту старуху, притащилъ къ печѣ да её то руками и перерываетъ золу. „Чѣи ручки загребали, говорить,—тѣ и выгребаютъ“. Такъ всѣ деньги и выгребъ.

5.

У одной дѣвушки былъ дружокъ. Ну, этотъ дружокъ-отъ да и умри... И ну она объ ѣмъ тосковать, ну тосковать; ночи сидитъ подъ окномъ да на улицу смотреть. Долго ли мало ли эдакъ по-сокрушалась...—Сидитъ это подъ окномъ да на улицу смотреть, а глядь—онъ и ѣдетъ на лошади да и на креслахъ, ¹⁾ а ее къ себѣ рукой на улицу манитъ. А было ночью; всѣ спали. Она обрадовалась, выбѣжала къ ему на улицу. А онъ и говоритъ: „вотъ, милая ты моя, обо мнѣ сокрушались, а думаешь—я тебя и забылъ? а я тебя не забылъ, а по тебя прѣхалъ; поѣдемъ со мной и будемъ жить вмѣстѣ! Пока топерь никто не увидаетъ, соберемъ все твое именье да и поѣдемъ: у меня и кресла заготовлены“. Обрадовалась дивница и давай выносить иминье: портня, рубахи, шубу, сарафаны... А семья спитъ и никто не слышитъ.

Вотъ оклались онѣ и поѣхали по дорогѣ. Ёдутъ онѣ это полемъ и молчатъ. А мѣсяцъ свѣтитъ; а мертвецъ ѣдетъ...

— Милая моя, не боишься ли меня?

— Нѣтъ, не боюсь!

Вотъ доѣхали онѣ,—пошелъ лѣсъ. А мисецъ свѣтитъ, а мертвецъ ѣдетъ...

— Милая моя, не боишься ли меня?

— Нѣтъ, не боюсь!

Опять ѣдутъ. Промель лѣсъ; пошло поле, а тамъ дальше и новость... Мѣсяцъ свѣтитъ, а мертвецъ ѣдетъ.

— Милая моя, не боишься ли меня?

— Нѣтъ, не боюсь!

Ёдутъ онѣ и заѣхали на кладбище, гдѣ кресты могильные да сугробы снѣга. Лошадь остановилась у полой (открытой) могилы. Онъ заскочилъ въ могилу; „подавай“, говоритъ: „иминье-то!“ Она испугалась, схватила корзину съ рубашками да и подаетъ. А онъ только сглотилъ прямо въ ротъ! Она посмотритъ—а у ёво зубы стальные и глаза какъ каленные угли... „Мечи“, говоритъ: „кручае!“ Стала она это метать коробушка по коробушкамъ... а онъ глотаетъ да ее торопитъ. Догадалась она,—начала читать молитвы; а иминья мало остается, скоро и самуѣ ее сглотить... Вотъ и начала бросать по одной рубашкѣ, по одной заплаткѣ, щобы времени больше прошло. А онъ глотаетъ, а онъ глотаетъ да ее торопитъ.

Услышавъ Господь ее молитву: запѣлъ пѣтухъ гдѣ-то... Закрылась могила... Ни его, ни лошади не стало, только стоитъ она одна на бугорѣ ночью; а вѣтеръ снѣгъ переметаетъ.

¹⁾ Розвальни, низкія и широкія сани для воевъ.

Такого рода преданій-балладъ, не лишенныхъ оригинальной силы и красоты слога, имѣющихъ, по всей вѣроятности, чрезвычайно далекое происхожденіе, но и не расходящихся еще и съ мѣстной дѣйствительностью ни въ обстановкѣ ни въ другихъ аксессуарахъ, а также отвѣчающихъ всецѣло мировозрѣнію старшихъ слоевъ современнаго населенія Кокшенъги,—можно было бы записать и значительно больше. Я помню, съ какимъ замираніемъ сердца выслушивали мы съ дѣтствѣ такіе рассказы! Рѣдкая женщина не умѣла рассказывать ихъ, рѣдкій мужчина не зналъ какого-нибудь рассказа о еретикахъ.

Итакъ, сказанія эти уже вводятъ насъ въ область народныхъ суевѣрій, которыми вообще довольно богата фантазія мѣстнаго обывателя. При случаѣ я постараюсь познакомить интересующагося читателя съ тѣмъ матеріаломъ, какой найдетъ въ моемъ распоряженіи и изъ этой области.

Что же касается преданій объ общенсторическихъ лицахъ и событіяхъ, то въ слѣдующей главѣ, по недостаточности имѣющагося у меня этого рода матеріала, я полагаю, хотя бы только для ознакомленія съ характеромъ этихъ данныхъ, все же изложить и то немногое, чѣмъ я могу располагать, дабы придать нѣсколько больше полноты и законченности въ освѣщеніи намѣченнаго мною вопроса.

V. Общенсторическія лица и событія.

Въ III главѣ я уже упомянулъ о томъ, что относимыя мною къ названной въ заглавіи настоящей главы категоріи преданія обыкновенно сообщаются, какъ не имѣющія близкой и непосредственной связи съ остальными кокшенъгскими преданіями, часть которыхъ, напр., хотя бы о Литвѣ, казалось бы, тоже вполне могла быть отнесена къ этой же послѣдней категоріи. Это—какъ бы дополнительные свѣдѣнія о прошломъ, имѣющія второстепенный мѣстный интересъ, а иногда являющіяся въ видѣ случайныхъ рассказовъ или указаній, пользующихся однако, общимъ, распространеніемъ.

О событіяхъ и лицахъ отдаленныхъ историческихъ эпохъ, понятно, не приходится ожидать здѣсь сколько-нибудь опредѣленныхъ свѣдѣній; если и встрѣчаются какія-нибудь намеки и указанія, то они имѣютъ характеръ отголосковъ книжныхъ знаній и больше распространены среди людей грамотныхъ или бывалыхъ.

Напримѣръ, весьма часто можно встрѣтить упоминаніе объ Александрѣ Македонскомъ и рядомъ—о Гогѣ и Магогѣ, загнанныхъ въ горы. Слышали о Римѣ, о Царѣ-градѣ, Царѣ-Константинѣ.

Даже и ближайшія по мѣсту и времени событія исторіи чрезвычайно слабо отразились въ мѣстныхъ преданіяхъ и рассказахъ. Упоминается о татарщинѣ, о нашествіи французовъ.

Изъ русскихъ государей извѣстны имена Ивана Грознаго, Бориса Годунова, Петра Великаго. При этомъ о Грозномъ отзываются всегда съ большимъ уваженіемъ; съ этимъ именемъ сопряжено какъ будто бы понятіе о справедливости и безпристрастности. Борисъ Годуновъ, наоборотъ, пользуется дурной славой, какъ Государь, котораго по-
лить не чѣмъ.

Что касается Петра Великаго, то о немъ существуютъ любопытныя преданія (не одно), имѣющія и мѣстный интересъ. Передается за несомнѣнный фактъ, что Петръ Великій проѣзжалъ по Кокшеньгѣ и былъ здѣсь во многихъ мѣстахъ. Въ „Описаніи Кокшеньги“. В. Т. Понова, отъ 1857 г., упоминается о томъ, что будто бы онъ завелъ въ Россіи всѣ заморскія хитрости.

О хитрости его самого не мало говорятъ и въ настоящее время. При этомъ почти всегда добавляють: „А какъ вотъ не хитеръ былъ, а лаптя-то все таки не могъ сплести: заплести-то заплелъ, а свершить-то и не могъ, носка не сумѣлъ заворотить... И топерь еще лапоть-отъ этотъ гдѣ-то тамъ въ Питерѣ во дворцѣ или въ музеѣ виситсе“. Въ деревни Харитонихѣ, Спасской волости, рассказывается, что Петръ былъ здѣсь и любовался громаднымъ лѣсомъ у самаго поля этой деревни; что, будто, заходилъ онъ въ этотъ лѣсъ и потомъ заказалъ беречь его для кораблей. Лѣсъ этотъ носилъ потомъ названіе Царской рощи. Неизвѣстно, долго ли стояла эта роща, но въ такой близости къ деревнѣ сохраниться она не могла, въ виду потребности и въ лѣсѣ и въ землѣ. Но будто бы крестьяне, вѣроятно не желая нести отвѣтственности за сохранность рощи, вырубили ее, а остатки сожгли; землей однако этой имъ такъ и не удалось воспользоваться: окруженная со всѣхъ сторонъ ихъ полями, она такъ и не вошла въ крестьянскій надѣлъ. Впослѣдствіи, не особенно давно, эта земля однимъ изъ управляющихъ удѣльными имѣніями была передана, какъ мелкая оброчная статья духовенству Спасской церкви.

Въ Заячерѣцкомъ приходѣ Петръ былъ будто бы въ церкви и за недостаточно пристойное поведеніе „заечерицанъ“ въ церкви (да и вообще, повидимому, жители этого прихода хорошаго впечатлѣнія на Царя не произвели) онъ прозвалъ ихъ *локасами*. Эта еличка держится за ними и въ настоящее время въ формѣ „локасы“ и „локасье“. Мнѣ не удалось уловить достаточно опредѣленнаго значенія, передаваемого этими словами.

На Соденьгѣ (приходѣ), въ деревнѣ Глазановѣ, Царь поселилъ одного изъ своихъ слугъ, которому была дана особая земля. У наслѣдниковъ этого слуги потомъ крестьяне откупили будто бы дарованную землю за 2.000 бѣлокъ.

Сохранились у меня въ памяти смутные остатки уже очень давно слышаннаго здѣсь мною разсказа о томъ, что Царь Петръ, разсердившись разъ на какую-то рѣку, наказалъ ее ударомъ (плети?) и съ тѣхъ поръ остался „рубець“ поперекъ всей рѣки.

Передается о смерти Петра, что, будучи необыкновенно одареннымъ и сильнымъ, а въ то же время и слишкомъ самоувѣреннымъ, онъ разъ похвалился, что на конѣ своемъ перескочить черезъ какую-то широкую рѣку, но что, какъ бы въ наказаніе за похвальбу, онъ тутъ на конѣ и окаменѣлъ въ то самое время, когда конь передними ногами отдѣлился уже для скачка отъ земли.

Какъ на сказаніе о „стѣжѣхъ“ рѣки, такъ и объ окаменѣніи Петра, могли, разумѣется, повліять книжныя свѣдѣнія о Ксерксѣ Великомъ съ одной стороны, съ другой—о памятникѣ Петра Великаго въ Петербургѣ; о послѣднемъ и рассказы очевидцевъ.

Здѣсь невольно припоминается мнѣ очень распространенная въ Кокшеньгѣ легенда о Ломоносовѣ, къ созданію которой подаль по-водъ, вѣроятно памятникъ Ломоносова въ Архангельскѣ. Этотъ памятникъ жители Кокшеньги знаютъ отъ очевидцевъ. Ломоносовъ изображенъ съ лирою въ рукахъ и смотрящимъ какъ бы въ небо: рассказывается въ легендѣ, что Ломоносовъ былъ настолько знающій человѣкъ, что вотъ разъ, когда угрожала надвигавшаяся градовая туча, онъ взялъ вилы и этими вилами тучу-то и отвелъ. Дѣйствительныя заслуги перваго русскаго ученаго въ области изученія электричества вообще и грозового въ частности въ этой легендѣ, мнѣ кажется, выражены довольно красиво и, пожалуй, удачно.

О нашествіи французовъ и атаманѣ Платовѣ имѣются, хотя и отрывочныя, но широко распространенныя свѣдѣнія и даже поется пѣсня: „О френцюзѣ и Атаманѣ Платовѣ“. Весьма распространенъ эпизодъ о томъ, что Френцюзъ (Наполеонъ) усердно разыскивалъ Платова и хотѣлъ его во что бы то ни стало поймать. А Платовъ, побывавши въ гостяхъ у Наполеона, уходя называлъ себя и говоритъ ему: „эхъ, ты, ворона, ты ворона! Гдѣ тебѣ поймать меня!“ И исчезъ.

Изъ рассказовъ о болѣе позднихъ историческихъ событіяхъ упомяну о любопытной защитѣ Соловецкаго монастыря и Бѣлаго моря въ Крымскую войну отъ „агличанки“, которая сюда подступала на своихъ корабляхъ. „Когда агличанка стала палить по маластырю, то, видно по молитвѣ св. угодниковъ, Изосимы-Саватѣя, поднелись со всѣхъ острововъ чейки (чайки) и начали на нихъ д. . . .ъ (васыпать ихъ своимъ пометомъ). Не вынесла этого агличанка и повернула назадъ, домой“.

Въ ряду историческихъ именъ я намѣренно пропустилъ имя Шемяки, довольно часто упоминаемое здѣсь, но, повидимому, безъ всякой непосредственной связи съ галицкимъ княземъ. Шемяка фигурируетъ въ одномъ рассказѣ, только, какъ неправедный судья.

Этотъ распространенный, вѣроятно, всюду рассказъ въ мѣстной передачѣ имѣетъ такую примѣрно, форму (привожу въ передачѣ Вл. М. Попова): „Это былъ такой смѣшной (и жадный) судья: все взятки надо: Ну и судились двое. Одинъ-то уже далъ, а другому дать нечего—бѣденъ. Ну тотъ (т. е. бѣднякъ) и догадался: взялъ въ руку камень, зажалъ въ горсть да и говоритъ: „судья, суди, да на меня гляди!“ Шемяка и разсудилъ по послѣднему. Вышелъ (потомъ) изъ-за стола, отозвалъ мужика и попросилъ, что въ горсть-то (тотъ) зажалъ. А тотъ и показалъ камень“..

На этомъ я и долженъ пока закончить кокшеньгскія преданія.

М. Едемскій.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

Записаны со словъ вышедшей крѣпостной Алены Григорьевны
Шехавцевой.

(Окончаніе).

Выпала парошица да на талую землю.
Какъ на той пароши
Самъ Ваня хорошій.
Не путемъ Ваня гуляйтъ
По чужимъ по огородамъ,
Не путемъ онъ зажимаетъ
Снѣгу у правую руку.
Онъ видантъ, онъ бросантъ
У заднюю стѣну;
Онъ бросантъ у заднюю стѣну
Къ милой на постелю,
„Ахъ ты душенька милая
Открой хоть окошко (2)
Прямолви славечко“.
— Ни открою, ни выгину,
Ни хочу Ваню любить.—
Пашель Ванюшка нивесель,
Голаву повѣсилъ,
Чернай шляпаю накрылся,
Слизомъ залился.
Какъ мнѣ молодцу быть
Каво палюбить?
Вдаву любить—
Несчастливому быть,
Чужу жену любить—
Убитаму быть.
Любить—не любить
Солдатыну жену.
Солдатка всю ночь гуляйтъ,
Угамону ни знаетъ.

Трава мая, травушка,
Зелёнай да лужокъ!
Да я шь по тебѣ да травушка
Я хадить ни нахожуся;
На тебе мой милинькій
Я глядѣть ни наглижуса,
Безъ тебе мой милинькій
Пастелюшка халадна,
Ой пастелюшка халадна!
Ой да подъ пастелюшку
Марозъ подпалозъ;
Ой да одиялице заннвивѣло
Ой мае сердечушко да набалѣло.
Охъ падушнички, падушнички
Потанули усѣ во слезахъ!

Не свивайся (2) травка съ кавылою,
Ни свыкайся (2) молодець
Съ дѣвкой маладою.
Ой да харашо (2) была свыкаца,
Ой да горька (2) было раставаца.
Ни нидѣлю, ни нидѣлю
И ни двѣ мы свыкалися;
Ой да годъ мы свыкалися,
Подъ сладкаю яблоней паловалися;
Подъ горькою асиною, (2)
Да подъ праклятою
Мы распрощалися...
Ой да прости, прашай
Ты, красная дѣвка!
Мнѣ съ табою ни жить, (2)
Мнѣ разъ добраму молодцу
На службу итти
На службу итти
Царю, Богу наслужить.

Ой ты, кустъ мой,
Кустъ зилѣнинькій!
Да подъ тѣмъ, подъ кустомъ
Тамъ лежитъ солдатъ,
Маладой сержантъ.
Онъ убитъ, застрѣленъ
Крѣпко ранинъ!
Зде ево конь стантъ,
Головою трясетъ,
Головою трясетъ
Удилою звенить.
Ой ты конь, мой конь,

Конь товарищъ лихой!
Ты бѣги, мой конь,
По дарошки сталбовой;
Тѣ скажи, мой конь,
Паклонъ отцу, матери,
Маладой жены,*
Малымъ дѣтушкамъ-галобятушкамъ.

Ой по мосту, масточку,
По калинавамъ широкамъ,
Тамъ ишли—прошли салдаты;
Салдатушки малады,
Афицеры палкавыи.
У нихъ кони вороныи, (2)
Въ рукахъ плети шолкавыи,
На плеточкахъ фанарѣчки,
Въ фанарѣчкахъ угалѣчки.
Выпалъ, выпалъ угалѣчикъ
На калинавыи мосточекъ,
Ай калинавай мастокъ,
Онъ гарить и не старить;
У маладца сердце изнываетъ
О души красной дѣвицы,
О называнной сестрицы.
Ахъ ты, душинька дѣвица,
Падайди ко мнѣ поближе (2)!
Я скажу тебѣ славечко,
Изнаю тебѣ сирдечко;
Я скажу тебѣ другое,
Изнаю ретивоѣ,
Што хочеть милъ тебе пакинуть,
А иную палюбить.
Дѣвка по торгу ходила,
Сибѣ голубя купила,
За палтину старгавала,
Палтара рубля давала,
Ещё холстъ придала.
Принесла гулю ¹⁾ дамой,
Посадила у кровать.
Сталъ гулюшка ворезавать,
Краватушку любавать.
Хоть воркуй, ни воркуй,
Краватушка не твалъ—
Краватушка мая.

¹⁾ Голубя.

Какъ паѣдишь милъ на службу,
Возьми мене съ сабою: (2)
Возьми маю кручину,
Размечи тую кручину,
По чистаму полю.

Какъ поѣдишь батинька мой на поглядѣя,
Ни мечися, мой родимый, на богатство,
Ни на рублены конюшеньки,
На высокаи харомы, на терёмы.
Ой выбирай, мой батинька, чилловѣка,
Чилловѣка, мой родимый, да людину;
Штобъ не стыдно было въ гостюшки наѣхать,
Штобъ ни стыдно было прамежъ надругъ нахвалица.
Дѣвушки-подруженьки усѣ скажутъ:
То-та ровня, што ростомъ, што красотою,
Онъ своею малодечкой чистатою.

Свадебная.

Я не знала, ни вѣдала
Атчиво дѣла сдѣлалась.
Ка мнѣ сваха приѣхала.
Она гордая, спѣсивая,
Маладая и игривая.
И шутить, подшучивать,
Гаварить, подгаваривать
И хвалить сваю сторону.
Какъ наша старонушка
Винаградомъ усажена,
Сахаромъ усѣина, а сытою паливана,
Залатою тафтою покрывана.
Отайди прочь, обманщица!
Отайди прочь, подгаворщица!
Я сама знаю вѣдаю
Пра чужую старонушку,—
Чужая старона горемъ усѣина,
Слезною поливана,
Горючаю покрывана.

Пѣсня на дѣвишникѣ.

Какъ при вечиру, вечиру,
При послѣднимъ было вечиру,
При Маланиномъ дѣвишничку.
Ясный соколъ узвивался высакѣ
Выше лѣса, выше темнова,

Выше садику зилёнова,
Выше терима високава.
Онъ садился на высокій на терёмъ,
На серебряну рѣшоточку,
Пазлащенаю прибоинку.
Ясный соколъ ни прилука мая;
Добрый моладець разлука мая.—
Разлучаить съ атцомъ, матерью
И съ усемъ родомъ племянемъ.

Татьянушка у матушки
Дорагая гостенчка,
Залатая митѣличка,
Чиста теримъ надметала.
Ана мела, ни спѣшила,
На дворъ соръ выносила;
Выниши, соръ бросила;
Бросивши, пастаяла;
Пастаявши, воздахнула;
Воздахнувши, всплакнула,
У слезахъ слово молвила:
„Государыня-матушка!
Ты на што дравя рубишь?
На што въ теремъ носишь?“
— „Ты дитѣ мае, дитятко,
Ты дитѣ мае милае,
Учёнае, паражонное!
Къ твоему шѣ дѣвишничку—
Тваихъ надругъ кармить,
Тваихъ красныхъ дѣвокъ“.

Воля волюшка,
Воля дѣвичья,
Дочь купецкая,
Рѣчь отецкая!
Я въ дѣвкахъ была,—
Волю видила,
Нѣгу слышала.
Замужъ выдали,
Волю сбавили,
Слезъ прибавили.
Не стоять было-бъ
Подъ сырмъ дубомъ
Съ добрымъ моладцомъ.
Не щелкать было-бъ
Арѣшаточикъ изъ перчаточикъ
Ни ѣсть сладкихъ пряниковъ
Изъ карманиковъ.

Липушка да ракитушка
Всею ночь прашумѣла,
А всежъ ана зилена
Съ лискомъ гаварила:
„Листикъ мой кудравинькій,
Какъ намъ растаца,
Какъ раставаца,
Еще разлучаца?
Разлучать насъ буйныи вѣтры,
Буйныи вѣтры, дожди осенни;
Дожди осенни,
Люты (2) морозы;
Люты морозы,
Снѣги (2) глубоки.
Красная Татьянаушка
Всею ночь не спала.
Все она съ матушкой говорила:
Матушка да родимая!
Какъ намъ раставаца,
Какъ раставаца,
Еще разлучаца?
Разлучать насъ всё князьё—баяре,
Князьё—баяре, большой воевода;
Большой воевода, маладой Алексѣй, маладой Петричь.
Онъ разлучить,
А къ сибѣ прилучить.

Шуточная про сватовъ.

Вы, баяре маладыи,
И дѣ были и бували,
Што вы слышали, видали?
Были (2) на рыночки,
Пили (2) горилочки,
Горѣлочку за дѣвочку.
Пили, ѣли не платили,
Татьянушку сговорили, Семеновну сговорили.
Ты ни плачь Татьянаушка,
Ты ни плачь Семеновна!
У васъ воля—
У насъ вольнѣе.
У насъ воду на валахъ возять,
У насъ кашу въ котлахъ варять,
Кулешики въ арѣшники,
А лапшицу въ чирепици.
Летѣли галушки,
Летѣли черныи
Со чистава полю.

Садились галушки,
Садились черныи
На кустъ на ракиту.
Хотѣли галушки,
Хотѣли черныи
Ракиту наломити.
Не наломил (2)
Только пахилили.
Хотѣла Татьянаушка
— Симёнавна
Матушку взвесилити.
Ни взвесилила (2),
Только раслезила.
Мы шь да кармили,
Мы шь да паили,
Послать некаво будить.
Не кимъ послати (2),
Некава будить приждати.
И сбыли шь мы сваю (2)
Въ поли работницу;
Въ поли работницу
Въ доми куковщицу,
Гастямъ привѣтницу.
— Мы шь не кармили,
Мы шь не паили,
Наслать каво есть будить.
Дабыли шь мы себѣ (2)
Въ поли работницу,
Въ домѣ куковщицу,
Гастямъ привѣтницу.

Саниливо поле, дремливо
Сильно ягоду урадило.
Каму таю ягоду и рвать
Каму таю сильну срывать?
И рвать таю ягоду Татьянаушки,
И рвать таю сильну Сименовни.
Ана рвала, рвала приуснула,
Ее некому взбудить.
Батинька будить, не взбудить;
Маминька будила,—не вызвалась.
И дѣ не былъ Никанорушка,
Онъ на ворованъ коню;
Уставай (2) Татьянаушка!
Полна тебѣ спать, спачивать:
Тебѣ многа даровъ надабно—
Сорокъ сараковъ рушниковъ,
Пидесять шитыхъ ширинокъ,
Пидесять локотъ на расходъ
Дарить батиньку, да маминьку.

Ой мима саду, саду зиленава
Саловьюшка пролитантъ,
У зиленай садъ заглядантъ,
У пташечикъ успрашивантъ,
У пташечикъ—саловеичикъ:
„Вы пташечки—саловеичики,
Не видали-ли маей саловеюшки?“
— Ей тутъ нѣтъ и ни бувало.—
И пташечки слеталися
Па перушку сносилися.
И гнѣздушко савивали
Ой мима двора, двора тестива
Никанорушка проижаантъ,
На широкій дворъ загидаантъ,
У дѣвушикъ успрашивантъ:
„Вы дѣвушки—сударушки!
Не видали-ли маей Татьянушки,
Ни видали-ли Сименовны“.
— Ей тутъ нѣтъ и ни бувало,—
И дѣвушки сходилися,
Па иглачки снасилися,
Ей вѣночикъ сшивали,
На галовушку покладали.

Ой боръ шумить,
И каминь гремитъ,
Падковы звенять.
— Во бару, бару,
Во сыромъ бару,
Што подъ сѣснаю,
Подъ зиленаю
Стантъ кузинька,
Кузня новая,
Дверь дубовая.
Въ той кузиньки
Малады ковали
Калачки буютъ,
Дорога бируть.
Маладой кавалець!
Падкуй менѣ каня.
На тебѣ грошъ,
Штобъ конь былъ хорошъ;
На тебѣ залатой,
Вотъ мой вораной,
Да на тебѣ капенчку,
Паткуй ево крѣпинька.
На томъ, на каню
Вхатъ далеко,
Што по каминю, по гремучиму,

По гремучиму, по звинючиму
За свахаю, за спѣсываю.
А люди скажутъ:
Чей эта поиздѣ ѣдить?
— Багатава мужика,
Харошава жениха.
Семь паръ каней (2)
Стаять, не идуть,
Да галовушки, галовушки
Сван не нисутъ—
Ой тяжила наша свашенька
Да на перивозъ!

Ой стужилась зузуля,
Што рана зима выпала;
Снѣшкомъ кавылка запала,
Полковая трава завяла,
Алы цвѣтики пазасохли.
Какъ и дѣ ей теперь быть,
Съ чево гнѣздо свить?
Какъ и дѣ не былъ зузулѣкъ:
Не горюй, не тужи
Зузуля паливая!
Я недавно былъ у степи,
Бѣлы снѣги прогребалъ,
Да ковылушку даставалъ.
Я тебѣ гнѣздо совивалъ,
Хоть ни вольнае, да теплае,
Толька самое зимавѣе.
Красная Татьянушка
Въ канцѣ стала стаяла.
Она плакала, рыдала,
Платкомъ слезы утирала,
Батиньку умалила:
Государь ты, мой
Батинька родимый
Не атдавай мене мѣладу
Не кличь мою гѣлаву
Я еще гадокъ пасижу,
Золотой вѣнокъ изнашу,
Полкавы махры истреплю,
По улици хадючи,
Съ дѣвками танцы водючи.
Я съ дѣвками у танку,
Съ молодками у кружеу.
Какъ и дѣ не былъ Нивандрушка.
Не горюй, ни тужи Татьянушка!
Я нидавно былъ у торгу;
Я тебѣ вѣночнѣкъ старгавалъ,

Хоть ни залатой,
Толька машурной ¹⁾,
Да ни часавой,—вѣкавой,
Ево дѣвушки ни снимуть,
Малодушки ни атымуть.

Бѣлинькай мой горошникъ!
Люблю тебе сѣить
При крутой, при дорози,
При зеленой дубрави.
Младенькай Никанорушка!
Харашо тебѣ женица
При роду, при племени,
При радимомъ батюшки,
При радимой матушки.

Ой у саду салавей,
У зиленамъ маладой.
Онъ по саду литаить,
По зиленаму пархантъ,
Дробныхъ пташечикъ взбужантъ;
„Вы пташечки—воробы,
Встаньти рано на зари,
И спойти мене пѣсиньку
Новаю, виселаю
Про маладова саловьюшку“.
Саловьюшка, саловей
Саловьюшка маладой!
Скажи правду, не утой.
Сколь далечи летагъ,
Сколь далечи пархалъ?
Я ать сада до сада
До сладеава вишенья,
До зиленава арѣшенья
До дробнава чирешенья.
Младенькій Никанорушка,
Свѣтъ Питреивичъ,
Сколь далечи атьѣжалъ?
Ать сила, до сила,
Ать двара, до двара,
До тестиава терима,
До Татьянушкиной горницы.
Татьянушка въ териму,
Сименовна у високомъ.

¹⁾ Машурной.

За тисовымъ за сталомъ.
Никаноружка подъ ахномъ,
Питреивичъ падъ стекломъ.
Татьянушка атвари,
Сименовна атвари!
Никаноружка обагради,
Питреивичъ погади.
Радъ бы я обаждать,
Воранова каня не удержать.
Мой воронъ конь не стоитъ,
На каню узда звенить;
Буень вѣтирь шляпу рветъ,
Дробинъ дождикъ кудри вьетъ,
Ясно солнце лицо жгетъ,
Теща зятя въ гости ждётъ
На пиръ на бисѣдушку,
На винную чарочку.
Винная чарочка на столику стоитъ.
Она виномъ налита,
Сахаромъ набита,
Татьянушкой подата,
Сименавной во ручки.

Иванушка рябчій,
Хорошинькій мальчикъ,
Вздилъ на охотинку;
Улавилъ кукушичку,
Себѣ игрушничку.
Хотя она кукавая,
Она ему вѣкавая;
Хотя она рябѣшенька,
Она ему милѣшенька.

Занька по лавочки ходить,
Сѣринькій у печь заглядантъ—
Ужолі, ужолі каравай паспѣлъ,
Ужолі (2) яравой паспѣлъ?
Каравай мой рай,
Кто-шь тебе катантъ?
Катантъ мене свашка
У краснай рубашки.
Каравай мой рай,
Кто шь тебѣ сажантъ?
Сажантъ мене свашка
У краснай рубашки.

Каравай мой рай,
Кто-шь тебѣ вымантъ?
Вымантъ мене свашка
У красной рубашки.

Охъ што-шь то за дивище?
У воротъ стайтъ разливище,
Разливалась озеро
Широкое глубокое.
Какъ по томъ по озеру
Плавалъ лебидь со либѣдушкой.
Почемъ знать лебидя?
Почему либѣдушку?
У лебидя залотая галова,
У либѣдушки позалоченая.
Либедокъ—Никанорушка,
Бѣлинъкай Питреивичъ.
Либѣдушка Татьянушка,
Бѣлая—Сименовна.

Ва горинки во навой,
Во свѣтлицы свѣтавой
Стайтъ столъ дубавой.
Ножки точенны
Позалоченны.
На сталѣ дубавомъ
Слата скатерть новâ;
И новâ, н бѣла
Въ пидесять цѣлковъ ткана,
Въ пидесять ана брана.
По скатерти по навой
Ходить голубъ маладой
Со галубкаю.
Што былъ голушокъ—
Никанорушка господинъ;
Бѣлая голубка—
Татьянушка госпажа.
Они пѣшкомъ въ обѣдни
Не хаживали.
Они лѣтнимъ путемъ
Во колясочки.
Они зимнимъ путемъ
Во санахъ казыряхъ,
На лихихъ лошадяхъ.

Молодымъ господамъ.

Хмѣлюшка, хмѣлюшка,
Хмѣль яровой.
По лугамъ растеть,
По болотичкамъ стелица,
Пра межъ себе стеж(ш)ки дарож(ш)ки
Аставляютъ.
Ниваноружка Питреивичъ,
Князь маладой.
На широкій дворъ въѣзжать,
Что маговъ цвѣтъ стелица;
На высокое крыльцо
Залатымъ перстнемъ катица;
За тисовый столъ
Молодымъ княземъ
Садица.
Къ Татьянушки Сименовы,
Маладой кнегинюшки, подъ бачокъ.

Батюшка радной,
Излави саловья;
Прикуй къ териму,
Къ териму маему,
Харашо жить дочь будить,—
Свекаръ разбудить;
Плаха жизнь будить,—
Саловой взбудить.

Л. Семилуцкая.

ЗЫРЯНОСКІЯ СКАЗКИ.

(Окончаніе).

Настасья Адовна.

Въ старину жилъ крестьянинъ; онъ плотничать научился и около своихъ мѣстъ сталъ плотничать; сталъ брать подрады, на годъ ихъ бралъ, но все ему недоставало (средствъ), все было нужно свое прибавлять (и думаетъ крестьянинъ) „дай-ка я въ далекихъ земляхъ побываю, здѣсь все какъ-то въ недостаткѣ живу“. И отправился онъ въ далекую страну, и тамъ на годъ взялъ подрадь, за 300 рублей онъ взялся. У него осталось прибыли сто рублей цѣликомъ. Кончился этотъ подрадь, на семь лѣтъ онъ взялъ другой. Семьсотъ рублей осталось прибыли отъ второго подрада. Такъ нажилъ онъ восемьсотъ рублей. Мужикъ сталъ думать: „теперь пора домой идти, деньги есть“. Онъ шелъ, шелъ, да и усталъ человекъ—ѣсть, и пить захотѣлось ему. По дорогѣ была плохонькая мельница. Онъ сталъ искать что-нибудь попить изъ рѣки. Кто-то и схватилъ его за бороду. Онъ сталъ ждать—не отзывается, кто держитъ. Изъ воды отвѣтило: „что дома есть, про что ты не знаешь, то общай“. Мужикъ подумалъ: „что я за восемь лѣтъ не знаю, что-нибудь мелкое“. и сказалъ: „общаю“. Тогда вышелъ старикъ весьма сѣдой: „такъ дань?—Дамъ“, говорить. Потомъ старикъ подписаться велѣлъ. „Но гдѣ же бумага?“. Длинный старикъ принесъ лопухъ (широколиственную траву), между руками потеръ—кровь потекла, появились бумага и перо. Крестьянинъ подписался. Длинный старикъ обратно вошелъ въ воду. Крестьянинъ направился къ дому и очень печалится: не знаетъ, что онъ общалъ. Пришелъ на свои поля. На вотчину свою—озимъ зеленая растетъ, а день веселый, свѣтлый, онъ склонялся къ вечеру. „Не смѣю“, говорить, „идти“, и легъ на межѣ между полями. Онъ тамъ спалъ до утра. Проснулся, всталъ идти къ дому, еще не дошелъ до него, какъ жена его и увидала съ крыльца и крикнула „Ваня, Ваня, отецъ то идетъ“. Въ сердце ударило мужика. Пришелъ—женѣ и мальчику большая радость, а отецъ печалится. Жили день и другой день, разъ ночью и стали разговаривать мужъ съ женою: „отчего ты печалишься, когда намъ такая радость“. Мужикъ сталъ рассказывать: „Вотъ я ходилъ въ другую землю, денегъ нажилъ и денегъ много несу, возвращаясь домой я вотъ что встрѣтилъ“ (онъ тутъ рассказалъ все). Когда они уснули—длинный старикъ пришелъ—„сыночекъ, давай, пойдемъ“. Мальчикъ закричалъ. Отецъ и мать вскочили. Цѣлую ночь съ огнемъ

сидѣли, но старика болѣе не было. Тоже самое было и на вторую ночь и на третью. Тогда мужъ съ женою стали спрашивать своихъ сосѣдей своей деревни: „что дѣлать, послать мальчика или нѣтъ“. Сосѣди сказали—если обѣщано—необходимо послать. Тогда отецъ сапоги сшилъ для сына, коты, котомочку приготовить и далъ сто рублей. „Ты иди къ мельницѣ, три часа просиди тамъ и потомъ куда глаза глядятъ, туда и иди, если ничего не представится“.

Мальчикъ ушелъ. Просидѣлъ около мельницы три часа, ничего ему не представляется. Сердится—сидитъ. Потомъ куда глаза глядятъ, туда и направился. Пѣлый день онъ шелъ, и темнѣтъ ужъ стало; онъ сталъ искать себѣ ночлега—тамъ лѣсочекъ плохонькій растеть. Онъ въ одномъ мѣстѣ посмотреть, въ другомъ—нигдѣ не годится спать. Далѣе и лѣсу не стало, лугъ тянется. Одинъ день идетъ, не находитъ себѣ мальчикъ ночлега. Полоса лѣса опять виднѣется. Идетъ къ синему лѣсу—можжевельникъ все, и спать негдѣ, смотритъ подалѣе—дубъ стоитъ. „Дай-ка, я подъ дубъ пойду, тамъ есть отверстіе“. Вошелъ—тамъ ничего нѣтъ, палкой сталъ пробовать—что-то стучить, какъ бревно; по палкѣ онъ тогда спустился. Тамъ совсѣмъ темно, онъ на ощупь идетъ, что-то вродѣ ивбушки, а вотъ и дверь, отворилъ ее—очень свѣтлая комната передъ нимъ, а около стола сѣдой мужчина дремлетъ; дѣтина стоитъ, ничего не говоря, думаетъ, думаетъ,—дай-ка я скажуся. потому что не скажусь — съѣсть и скажусь -- съѣсть; „Здорово, дѣвушка!“ — „Иди, милый сыночекъ! Куда собрался?“ Дѣтина рассказывалъ дѣло своего отца. Старикъ сказалъ: „это мой братъ будетъ, онъ сатанѣ отдался, въ помощь тому, добрымъ людямъ надоѣдаетъ, а я къ святости иду“. Крестьянскій сынъ тамъ ночевалъ. „Завтра“, говоритъ старикъ, „ты иди, куда обѣщался“, и онъ научилъ его: „триста верстъ по лугу пойдешь, другіе триста верстъ по зеленому лугу и еще триста верстъ темнымъ лѣсомъ, потомъ увидишь ивовой кустъ на берегу рѣки. Туда прилетаютъ девять лебедей купаться. Восемь лебедей, оборотившись въ дѣвушекъ, купаются, а девятая, летаетъ надъ ихъ головою, потомъ восемь одѣваются и улетаютъ, а девятая, оставшись одна, купается. Теперь иди“. Молодой человѣкъ послѣ большихъ трудовъ прибылъ въ ивовой кустъ. Какъ говорилъ старикъ, такъ и случилось: восемь лебедей, оборотившись въ дѣвушекъ, стали купаться, а девятая летала надъ ними. Восемь одѣлись и улетѣли, а девятая, оборотившись, раздѣлась. Крестьянскій сынъ у нея платье взялъ съ берега и спряталъ. Она вышла—платья нѣтъ. „Кто спряталъ мое платье?“ Онъ сейчасъ и сказался: „я“, говоритъ, „спряталъ“, и рассказалъ ей дѣло отца. „О, далеко еще до старика, онъ мой отецъ, ты долго не приходишь!“ Сказала дѣвушка Ивану крестьянскому сыну. „Я тебѣ расскажу дорогу, ты со мною пойдешь. Ты какъ будешь со мною входить въ мой домъ, а я живу отдѣльно отъ старика, ты увидишь мои сѣни длинныя—32 окна; на каждомъ окнѣ по человѣку. Ты когда пойдешь за мною, тебя кто будетъ хватать, кто клюкою задѣвать, каждый по своему. Ты только не посмѣйся, а иди все за мною“. Послѣ разговору они отправились. Какъ она говорила, такъ все и случилось. Когда по сѣнямъ они шли—кто его топоромъ, кто клюкою задѣваетъ, каж-

дый, кто какъ умѣетъ. Иванъ сталъ смотрѣть внизъ и ни на кого не глядѣлъ, такъ шелъ за Настасьей. „Завтра утромъ“, Настасья говоритъ, „иди, сходи къ батюшкѣ“. Тотъ вышелъ, затѣмъ къ батюшкѣ. Онъ немножко сталъ посмѣлѣе и сказалъ: „здорово, дѣдушка!— Иди, иди, давно ужъ жду тебя“. Старикъ далъ ему домика, „Если усталъ, отдохни“. Онъ выспался. Ёлъ, отдохнулъ. Утромъ на другой день пригласилъ его на завтракъ и говоритъ:— „иди, посмотри на мое житье-бытье“. Иванъ вышелъ смотрѣть, разузнать житье-бытье, смотритъ вездѣ одежда, вездѣ богатство, а напоследокъ увидалъ столбъ стоитъ со многими гвоздями, на каждомъ гвоздѣ человѣческая голова, два гвоздя еще свободны, „это видно для меня и для Настасьи“, и сталъ онъ печалиться.

Ракъ-Молодецъ.

Въ старыя времена жилъ былъ крестьянинъ съ женою. У нихъ не было ни сына, ни дочери. И постарѣли они, ни сѣна, ни дровъ ужъ возить не могутъ. Старуха стала говорить: „ты старикъ иди, найди кормильца, сына ли дочь“. Старикъ думаетъ: „куда идти, кого стану искать“. Старуха сильно посылаетъ. Старикъ сталъ собираться; одѣлся, взялъ палку въ руки и спустился къ рѣкѣ, по берегу зашагалъ онъ. Тутъ ракъ къ нему оборотился: „ты куда старикъ идешь?— Я иду кормильца искать, быть можетъ гдѣ-нибудь найду, сына или дочь“. А ракъ говоритъ: „меня бери за сына“. А старикъ промолвилъ: „гдѣ ты и кто?— Я здѣсь, между камнями—ракъ“. Старикъ пошелъ къ нему: „изъ тебя какой ужъ кормилецъ изъ рака?“ Ракъ говоритъ: „бери меня, до самой смерти буду кормить, поить и въ могилу отправлю въ гробѣ“. Старикъ взялъ его въ руки и снесъ домой къ старухѣ. „Вотъ принесъ кормильца“—сталъ рассказывать и положилъ рака на приступокъ. Старуха пришла (взглянула) и плюнула на полъ—„тьфу, ты! Принесъ кормильца!“ Ракъ говоритъ: „не бойся, старуха, я тебя до старости прокормлю (буду кормить, поить)“. Наступилъ вечеръ. Старикъ со старухой поужинали, кое-что еще было. Ракъ сказалъ: „теперь ложитесь, спите“. Старикъ со старухой уснули. Ракъ всталъ, упалъ на полъ—вышелъ прекрасный молодецъ. Вышелъ на улицу на крыльцо и закричалъ: „Тетки, мамки, мои крестьяне, служите мнѣ службой“. Пришелъ къ нему народъ: „что тебѣ хозяинъ нужно?—Старику со старухой полный сарай сѣна навозить, подъ окно—дрова, ушатъ наполните водой“. Старикъ со старухой проснулись, старуха говоритъ: „печку надо топить, поди сходи за дровами“. А ракъ говоритъ: „только принеси, дровъ довольно подъ окномъ“. Старикъ—вышелъ на улицу—испугался, такъ много дровъ, и въ сараѣ—полонъ сарай сѣна, посмотрѣлъ въ ушатъ—онъ полонъ воды. И всякую всячину, и муки онъ нашелъ. Ракъ говоритъ: „меня не бойтесь, ты страпай старуха“. Потомъ побѣдали они и рака положили кашицы, и онъ съѣлъ немного. „Теперь иди, старикъ, къ царю свататься“. Старикъ боится идти. „Иди—и только“. Старикъ взялъ палку и отправился къ царю: пришелъ, вошелъ во внутрь и сѣлъ у порога дверей, и тамъ цѣлый

день сидѣлъ. Сказать то ничего не смѣетъ. Царь увидалъ и спросилъ: „ты что тутъ сидишь, старикъ?“ Старикъ геворитъ: „у меня есть сынъ, я пришелъ сватать за него твою дочь“. Царь отвѣчаетъ: „если службу сослужишь мнѣ, дѣвушку выдамъ, а если службу не исполнишь, голову отрублю“. Старикъ испугался и спросилъ какая же служба?

„Я вотъ какую службу дамъ: пусть отъ твоего дома до моего желѣзный мостъ въ одну ночь сдѣлаютъ съ мѣдными перилами. Если твой сынъ сдѣлаетъ, я дѣвушку выдамъ за него, не исполнитъ—голову отрублю.“ Старикъ взялъ палку и домой отправился; печальный все время онъ домой вернулся и сталъ говорить: „сынъ мой, ракушка, твоя и моя голова пропали“. Задачу онъ далъ исполнить: въ одну ночь съ мѣдными перилами отъ его дома велѣлъ желѣзный мостъ построить“. Ракъ отвѣтилъ: „этой службы не бойся, что будетъ впереди. Ложитесь и спите“. Старикъ со старухой легли спать. Ракъ опять упалъ на полъ и оборотился въ красиваго молодца. Опять вышелъ на крыльцо. „Тетки, матки, мои крестьяне! служите службу!“ Пришло къ нему тьма народу. „Что тебѣ нужно, хозяинъ?—Постройте мнѣ желѣзный мостъ съ мѣдными перилами“. Сдѣлали живо въ одну ночь хорошій мостъ. Ракъ вошелъ въ избу, ударился о полъ, легъ въ блюдо. „Старуха, вставай, стряпай, дѣлай“. Старуха встала. Варила, пекла. Отобѣдали. Старикъ опять пошелъ свататься. „По мосту и иди.“ Старикъ не посмѣлъ по мосту идти, онъ шелъ возлѣ, на палку упираясь. Пришелъ къ царю. Вошелъ и царь, опять спрашиваетъ: „что старикъ?—Сынъ послалъ меня сватать твою дочь. Служба мной исполнена.“ Царь вышелъ, осмотрѣлъ мостъ и ему очень красивымъ показался онъ. Вошелъ обратно къ себѣ: „если сослужишь службу—я выдамъ дочь мою.“ Старикъ спрашиваетъ: „какая служба?—Возлѣ моего дому безъ фундамента, безъ опоръ на воздухъ церковь была бы, чтобы звонъ звонилъ, попъ и дьяконъ пѣли. Если не сдѣлаешь—голову отрублю“. Старикъ опять стало весьма печально; взялъ онъ палку и собрался идти. „Охъ, ракушка, ты мой, головы у обоихъ спадутъ, приказалъ на воздухъ церковь построить, чтобы звонъ звонилъ, попъ и дьякъ пѣли.—Ложитесь, спите, исполнимъ“. Старики и легли и уснули. Ракъ бросился на полъ, молодцемъ сталъ прекраснымъ, на крыльцо вышелъ. „Тетки, матки“, крикнулъ онъ, „службу служите: въ одну ночь постройте храмъ безъ опоръ, на воздухъ, безъ веревки съ неба, чтобы звонъ звонилъ, попъ и дьякъ пѣли“. Они все исполнили. „Старуха, вставай, вари, пеки, корми старика“. Отобѣдали. „Иди сватать царевну. По мосту иди“. Старикъ идетъ по мосту, голову опустивши. Пришелъ къ царю, сталъ смѣлѣе. „Я службу сослужилъ“. Царь думаетъ, что это за человекъ? Онъ сказалъ: „дѣвицу я выдамъ, но третью службу исполни: пусть на лугу пророетъ озеро, въ озерѣ рыбы, на берегу рыболовы чтобы были и удочкою удять, и сѣтями ловять, и ветеlemъ имають рака. И кормятъ рыбою царство и денегъ не берутъ. Кругомъ озера садъ, въ саду птицы поютъ. Если все это сдѣлаетъ—выдамъ дѣвицу.“ Старикъ поклонился и отправился къ дому. Пришелъ, рассказываетъ раку: „Вотъ какую службу велѣлъ исполнить“ (и старикъ рассказаль). Ракъ промолвилъ: „не печалься, ложись да спи“. Молодцемъ онъ

вышелъ на улицу. „Тетки, матери“—кликнулъ. Тѣ пришли и, все, что было сказано, исполнили. На другой день старика ракушка опять посылаетъ свататься. „Иди по мосту“.—„Я опять пришелъ сватать твою дочь-царевну. Служба кончена“. Царь вышелъ, рассмотрѣлъ и весьма удивился. Звалъ на свадьбу: „пусть придетъ въ телѣги безъ лошади, по дорогѣ, что бы свадьба состояла изъ разнаго люда“.—Ушелъ, рассказалъ. „Ложись, спи“, говоритъ ракъ, „завтра пойдемъ на свадьбу“. Ночью приготовлена была свадьба. Старуха пекла. Какъ царь сказалъ, такъ и сдѣлали, красиво и пріятно. Сѣли на телѣги и отправились по собственной дорогѣ. Приѣхала свадьба, царь вышелъ и встрѣчаетъ. Женихъ-ракъ на блюдечкѣ, крестная несетъ его. Свадьба сѣла за столъ. Невѣста спрашиваетъ, гдѣ же нашъ женихъ? Крестная показываетъ—вотъ нашъ женихъ. Невѣста не хочетъ выйти. Царь сказалъ: „я далъ царскій обѣтъ, хотѣлъ выдать, отказаться не можно. Невѣсту посадили. Женихъ тутъ же сѣлъ на блюдечкѣ, хвостомъ лап-лап- дѣлаетъ невѣстѣ. Вышли и обвѣнчались. Крестная на блюдечкѣ кругомъ водила жениха. Потомъ вошли въ царскій домъ пировать. Ракъ ни вина, ничего не проситъ; кое-что положили ему на блюдечко—изъ блюдечка онъ ѣстъ. Но наконецъ уложили ихъ послѣ пира. И стала жена разспрашивать: „ты какою силою можешь дѣйствовать, ты вѣдь не все же ракъ?—Да, нѣтъ“. И онъ очень красивымъ молодцемъ сталъ, ей показался, и ей такъ любо, такъ радостно. На другой день утромъ встали, ракъ опять свое платье надѣлъ. Наступилъ день, дочь стала рассказывать матери, восхищаться, „очень“, говоритъ, „красивъ, такого молодца въ нашемъ царствѣ нѣтъ“. Мать совѣтуетъ: „ты ночью платье то рака въ печку брось“—такъ учить свою дочь. Легли вторую ночь спать, ракъ свое платье не снимаетъ, а баба велитъ „ты не спи въ этой одеждѣ;“ онъ говоритъ: „если я сниму, ты въ печку бросишь мое платье“. Она говоритъ „я не брошу“. Но онъ и снялъ платье и уснулъ. Молодая взяла, да въ печку и бросила. Когда онъ проснулся сталъ искать платье свое. „Я“, говоритъ жена, „въ печку бросила его.—Ты мое платье бросила, сколько я трудился, стремясь къ тебѣ, столько же ты потрудишься, когда меня будешь искать“. Онъ вынулъ клубокъ шелку и далъ своей женѣ. „Я, говоритъ, теперь и пойду отъ тебя ночью; этотъ клубокъ брось, куда онъ будетъ катиться, туда и иди за мною“.

Тогда онъ вышелъ и исчезъ.

Стало свѣтло у Бога и дочь стала рассказывать матери со слезами на глазахъ: „онъ убѣждалъ отъ меня, ты велѣла бросить въ печку его платье. Давай мнѣ теперь котомку, я побѣгу за нимъ“. Надѣла котомку и вышла изъ дому, выбросила клубокъ, онъ сталъ катиться впереди ея; она пошла за нимъ вослѣдъ. Клубокъ укатился къ морю и въ него вошелъ. Она тамъ сидѣла и плакала, и пустилась въ море вбродъ. Какъ только вода стала выше головы—тогда улица открылась. Клубокъ виднѣется въ водѣ. Она и идетъ въ водѣ за клубкомъ, и цѣлый день шла до вечера; къ вечеру одинъ домъ показался, клубокъ вкатился въ этотъ домъ и она за нимъ вошла. Тамъ внутри одинъ старикъ сидитъ. „Куда собралась

Марфида-царевна?—Я вот иду мужа своего искать, я съ нимъ обѣнчалась, но онъ убѣжалъ.—Ахъ, зачѣмъ же ты платье его бросила въ печку, если бы еще одну ночку потерпѣла, онъ не сталъ бы болѣе носить платье рака, онъ отправился въ другое царство, на другой невѣстѣ жениться“. Старикъ далъ Марфидѣ гребень; „ты когда придешь къ невѣстѣ, гдѣ пируютъ, войди туда, садись на порогъ, да и чеши свои волосы, тогда твои волосы будутъ золотые, невѣста тогда захочетъ купить твой гребень, а ты на деньги не продавай, а проси жениха на одну ночь“. Она вышла оттуда и пошла дальше..

Второй вечеръ одинокій домъ опять показался, туда вкатился глубокомъ. Въ домѣ опять живетъ одинъ старикъ. Спрашиваетъ онъ: „куда путь держишь царевна? Она рассказала—за мужемъ она идетъ, который убѣжалъ. Старикъ сталъ браниться—зачѣмъ платье мужа въ печку бросила? Ужиномъ накормилъ, а утромъ завтракомъ и на дорогу далъ полотенце. „Они другой день будутъ пировать, ты туда и приходи, полотенцемъ завяжи глаза, ты какъ только имъ завяжешь глаза, всѣ чудеса земли открыты стануть и видны тебѣ сквозь полотенце. Невѣста будетъ говорить—глаза болятъ у красивой дѣвушки,—ты ей дай полотенце, на посмотри, скажи. Она возьметъ на руки и завяжетъ глаза и всѣ чудеса земли увидитъ сквозь него. Купить захочетъ—продай это полотенце—денегъ мнѣ не нужно, ты скажи, дай жениха на вторую ночь, и она дастъ“. Марфида опять ушла отъ этого старика. Шла, шла, въ третій день увидала опять одинокій домъ. Она вошла туда. Тамъ женщина сидитъ, крестная мужа. Она стала бранить царевну—зачѣмъ платье мужа бросила въ печку? Она накормила ея ужиномъ, утромъ завтракомъ. На дорогу даетъ царевнѣ скатерть. „Ты приди въ третій разъ подъ окно, растели эту скатерть, у тебя будетъ много яствъ и напитковъ. Она увидитъ изъ окна, выйдетъ къ тебѣ и захочетъ купить, ты на деньги опять не продавай, проси жениха на третью ночь, если согласишься—дамъ это“. Послѣ этого царевна ушла оттуда. Крестная сперва дала ей мѣдные сапоги, мѣдную шляпу, желѣзную клюку. „Не подойдешь ты пяти верстъ до царства, увидишь на дорогѣ горящіе угли ты клюкой очищай себѣ дорогу. Шляпу на голову надѣнь, сапоги на ноги“. Она ушла. Пяти верстъ не дошла—частые огненные угли стали попадаться на дорогѣ, она съ трудомъ прошла это мѣсто. Вотъ въ царствѣ у вдовы она остановилась, стала расспрашивать когда свадьба. „Завтра будетъ, завтра пиръ“. Утромъ на другой день царевна пошла къ царю, возлѣ дверей у порога сѣла, сидѣла, взяла изъ кармана гребень и стала волосы свои чесать. Волосы стали золотыми. Невѣста увидала, попросила посмотреть гребень. „Что же это, твои волосы. стали золотыми, дай я почешусь“. И у ней стали волосы золотые. Пожелала она купить гребень: „продай мнѣ, три горшни золота дамъ,—мнѣ золота не нужно, мнѣ дай жениха на одну ночь“. Она согласилась уступить жениха, и уступила его. Легли спать. Мужъ царевны не сказалъ ни одного слова. Она встала и съ рыданіемъ ушла къ себѣ домой. Поскорѣ полотенце захватила, да опять пошла къ царю. Глаза повязала и невѣста опять говорить: „какая красивая дѣвушка, а глаза болятъ“. Она дала не-

вѣстѣ полотенце—на, посмотри. Та взяла, завязала себѣ глаза и увидела вдругъ всякаго звѣря, всякую птицу, все, что на землѣ все было видно черезъ него. Она пожелала купить это полотенце: „продай мнѣ, сколько хочешь, столько и бери золота“. Марфида не соглашается; „жениха дай на одну ночь“. И дала ей полотенце за жениха. Вечеромъ опять легли спать, она опять стала умолять, но мужъ не сказалъ ни слова. Эта вещь опять потеряна. Рано утромъ она ушла къ себѣ на квартиру, взяла скатерть, опять ушла къ царскому дому, подъ окномъ разостлала скатерть и стало тутъ у ней всякія яства и напитки. Невѣста, царская дочь, это опять увидала изъ окна, и вышла къ Марфидѣ на улицу. „Что у тебя это такое?“ Та скатерть сложила и ничего не стало, раскрыла—все опять появилось. Царская дочь—невѣста пожелала купить: „сколько угодно золота бери“. Та не соглашается: „жениха опять уступи на одну ночь“. Невѣста согласилась. Вечеромъ уложили. Третью ночь стали спать. Она опять стала звать мужа, наконецъ онъ откликнулся. „Ты завтра встань и пойди, а я попирую, да за тобой приду“. Спали и и проснулись. Мужъ остался пировать, а она къ себѣ домой пошла, взяла котомку и отправилась путемъ-дорогой, и въ одинъ день пришла къ своему царю. Черезъ часъ и мужъ явился, онъ убѣждалъ оттуда. Царю съ царицей стало очень любо. Только теперь онъ сталъ настоящимъ мужемъ царевны. И пошли они къ старику со старухой. Призвалъ своихъ работниковъ и велѣлъ построить домъ похожій на царскій, а старика со старухой взялъ къ себѣ. Царь съ царицей пришли пировать. Пировали, миловали, и понынѣ живутъ.

Простакъ.

Жили были старикъ со старухой и имъ принесли тайно быка. Купить имъ было не на что. Старики держатъ быка на травѣ, которую руками рвали. Такъ растили его до пяти лѣтъ. Старикъ со старухой стали разговаривать:—дай, продадимъ быка и купимъ крестьянское обзаведеніе.—На базаръ пошелъ старикъ и продалъ быка за 50 руб. У него не было мѣста для денегъ, такъ онъ былъ бѣденъ, и деньги несъ въ рукѣ. На встрѣчу попался ему мужикъ.

— Куда ходилъ?

— Быка продалъ. Вотъ взялъ 50 руб., да некуда положить.

— У меня есть кошелекъ, можно въ него положить.

— Ты много вѣдь, поди, просишь за него?

— Я прошу 10 руб., кошельки дорогие.

Старикъ купилъ и на шею повѣсилъ. Къ дому онъ идетъ. Ёдетъ мужикъ на встрѣчу въ телѣгѣ и спрашиваетъ:—куда ходилъ?

— Я на базарѣ быка продалъ, получилъ 50 руб., купилъ кошелекъ за 10 руб. Думаю купить крестьянское обзаведеніе. Одну штуку ужъ купилъ.

— Не купишь моей телѣги?

— Ты, поди, вѣдь много запросишь?

— А рублей десять-то попрошу. Это вѣдь хорошая штука, на ней что угодно можно везти, хоть лошадку повезешь на себѣ.—Че-

ловѣкъ купилъ телѣгу. Онъ сталъ тащить телѣгу. Быть можетъ, версты двѣ или три тащилъ. Мужикъ на встрѣчу барана тащить, обуздавши.

— Не обмѣняемся ли телѣгой и бараномъ,—говорить мужикъ.

— Ты, поди, много добавки просишь?

А баранъ былъ хорошій. Старикъ прибавилъ пять рублей.

У него осталось двадцать пять руб. Завязалъ барана къ поясу и отправился далѣе онъ. Баранъ не идетъ, его мучить. Версты двѣ прошелъ онъ. Мужикъ пѣтуха несетъ, взявши въ охапку.

— Не станемъ ли обмѣниваться бараномъ и пѣтухомъ?

— Ты захочешь, поди, много прибавки.

— Пять рублей прошу.

Они обмѣнялись. Пѣтуха старикъ несетъ на рукахъ. А мужикъ на встрѣчу съ серпомъ:

— Это хорошая вещь, все рѣжетъ, траву хорошо снимаетъ.— И тутъ старикъ прибавилъ пять руб. Серпъ колется.—Это еще голову сниметъ,—думаетъ старикъ. А на встрѣчу мужикъ брусъ несетъ.—Не обмѣняемся ли серпъ на брусъ? обмѣняемъ, прибавь всѣ деньги, я тебѣ сдачи дамъ три монеты по двѣ коп.—Идетъ старикъ, брусъ въ рукахъ несетъ. Брусъ тяжелый. Передъ нимъ озеро, на озерѣ утки.—Дай-ко, брусомъ брошу въ утку, да женѣ гостинецъ принесу изъ базара.—Прицѣлился онъ и бросилъ. Не попалъ, а брусъ въ озеро пошелъ. Старикъ бросилъ портки и пошелъ въ озеро вбродъ, но мокнетъ рубашка, онъ вернулся на берегъ и снялъ рубашку. И опять бросился въ озеро. Ноги не достаютъ, тамъ глубоко. И сталъ онъ тонуть, и поскорѣе выпрыгнуть на берегъ.—Я, говоритъ, отъ смерти убѣжалъ. И сталъ тутъ удивляться. Ъдутъ на тройкѣ.

— Ты что тутъ удивляешься?—спрашиваютъ купцы.

— Ты куда ходилъ?

— Я былъ на базарѣ, быка продалъ, денегъ выручилъ 50 руб.— и дальше все разсказалъ.—Если ты такъ торговалъ, жена плюнетъ на тебя.—Старикъ говоритъ:—три раза поцѣлуетъ.—Старикъ у купцовъ купилъ калачъ и держалъ закладъ съ купцами: Если на меня плюнетъ, мы со старухой будемъ служить вамъ всю жизнь, если поцѣлуетъ, вы дайте весь товаръ.—На этомъ били закладъ. Пошли домой, къ старику зашли всѣ. Баба удивляется, что мужикъ товаръ везетъ. Тѣ разсказали. Баба поцѣловала три раза старика. Купцы товаръ оставили у старика.

Жилъ одинъ бѣдный человѣкъ. Онъ все молился Николаю Угоднику, чтобы онъ далъ ему богатства. Николай Угодникъ тоже не можетъ дать богатства, онъ обращается къ Господу, чтобы дать бѣдному мужику денегъ. Господь сказалъ: „если ты дашь ему богатства, онъ трижды тебя побьетъ“.—Пусть побьетъ, всетаки дадимъ. „Хорошо“, сказалъ Господь. Мужику повезло, онъ сталъ богатъ. Разъ Николай Угодникъ и Господь куда-то шли. Дошли они до дому богатого мужика и стали стучаться въ двери. Богатый сказалъ: „если будете мнѣ молотить, пушу васъ почевать—Будемъ“, отвѣтили странники и были пущены въ избу. Ихъ помѣстили какъ-то на го-

лубцѣ. Рано утромъ мужикъ сталъ будить ихъ и посылать на молотѣбу. Странники что то замѣшались. Богатый пришелъ ярый и поколотилъ Николая Угодника, который лежалъ съ краю на голубцѣ. Странники все еще не встали, и говорили: „мы сейчасъ обуюмся и придемъ“. Немного погодя мужикъ, вида, что никого нѣтъ на гумнѣ, опять прибѣжалъ къ странникамъ и снова побилъ Николая Угодника, спавшаго съ краю на голубцѣ. Послѣ этого Господь сказалъ: „ложись, Никола, на мое мѣсто, иди внутрь, а то тебя опять побьютъ“. Господь легъ теперь съ краю. Мужикъ ждетъ не дождется, молотить нужно. Въ гнѣвѣ прибѣжалъ онъ и сказалъ: „теперь я побью другого, лежавшаго внутри, и опять поколотилъ Николая Угодника. Господь это зная, потому и сдѣлалъ такъ, онъ знаетъ наши мысли. „Вотъ тебѣ, говорилъ я“, сказалъ Господь. Послѣ этого они вышли на гумно. Господь зажегъ солому спичкой съ конца и вся солома сгорѣла, а зерна, какъ вылиты, остались въ пѣлости на гумнѣ. „Какъ они славно молотятъ“, сказалъ мужикъ, „мнѣ бы такихъ работниковъ побольше“. Странники ушли. На другой день богатый мужикъ самъ зажегъ солому на гумнѣ, чтобы такимъ легкимъ способомъ извлечь зерна изъ колосьевъ. Огонь усилился. Вся солома разгорѣлась, отъ соломы огонь перескочилъ на скирды, отъ нихъ къ овину, отъ овина на домъ мужичка. Все, что было—сгорѣло и мужикъ сталъ бѣднымъ, какъ прежде.

Другой жилъ мужикъ, тоже бѣдный и молился Ивану Богослову, прося у него зажиточности. Иванъ Богословъ далъ ему ящикъ съ золотомъ и сказалъ: „отдавай, кто просить у тебя взаимы, дають обратно—бери, нѣтъ—такъ оставляй,—у тебя деньги всегда будутъ“. Мужикъ исполнилъ все то, что сказалъ Иванъ Богословъ и былъ богатъ онъ весьма. Онъ умеръ въ старости, потому что и богатые умирають, и попалъ въ темное мѣсто, гдѣ холодно и темно—тамъ масса народу живетъ въ нуждѣ и въ бѣдствіяхъ. Мужикъ пошелъ по дорогѣ отъ этого мѣста, по дорогѣ, идущей въ рай. Онъ идетъ и спрашиваетъ всѣхъ встрѣчныхъ: „куда эта дорога?“ Ему отвѣчаютъ—въ рай. Шелъ, шелъ и дошелъ онъ до рая. У дверей его остановили: „ты не можешь войти въ рай, лицо твое черно и грязно, потому что ты въ церковь не ходилъ“.—„Мнѣ объ этомъ не было сказано“, отвѣчаетъ мужикъ, „я все сдѣлалъ и такъ, что и какъ мнѣ велѣлъ Иванъ Богословъ“. Вызвали Ивана Богослова, который подтвердилъ слова мужика. Мужикъ послѣ этого былъ пущенъ въ рай. Бываетъ же, что и Угодники не правильно скажутъ.

Т ю в ѳ.

Я жилъ съ женою въ работахъ у Тювѣ. Графъ пріѣхалъ изъ Питера, въ крытой лодкѣ. Безъ спросу огонь развели на берегу. Время было очень жаркое. Дада (тювѣ) спустился къ рѣкѣ, на берегу дымъ идетъ. „Кто такой развелъ огонь?“ Спустился Тювѣ и спросилъ громкимъ голосомъ—„кто дозволилъ развести огонь?“ Графъ

вышелъ изъ лодки. „Залейте огонь водой“. Поднялся онъ къ старику. „Извините, старичекъ, мой работникъ развелъ огонь. У васъ какіе встрѣчаются здѣсь руды?—Да, встрѣчаются, я самъ собралъ“. Тѣмъ далъ графу, тотъ увезъ съ собой.

Поднимались (вверхъ по рѣкѣ) искатели рудъ—руды искать. Роются буравомъ, руду ищутъ. Нашли какъ ребенка изъ камня, изъ мѣди, изъ руды. Потомъ положили на бѣлое полотно, на ноги поставили. „Намъ“, говорятъ, „добро будетъ“. Потомъ утромъ рано встаютъ, того и нѣтъ. Потомъ и сами стали думать—это видно горный хозяинъ. Буравомъ долго еще искали, да ужъ и не увидали. Это былъ хозяинъ рудъ. Словно человѣкъ, съ руками и ногами. Мнѣ это отецъ рассказывалъ, 70 лѣтъ тому назадъ.

Радуга—ошка-мошка пьетъ воду изъ рѣки; „каленикъ—огненная птица, которая собираетъ земныхъ птицъ въ стаи, чтобы онѣ улетѣли на югъ, на зимовку“.

Кумъ-шкотъ.

Купецъ сталъ кумомъ сатаны и далъ ему рукопись. Весьма они были дружны и гостили часто другъ у друга. Сатана показывалъ ему всѣ свои владѣнія въ аду, кумъ-шкотъ только его не показывалъ. Жили были годъ и другой, намъ неизвѣстно сколько. Сатана разъ сдѣлалъ перекличку своему народу и спрашиваетъ каждого: ты что добраго сдѣлалъ? Говоритъ одинъ: при свадьбѣ всѣ передрались—я это устроилъ. Сатана улыбнулся. У него есть законная книга; онъ говоритъ: „на свадьбѣ въ теченіе 8 дней нѣтъ грѣха, чтобы они не сдѣлали“. Другой говоритъ—„я 30 лѣтъ не могъ соблазнить одного человѣка, который живетъ въ кельѣ. „А ты отчего пробылъ тамъ столько времени и не пошелъ къ другому. Идите бросьте его въ Кумъ-шкотъ“. И его начали тащить, а онъ молится: батюшка ты не веди меня въ Кумъ-Шкотъ. Сатанѣ стало жалъ: „ну, не надо его вести“. Его поставили между двумя рядами чертей и били его свинцовымъ прутикомъ и говорили: „такъ долго бесполезно не трудись“. Потомъ сатана опять книгу открылъ и спрашиваетъ слѣдующихъ. Является бѣсъ и говоритъ: я хорошее сдѣлалъ.—Рассказывай. „Я соблазнилъ царскую дочь и довелъ ее до того, что она стала ѣсть по три человѣка въ сутки и стала неисправима“. Сатана далъ ему большой чинъ за такое дѣло.—„Положимъ, говоритъ сатана: исправить ее можно—въ такой то церкви есть такая то псалтирь и свѣча тамъ есть; если бы тронъ сутки читать эту псалтирь съ этой свѣчкой, то исправилась бы—какъ говоритъ законъ“. Купецъ все это видѣлъ и слышалъ, и раздумался. Его поразилъ кумъ-шкотъ, что такъ отъ него всѣ отказывались. „Дай говоритъ, спрошу у своего кума, что это такое. „Что же это, кумъ, ты не показалъ мнѣ этого кумъ-шкота, можно показать его, или нѣтъ?—Какъ же нельзя, ко-

нечно, можно. Они отправились и вошли въ кумъ-шкоть, отперли замокъ. Очень свѣтлая горница открылась имъ, оклееная шпалерами съ большими окнами, а постель постлана красивая высокая перина. Купецъ говоритъ: „можно мнѣ здѣсь отдохнуть“?—Можно.—Купецъ легъ (а сатана ушелъ въ другую комнату) и сталъ опять думать, тѣмъ болѣе, что сатана, уходя въ другую комнату, сказалъ: „умрешь, такъ и будешь жить въ этомъ веселомъ мѣстѣ“. „Это что-то не ладно, думаетъ купецъ, а у него была съ собой игла, ею онъ проткнулъ постель и смотритъ что-то блеснуло тутъ, онъ отверстіе увеличилъ, а тамъ народъ кричитъ въ смолистомъ огнѣ, вертятся, „ой горе, горе“, кричатъ. Купецъ испугался;—вотъ внизу то и есть мое мѣсто, думаетъ. Онъ вошелъ къ своему пріятелю. Ну, что каково, тотъ спросилъ.—А очень хорошо, въ такомъ веселомъ мѣстѣ отрадно быть и сталъ просить рукопись, обѣщая принести новую вмѣсто этой старой. Сатана возвратилъ, но какъ только купецъ ушелъ, сатана догадался. А купецъ возвратился и подъ окнами крикнулъ: „всѣ бѣгите изъ дому“, а самъ шелъ, шелъ и дошелъ до кельи, въ которой жилъ монахъ; онъ попросился ночевать у него. Солнце стало заходить, они заперли всѣ двери съ молитвами, съ заходомъ солнца зажгли свѣчи и стали молиться Богу. Тогда кругомъ кельи набѣжала толпа бѣсовъ и чертенятъ, такъ что келья дрожала вся и они кричали всю ночь: дай намъ человѣка, но лишь только запѣлъ пѣтухъ,—ихъ власть исчезла. Потомъ монахъ и говоритъ: больше я тебя держать не могу—иди къ другому. Онъ ушелъ къ другому монаху. Наступилъ опять вечеръ, по его просьбѣ тотъ впустилъ его ночевать, какъ солнце стало спускаться, заперли всѣ двери съ молитвами, а съ заходомъ солнца открыли книгу и стали читать. Потомъ туда бѣсы собирались да собирались, вдвое больше, чѣмъ вчера, но на сажень уже не могли подойти они къ кельѣ. Они опять кричатъ: дай намъ человѣка, а тѣ молятся. Такъ продолжалось всю ночь до пѣтуховъ. Потомъ монахъ говоритъ: не могу долѣе тебя держать. Купецъ отправился впередъ и опять пришелъ къ такому же монаху, попросился ночевать, тотъ впустилъ его. При заходѣ солнца они съ молитвами заперли двери, зажгли свѣчу, стали читать книгу и молиться. Опять нахлынуло бѣсовъ, быть можетъ вдесятеро больше и все говорятъ: „дай намъ нашего человѣка!“ Но они на 10 саж. не могли приблизиться къ кельѣ. Пѣтухъ запѣлъ и они ничего не могли взять. Монахъ сталъ рассказывать: „наша царевна по три человѣка съѣдаетъ въ сутки“, купецъ же говоритъ ему: „въ такомъ то мѣстѣ есть псалтирь и если бы 3-ое сутокъ читать ее со свѣчей, она исправилась бы“. Потомъ монахъ и купецъ пошли къ царю, ему доложили и царь ихъ принялъ. Такъ и такъ, дескать царевна ѣстъ людей. Купецъ сталъ рассказывать, что есть книга, которую, если читать со свѣчей непрерывно, она де исправится. Свѣчу заказали, книгу нашли. Монахъ вошелъ при солнцѣ къ царевнѣ. Онъ исполнилъ все то, что говорилъ купецъ, и царевна выздоровѣла.

К. Жаковъ.

О Т Д Ъ Л Ъ Ш

Библіографія.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

О книгахъ, брошюрахъ и оттискахъ статей этнографическаго характера, присланныхъ въ редакцію „Живой Старины“ (И. Р. Геогр. Об-во у Чернышева моста, съ надписью „для рецензій“), кромѣ напечатанія ихъ списка, сотрудниками будутъ даваться рецензій.

П. И. Якобіи. Вятчи Орловской губерніи. Исслѣдованіе. Съ предисловіемъ пастора *Я. Гурта* и указателями. С.-Петербургъ. 1907. Стр. XI+196+XLIX. (Записки Императ. Русск. Географ. Общества по Отдѣленію Этнографіи. Томъ XXXII).

Книга снабжена собственно двумя предисловіями, изъ коихъ одно, Секретаря Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О., *Θ. Щербатского*, носитъ, такъ сказать, officialный характеръ, сообщая вѣдѣнію исторію появленія въ свѣтъ изслѣдованія д-ра Якобіи. Изъ этого предисловія мы узнаемъ, что трудъ г. Якобіи, по постановленію Отдѣленія, былъ переданъ на просмотръ проф. П. И. Меліоранскому для отзыва о турецкой части матеріаловъ, положенныхъ г. Якобіемъ въ основаніе его изслѣдованія, и д-ру Гурту—для отзыва о финской ихъ части. Не отрицая того, что трудъ г. Якобіи „заключаетъ въ себѣ богатый и интересный лингвистическій матеріалъ“, и высказавшись, поэтому, за желательность напечатанія его въ „Запискахъ“ Общества, „оба специалиста отмѣтили свое несогласіе съ нѣкоторыми приѣмами и результатами работы д-ра Якобіи“, но, къ сожалѣнію, не успѣли, за смертью, выполнить своихъ обѣщаній: Меліоранскій—дать подробный отзывъ и примѣчанія, а д-ръ Гуртъ, приславшій краткій письменный отзывъ,—дать также и примѣчанія, и книга г. Якобіи выпущена въ свѣтъ съ однимъ лишь отзывомъ д-ра Гурта.

До сихъ поръ въ наукѣ господствовало мнѣніе, что вятчи вообще и, въ частности, вятчи Орловской губерніи были славянскимъ племенемъ. Д-ръ Якобіи въ своемъ изслѣдованіи старается опровергнуть это установившееся мнѣніе и доказать, что, по крайней мѣрѣ, вятчи Орловской губерніи принадлежатъ къ финно-угрскому племени.

„Указанныя авторомъ этнологическія черты вятичей—говорить д-ръ Гуртъ—представляютъ во многомъ поразительное сходство съ первобытными чертами характера финно-угрскихъ племенъ. Въ равной степени и характерныя свойства говора, отмѣченныя авторомъ, приближаютъ говоръ Вятичей къ финскому языку. Также и въ области исторіи, отношенія Вятичей къ ихъ русскимъ завоевателямъ напоминаютъ отношенія западно-финскихъ племенъ (напр. Ливонцевъ и Эстовъ) къ ихъ покорителямъ нѣмцамъ. Даже въ религіи, у племенъ изслѣдуемой области замѣчается появленіе сектъ аналогичныхъ тѣмъ, какія наблюдаются у западныхъ финскихъ племенъ, у Суоми-финновъ и у Эстовъ“. Словомъ, „совокупность историческихъ, этнографическихъ и лингвистическихъ данныхъ, на которыя онъ (д-ръ Якобіи) опирается, достаточно убѣдительно и вполне оправдываетъ высказанное авторомъ мнѣніе“. Факты и послышки, приведенныя д-ромъ Якобіемъ изъ области психіатріи и медицины, д-ръ Гуртъ, какъ не посвященный въ эти науки, не могъ провѣрить и потому совершенно оставляетъ ихъ въ сторонѣ, довольствуясь „совокупностью“ вышеуказанныхъ данныхъ. Впрочемъ, цѣнность данныхъ лингвистическихъ д-ръ Гуртъ значительно подрываетъ какъ своими частными замѣчаніями, такъ еще болѣе категорическимъ общимъ утвержденіемъ: „авторъ лишь весьма поверхностно знакомъ съ финскими говорами“, прибавляя, что „ученый, предпринимающій лингвистическое изслѣдованіе, не усвоивъ основательно тѣ нарѣчія, которыя имъ изслѣдуются, ставитъ себя въ невыгодное положеніе“, и что, поэтому, неудивительно, если „финнологамъ неоднократно придется возражать автору и оспаривать нѣкоторыя его положенія“ (предисловіе, V—VI).

Экскурсія автора въ область тюркскихъ языковъ рѣже, но несомнѣнно, что и здѣсь авторъ держится тѣхъ же пріемовъ, какими онъ пользуется при экскурсіяхъ въ область финскихъ языковъ и какіе не вполне одобрены даже такимъ снисходительнымъ критикомъ, какъ д-ръ Гуртъ. Остается пожалѣть, что для этой части работы д-ра Якобіи у насъ не имѣется авторитетныхъ указаній специалиста-тюрколога.

Самъ авторъ, надо отдать ему справедливость, рекомендуетъ себя психіатромъ-этнологомъ и считаетъ съ своей стороны „большою смѣлостью“ высказывать свое мнѣніе въ вопросахъ историко-филологическихъ. Мало того, для рѣшенія вопроса о расѣ вятичей, по мнѣнію самого автора (стр. 8—9), „простѣйшимъ было бы сдѣлать антропологическое изслѣдованіе населенія“ и, „въ сущности, было бы болѣе характернымъ изслѣдованіе Калужской (губерніи), сохранившей большую (чѣмъ Орловская) индивидуальность и болѣе древній географическій *опомастисонъ*“, но такого рода работу авторъ возлагаетъ на плечи мѣстнаго изслѣдователя, который можетъ сдѣлать ее и легче и полнѣе, а самъ, будучи „принужденъ замкнуться въ болѣе тѣсныя рамки“, четыре пятыхъ своей книги удѣляетъ разсмотрѣнію географическихъ наименованій, — главнымъ образомъ, финно-угрскихъ, — т.-е. какъ разъ такой области изслѣдуемаго предмета, въ которой онъ отнюдь не можетъ считаться компетентнымъ въ силу весьма поверхностнаго, какъ сказано, знакомства съ финскими гово-

рами. Этими авторъ изводитъ свой трудъ на степень сборника сырого матеріала, изъ котораго ученымъ предстоитъ, по выраженію д-ра Гурта, „выдѣливъ и отбросивъ то, что будетъ признано несостоятельнымъ, включить остальное въ сокровищницу отечественной науки“. Лишь при такомъ условіи, т.-е. при условіи использованіи матеріала учеными специалистами, принятый авторомъ методъ изслѣдованія, состоящій въ тщательномъ анализѣ географическаго *onomasticon*'а страны, можетъ считаться, при научномъ изслѣдованіи расы жителей, „болѣе доказательнымъ, нежели даже антропологическія измѣренія“ (стр. 138).

Сдѣлаемъ, съ своей стороны, нѣсколько частныхъ замѣчаній на разныя мѣста книги.

На стр. 8 авторъ, между прочимъ, говоритъ: „Что Вятичи были славяне, въ этомъ согласны всѣ авторы безъ исключенія, и авторы даже предупреждаютъ, чтобы не смѣшивать ихъ съ Вотяками, руководствуясь грубой этимологіей, а извѣстно, что гораздо менѣе поворно поддѣлать вексель, чѣмъ принять въ соображеніе этимологию въ вопросахъ этнографіи или исторіи“. Нельзя сказать, чтобы сравненіе автора было удачно, если не допустить, что оно имъ недосказано. Вѣдь рѣчь идетъ о грубой этимологіи, поддѣльной, ненаучной, основанной на „весьма поверхностномъ знакомствѣ“ съ языками, и развѣ авторъ станетъ отрицать, что такая этимологія хуже поддѣльнаго векселя, такъ какъ вводитъ въ заблужденіе не одно какое-либо лицо, а весь читающій людъ? Если повѣрить, напр., автору, то суффиксъ *ше* въ русскомъ языкѣ „означаетъ или мѣсто, гдѣ что-то совершается (кладбище, стрѣльбище), или которое было прежде занято чѣмъ-нибудь, что болѣе не существуетъ (городище)“ (стр. 29). Надѣюсь, что мною взяты примѣры изъ этимологіи, притомъ русской, наиболѣе знакомой автору. И что же, развѣ это не грубая, не поддѣльная этимологія, основанная на двухъ-трехъ повернувшихся примѣрахъ или просто придуманная *ad hoc*? Спрашивается, какъ объяснить съ помощью такой „этимологіи“ русскія слова: „днище“ (отъ день и дно), „кнутовище“, „топорщище“, „дружище“ и пр. и пр.?

Авторъ отрицательно относится къ довольно вѣскому мнѣнію, что нѣкогда Орловская губернія дѣйствительно была заселена финскимъ племенемъ, но что впослѣдствіи финны были вытѣснены и замѣнены славянскими Вятичами, и что финскія имена рѣкъ сохранились отъ первоначальныхъ жителей. Ошибочность такого предположенія авторъ доказываетъ слѣдующими соображеніями: „...населенныя мѣста гораздо менѣе консервативны относительно своихъ именъ, въ общемъ они характеризуютъ расу не *населявшую когда-то, а населяющую въ данный моментъ* страну...; если города, какъ болѣе устойчивыя населенія [поселенія?], болѣе стойко удерживаютъ и имена, то этого уже никакъ нельзя сказать о деревняхъ; нѣтъ возможности предположить, чтобы значительное число деревень получило свои имена отъ очень древняго племени, которое уже въ IX вѣкѣ было вытѣснено такъ радикально, что оставило только „пограничныя рѣдкіе и слабыя посты“, и чтобы новое населеніе, совершенно другой расы и другого языка, приняло ихъ географическій *onomasticon*.

Поэтому имена деревень имѣютъ въ нашихъ глазахъ еще болѣе доказательное значеніе, нежели имена городовъ, и даже рѣкъ“ (стр. 39).

Приходится констатировать, что авторъ совершенно бездоказательно опровергаетъ гипотезу, имѣющую за собою фактическія основанія. Соплюсь на примѣръ названій якутскихъ урочищъ (рѣкъ, еланей, горъ, мысовъ, озеръ),—названій, въ громадномъ большинствѣ случаевъ совершенно чуждыхъ якутскому языку и не имѣющихъ въ себѣ корней; общій голосъ изслѣдователей склоняется къ мнѣнію, что всѣ эти урочища носятъ названія прежнихъ обитателей, вытѣсненныхъ якутами; нѣкоторые (Л. Г. Левенталь¹⁾) категорически утверждаютъ, что среди якутскихъ названій мѣстностей много тунгусскихъ. Этотъ несомнѣнный фактъ идетъ въ разрѣзъ съ соображеніями автора и служитъ скорѣе подтвержденіемъ опровергаемой авторомъ гипотезы, а не наоборотъ, тѣмъ болѣе, что якутскія населенныя мѣста должны быть признаны гораздо менѣе устойчивыми, чѣмъ города и деревни, а потому, по автору, и менѣе стойко должны были удерживать сохранившіеся отъ первоначальныхъ обитателей имена урочищъ. Вообще, сохраненіе древнихъ географическихъ именъ новыми обитателями—столь естественное и распространенное явленіе, что нѣсколько страннымъ кажется желаніе г. Якобіа доказать противное.

Не довольствуясь экскурсіями въ область финскихъ и турецкихъ языковъ, авторъ для объясненія нѣкоторыхъ названій, не имѣющихъ въ мѣстномъ языкѣ ни корня, ни производныхъ, обращается и къ греческому языку на томъ основаніи, что „торговля и всякія другія сношенія русскаго центра съ греческимъ міромъ не прекращались“. Между прочимъ, „множество (вотяцкихъ) деревень имѣютъ составное имя, вторая составная часть котораго есть *пема* или *пели*“, а по начертанію академика Миллера—*пили*. Такъ какъ „*Пели* нерѣдко произносится *пери*“, то авторъ задается вопросомъ: „не слѣдуетъ-ли его сопоставить съ греческимъ *πύργος*—башня, крѣпость, крѣпостной валъ“ (стр. 171). Нисколько не настаивая на предпочтительности своего сопоставленія, я считаю не лишнимъ отмѣтить, что, при чтеніи у автора даннаго мѣста, у меня въ памяти постоянно вертѣлось турецкое слово *nimi*—знакъ, клеймо, какъ болѣе сходное въ звуковомъ отношеніи съ занимающимъ автора словомъ и входящее въ область языка, съ которымъ автору больше приходилось имѣть дѣла для доказательства своего мнѣнія, чѣмъ съ греческимъ.

Этнографическій интересъ книги сосредоточенъ, главнымъ образомъ, въ остальной ея части и именно тамъ, гдѣ авторъ устанавливаетъ цѣлый рядъ сходныхъ признаковъ между теперешнимъ населеніемъ древней Вятчской земли и финскими инородцами русскаго сѣверо-востока. На основаніи общихъ личныхъ впечатлѣній и нѣкоторыхъ данныхъ изъ литературы предмета, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

„Общій *habitus* населенія настолько напоминаетъ вотяцко-пермяз-

¹⁾ См. Жив. Ст. 1907, вып. IV: Изъ Якутской старины, стр. 96.

кій типъ, что это бросается въ глаза съ перваго же взгляда...: специфическій финскій ротъ, финскія краски волосъ и кожи лица, рыжеватыя бороды, свинцовые глаза, вотяцкій *habitus* тѣла, та же походка, какъ бы крадущаяся, смягченіе звуковъ и *мультирование* согласныхъ, смѣшиваніе согласныхъ *б, в* и *м*, избѣганіе двухъ согласныхъ въ началѣ словъ и вообще въ одномъ слогѣ, и т. д. Но сходство психологическое еще разительнѣе: абсолютная вѣра въ колдовство и его практикованіе, сохраненіе въ психикѣ рѣзкихъ слѣдовъ шаманизма, коммунальнаго брака, первобытнаго гетаризма, слабая семейная связь, половое значеніе ногъ и т. д.; наконецъ, большая склонность къ психическимъ заболѣваніямъ. Затѣмъ поразительное сходство женской одежды, одинаковое обозначеніе („сорока“) столь странныхъ и своеобразныхъ женскихъ головныхъ уборовъ, фалониднаго и рогатаго; страсть къ цвѣтнымъ вышивкамъ, занимающимъ иногда почти всю ткань женской одежды“.

Значеніе этихъ наблюденій ослабляется вслѣдъ за симъ идущими словами самого автора: „Но, какъ и у вотяковъ, пермяковъ, вогуловъ, остяковъ, мы и здѣсь встрѣчаемъ—особенно бросилось мнѣ это въ глаза въ Карачевскомъ уѣздѣ—и черноволосыхъ и черноглазыхъ, часто съ тюркскимъ общимъ обликомъ. Въ общемъ должно сказать, что и физическіе признаки нынѣшняго населенія Вятской земли, и женская одежда его представляютъ поразительную аналогію съ нашими финскими инородцами, но представляютъ нѣчто среднее между вотяками и пермяками, съ одной стороны, мордвой и черемисами съ другой“ (стр. 164).

Самымъ слабымъ изъ приведенныхъ авторомъ сходныхъ признаковъ кажется намъ сходство психологическое и еще болѣе сходство въ области фонетики; какъ то, такъ и другое легко можно отыскать у многихъ первобытныхъ племенъ нашего востока. Что касается физическихъ признаковъ, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что однихъ общихъ личныхъ впечатлѣній для рѣшенія вопроса совершенно недостаточно, что, впрочемъ, признаетъ и самъ авторъ.

Къ книгѣ приложено десять картограммъ, показывающихъ наглядно число и распредѣленіе душевно-больныхъ и кликушъ, а также распредѣленіе финскихъ географическихъ именъ по уѣздамъ Орловской губерніи, и три діаграммы, показывающія психіатрическую разницу между населеніемъ разныхъ уѣздовъ той же губерніи. Общій выводъ автора изъ собранныхъ имъ статистическихъ данныхъ состоитъ въ томъ, что „область распространенія финскихъ географическихъ именъ идентично совпадаетъ съ областью сильнаго распространенія душевныхъ заболѣваній вообще и кликушества въ частности“ (стр. 178).

Примѣчанія и сноски съ указаніемъ источниковъ выдѣлены въ конецъ книги, занимая болѣе полулиста.

Книга снабжена указателями: географическихъ именъ, словъ финскихъ нарѣчій и тюркскихъ словъ, значительно облегчающими пользованіе книгою.

Въ заключеніе нужно признать, что авторъ сдѣлалъ съ своей стороны все, чтобы по возможности систематизировать скопившійся у него матеріалъ и тѣмъ облегчить работу будущихъ изслѣдователей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и направить ихъ вниманіе на такіа де-

тали; которыя иначе могли бы остаться и вовсе незамѣченными. Можно не соглашаться съ приемами изслѣдованія, общими выводами и отдѣльными положеніями автора, но это нисколько не уменьшаетъ цѣнности кропотливо собраннаго д-ромъ Якобіемъ матеріала, тѣмъ болѣе, что изслѣдованіями по затронутому имъ вопросу наша литература поразительно бѣдна.

Эд. Пекарскій.

Отзывъ о трудахъ Т. Д. Флоринскаго ¹⁾. Трудъ проф. Т. Д. Флоринскаго „Славянское племя. Статистико-этнографическій обзоръ современнаго славянства. Съ приложеніемъ двухъ этнографическихъ картъ“, Кіевъ, 1907,—тотъ трудъ, котораго уже давно ждутъ русскіе и славянскіе этнографы и который для русскаго образованнаго общества въ полномъ смыслѣ слова необходимъ. Не давая никакихъ открытій, никакихъ неожиданныхъ выводовъ, авторъ въ сжатомъ изложеніи предлагаетъ сводъ всего того, что сдѣлано русской и иностранной наукой въ дѣлѣ изученія всѣхъ вѣтвей славянскаго племени, ихъ границъ, подраздѣленій, численности, политическихъ отношеній, слѣдуя, конечно, новѣйшимъ даннымъ, но не забывая упомянуть, гдѣ нужно, и о данныхъ старыхъ, поучительныхъ, когда рѣчь идетъ о ростѣ или вымираніи народности. Само собою разумѣется, ему приходилось касаться спорныхъ вопросовъ, иногда очень острыхъ; но онъ ихъ счастливо минуетъ, не входя въ полемику и не принимая крайнихъ, слишкомъ субъективныхъ мнѣній. Такъ, вопросъ о русско-словацкой границѣ, по его словамъ, „остается не вполне выясненнымъ, въ виду переходныхъ говоровъ“ (стр. 29); а касаясь македонскаго вопроса, онъ говоритъ: „для признанія македонскихъ славянъ за особую этнографическую вѣтвь славянства не имѣется достаточныхъ основаній“ (стр. 65).

Указатели по литературѣ славянской этнографіи даютъ возможность читателю самому обратиться къ специальнымъ изслѣдованіямъ и картамъ и дополнить трудъ автора.

Изъ приложенныхъ двухъ картъ одна, по исторической этнографіи, не принадлежитъ автору; другая, въ собственномъ смыслѣ слова этнографическая, составлена по его даннымъ и указаніямъ. Она обнимаетъ всѣ части славянской территоріи—отъ центральной Европы до Тихаго Океана, и хотя не отличается (въслѣдствіе своего умѣреннаго размѣра) достаточною подробностью, тѣмъ не менѣе даетъ вполне ясное представленіе о мѣстахъ обитанія славянскаго племени вообще и отдѣльныхъ славянскихъ народностей въ частности.

Мы бы сильно погрѣшили передъ авторомъ, если бы забыли упомянуть о другихъ его трудахъ въ области славянской этнографіи. Онъ принадлежитъ къ числу наиболѣе усердныхъ работниковъ этнографовъ нашего времени.

Десять лѣтъ назадъ имъ закончены изданіемъ „Лекціи по славянскому языкознанію“. Кіевъ, 1895—1897, два большихъ тома, которые посвящены славянскимъ языкамъ (кромѣ русскаго и церковно-

¹⁾ Согласно этому отзыву, Т. Д. Флоринскому была присуждена золотая медаль Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О-ва.

славянскаго) и имѣютъ въ виду знакомить читателя съ говорами живыхъ славянскихъ языковъ; эти „Лекціи“ находятся въ тѣснѣйшей связи съ его только-что названнымъ трудомъ по славянской этнографіи.

Въ теченіе ряда лѣтъ авторъ слѣдитъ за новостями славянской этнографической литературы и постоянно даетъ о нихъ отчеты, иногда довольно обстоятельные, въ кievскихъ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“. Специалисты хорошо знаютъ эти отчеты и часто пользуются указаніями автора.

Чтобы закончить нашъ отзывъ о дѣятельности Т. Д. Флоринскаго въ области славянской этнографіи, назовемъ еще его небольшія вышедшія отдѣльно работы: „Западные славяне въ началѣ и концѣ XIX ст.“ Кіевъ, 1895; „Большой праздникъ у самаго малаго славянскаго народа“, К. 1898; „Всѣми забытый и униженный славянский народъ“, К. 1899; „Зарубежная Русь и ея горькая доля“. К. 1900.

А. Соболевскій.

Къ вопросу о происхожденіи русской земельной общины. Статья *А. Кауфмана*. „Русская Мысль“ 1907, кн. X — XII.

Время возникновенія крестьянской поземельной общины. Сообщение Члена Государственнаго Совѣта *В. И. Сергѣевича* въ С.-Петербургскомъ Клубѣ общественныхъ дѣятелей, 7 февраля 1908 г. Книгоиздательство „Сельскаго Вѣстника.“ Спб. 1908. Стр. 15.

Обѣ статьи касаются одного и того же вопроса. Прогрессивная печать, въ свое время, обратила вниманіе на богатую содержаніемъ и замѣчательную по обстоятельности изложенія и оригинальности взгляда статью г. Кауфмана. О сообщеніи г. Сергѣевича, если не ошибаемся, только въ „Новомъ Времени“ появилась небольшая сочувственная замѣтка.

Оба автора согласны въ томъ, что русская земельная община не есть „первоначальный порядокъ вещей“ (Сергѣевичъ), „не есть нѣчто изначала данное“ (Кауфманъ), но они кардинально расходятся во взглядахъ на вопросъ о причинахъ ея возникновенія. Въ то время какъ г. Сергѣевичъ категорически утверждаетъ, что „общинное землевладѣніе возникло... въ силу правительственныхъ распоряженій, чтобы было съ чего платить подушную подать“ (стр. 15), г. Кауфманъ видитъ въ возникновеніи русскаго общиннаго землевладѣнія естественную эволюцію земельныхъ отношеній. Относясь совершенно отрицательно къ мнѣнію, приписывающему правительству роль насадителя этой формы владѣнія землею, и доказывая это цѣлымъ рядомъ соображеній и историческихъ справокъ, г. Кауфманъ „приходитъ къ тому заключенію, что эволюція формъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія и въ прошломъ не могла быть продуктомъ административнаго воздѣйствія, что это послѣднее могло играть и здѣсь лишь болѣе или менѣе случайную, болѣе или менѣе побочную роль, что оно могло, въ извѣстныхъ случаяхъ, только ускорять естественную эволюцію, но не въ состояніи было навязать крестьян-

ской жизни чужды и нежелательны ей формы". Противоположный взгляд г. Сергѣевича объясняется, новидимому, тѣмъ, что онъ слишкомъ большое значеніе придаетъ разнымъ документамъ, „на основаніи которыхъ (будто бы) можно ясно опредѣлить характеръ нашего древняго землевладѣнія и время, когда стала слагаться община“ (стр. 5). Можно думать, что статья г. Кауфмана осталась совершенно незамѣченной г. Сергѣевичемъ, иначе онъ счелъ бы себя обязаннымъ отмѣтить мнѣніе перваго, поддержанное многочисленными вѣскими доказательствами, о возможности неизбежныхъ ошибокъ при попыткѣ „реконструировать генезисъ и историческій ходъ развитія земельной общины“ на основаніи документальнаго, архивнаго матеріала.

Кто дастъ себѣ трудъ прочесть статью г. Кауфмана, тотъ не пожалѣетъ затраченнаго на ея прочтеніе времени. Желательно было бы видѣть статью въ отдѣльномъ изданіи въ видахъ распространенія среди читающей публики научно-обоснованнаго взгляда на вопросъ о генезисѣ и эволюціи земельной общины и общинно-уравнительныхъ формъ пользованія землею.

Нельзя не отмѣтить непомѣрно высокую цѣну брошюры г. Сергѣевича: 30 к. за 15 страницъ, напечатанныхъ притомъ довольно крупнымъ шрифтомъ.

Э. П.

Я. П. Новицкій. Малороссійская и Запорожская старина въ памятникахъ устнаго народнаго творчества. Александровскъ. 1907 г. 24 стр.

Его-же. Малорусскія историческія пѣсни, собранныя въ Екатеринославщинѣ. 1874—1903 г. („Лѣтопись Екатеринославской Ученой Архивной Комиссіи“. Выпускъ IV. Екатеринославъ. 1908. Стр. 131—257).

Я. П. Новицкій наравнѣ съ Д. И. Эварницкимъ и покойнымъ И. Манжурою принадлежитъ къ числу видныхъ екатеринославскихъ этнографовъ, собирателей народной поэзіи¹⁾. Выѣстъ съ Эварницкимъ они пѣшкомъ обошли всѣ мѣста бывшаго Запорожья, и эти хожденія принесли имъ обоимъ богатый матеріалъ. Пѣсни, собранныя Эварницкимъ, помѣщены въ его многочисленныхъ трудахъ по исторіи Запорожскихъ казаковъ, а также были изданы въ 1906 году объемистой книгою, которая, однако, не вышла въ свѣтъ по причинамъ частнаго характера²⁾.

Этнографическіе матеріалы Я. П. Новицкаго печатались съ 80-хъ годовъ въ „Екатеринославскихъ Губернскихъ Вѣд.“, „Днѣпровской Молві“, „Приднѣпровскомъ Краѣ“ и другихъ мѣстныхъ изданіяхъ. Отдѣльное собраніе записанныхъ имъ пѣсенъ, преимущественно историческихъ, было помѣщено въ „Сборникѣ Харьковскаго Историко-

¹⁾ Имятъ также Ив. Петр. Новицкій—малорусскій историкъ, одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ экспедиціи Чубинскаго въ Юго-Западный край. Скончался въ 1890 году.

²⁾ Подробныя свѣдѣнія объ этой „пропавшей“ книгѣ см. въ моей рецензіи въ „Кіевской Старинѣ“, 1906 г., іюнь—авг.

Филологического Общества“, кн. 6. Много цѣнныхъ преданій, собранныхъ Новицкимъ, заключается въ его большой статьѣ „Съ береговъ Днѣпра“¹⁾.

Первый изъ названныхъ въ заголовкѣ сборниковъ Я. П. Новицкаго содержитъ въ себѣ слѣдующія легенды и народные рассказы: 1) Десна и Днѣпръ (двѣ легенды),—2) Великій Лугъ,—3) Городище въ Великомъ Лугу,—4) М. Никополь,—5) С. Аулы.

Второй сборникъ содержитъ въ себѣ пѣсни историческія и отчасти бытовыя. Матеріалъ располагается по слѣдующимъ отдѣламъ: 1) Пѣсни временъ борьбы съ татарами, поляками и турками,—2) Пѣсни, связанные съ временемъ паденія Сѣчи и дальнѣйшей судьбой Запорожья,—3) Запорожскія сатирическія вирши,—4) Пѣсни временъ крѣпостной зависимости. Наконецъ, въ видѣ приложения приводится рождественская вирша. Пѣсни снабжены многими преданіями, устными поясненіями народа, а также историческими примѣчаніями автора.

Повидимому, авторъ въ этомъ сборникѣ перепечатываетъ отчасти то, что раньше было помѣщено имъ въ екатеринославскихъ временныхъ изданіяхъ. Такимъ образомъ для занимающихся этнографіею записи Я. П. Новицкаго дѣлаются болѣе доступными; при томъ, собранныя вмѣстѣ, онѣ даютъ опредѣленную характеристику народной поэзіи среди украинскаго населенія Екатеринославской губ.

В. В. Даниловъ.

Владиміръ Даниловъ. Къ характеристикѣ И. Г. Кулжинскаго и его литературной дѣятельности. (Отг. изъ „Украины“). Кіевъ. 1908. Стр. 24.

Кулжинскій—мало извѣстный дѣятель областной украинской литературы. Ранніе годы его литературной дѣятельности, освѣщены М. Н. Сперанскимъ въ статьѣ „Одинъ изъ учителей Н. В. Гоголя (И. Г. Кулжинскій)“. Для насъ изъ его работъ наибольшее значеніе имѣетъ сборникъ „Малороссійская деревня“. М. 1825. (Содержаніе сборника: Вмѣсто предисловія. Весна въ Малороссіи. Обжинки. Вечерниці. О малороссійской поэзіи. Малороссійскія пѣсни. Изъясненіе малороссійскихъ словъ, находящихся въ сей книгѣ).

М. Н. Сперанскій отмѣчаетъ нѣкоторыя точки соприкосновенія между „Малороссійской деревней“ Кулжинскаго и „Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки“ Гоголя. Но В. Даниловъ отмѣчаетъ такое же, если не большее совпаденіе нѣкоторыхъ мѣстъ „Вечеровъ“... съ издааннымъ въ 1798 г. Я. М. Маркевичемъ „Записками о Малороссіи, ея жителяхъ и произведеніяхъ“. Отмѣчая также „почти полное идейное тождество между Кулжинскимъ и Маркевичемъ“ въ нѣкоторыхъ мысляхъ, авторъ приходитъ къ выводу о вліяніи въ данномъ отношеніи литературной традиціи. Затѣмъ излагаются свѣдѣнія, касающіяся второй половины жизни и писательской дѣятельности И. Г. Кулжинскаго, на которыхъ проф. Сперанскій остано-

¹⁾ Сборникъ статей Екатеринославскаго Научнаго Общества по изученію края. Екатеринославъ. 1905. Стр. 11—205.

вливался мало. Въ заключеніе приведено любопытное письмо Кулжинскаго къ Максимовичу, какъ издателю сборника „Кіевлянинъ“. Въ этомъ письмѣ Кулжинскій говоритъ о своихъ работахъ и предлагаетъ свое участіе въ изданіи „Кіевлянина“.

Н. В—въ.

Е. О. Карскій. Матеріалы для изученія бѣлорусскихъ говоровъ. Выпускъ V. (Сборникъ Отд. р. яз. и сл. И. А. Н. Томъ LXXXIII, № 8). Спб. 1907 г.

Выпускъ, заглавіе котораго нами выписано здѣсь, является пятымъ изъ серіи „Матеріаловъ для изученія бѣлорусскихъ говоровъ“ и заключаетъ въ себѣ (67 стр.) 31-ый отвѣтъ на программу Академіи Наукъ. Матеріалъ доставленъ изъ мѣстечка Ілія, Вилейскаго уѣзда, Виленской губ., отъ мѣстнаго уроженца изъ крестьянъ Н. П. Альшука, получившаго „первоначальное образованіе въ народномъ училищѣ, а дальнѣйшее въ Молодечненской (въ 33 в. отъ Іліи) учительской семинаріи“.

Обыкновенно мѣстные уроженцы, не получившіе спеціальной подготовки, при наблюденіяхъ надъ особенностями родного языка, дѣлаютъ много погрѣшностей и пробѣловъ. Такое явленіе объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что мѣстные жители по привычкѣ не замѣчаютъ тѣхъ особенностей въ родномъ говорѣ, которыя такъ рѣжутъ слухъ у посторонняго наблюдателя. Но г. Альшукъ упорнымъ трудомъ и внимательнымъ отношеніемъ къ дѣлу блестяще выполнилъ принятую на себя нелегкую задачу и собралъ такую массу чисто бѣлорусскихъ словъ и выраженій, что ему будущій составитель словаря этого нарѣчія принесетъ заслуженную благодарность. При записяхъ того или иного слова г. Альшукъ приводитъ примѣры изъ народной жизни, иногда даетъ самыя существенныя и характерныя черты бытовыхъ картинъ и все это сопровождаетъ своими личными замѣчаніями. Полное знаніе какъ трудноуловимыхъ оттѣнковъ мѣстнаго говора, такъ равно и знакомство со всѣми сторонами еще мало изученной жизни этого народа и внимательное и безпристрастное отношеніе къ возложенной на себя обязанности дѣлаютъ записи г. Альшука особенно цѣнными. Въ его матеріалахъ замѣчается много данныхъ для сужденія какъ о нарѣчіи, такъ и объ этнографическихъ особенностяхъ бѣлоруссовъ.

Общее пріятное впечатлѣніе нарушается двумя приведенными пѣснями (стр. 34—35 и 63—64), выборъ которыхъ сдѣланъ крайне неудачно. Первая „пѣсня не бѣлорусская и по содержанію, и по формѣ, и по фонетикѣ“ (Прим. редактора. Стр. 35); вторая представляетъ какую-то путаницу, составленную шутникомъ на ломанномъ бѣлорусско-польскомъ языкѣ.

А. Сергунтовскій.

Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ, изданные В. Радловымъ. Часть IX. Нарѣчія урянхайцевъ (сойотовъ), абаканскихъ татаръ и карагасовъ. Тексты, собранные и переведенные Н. О. Катавовымъ. Тексты. VI + XXXII + 668 + XLVIII. Переводъ. VI + XXV + 658 + 1. Спб. 1907.

Хотя X томъ грандіознаго изданія акад. В. В. Радлова „Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ“ вышелъ уже въ 1904 г. (Нарѣчіе бессарабскихъ гагаузовъ. Тексты собраны и переведены В. Мошковымъ), но завершеиіемъ десяти томной серіи этого изданія приходится считать томъ IX, недавно вышедшій изъ печати и помѣченный 1907 г. Последний томъ состоитъ изъ матеріаловъ по діалектамъ 6 народностей Присаянья: 1) урянхайцевъ (или сойотовъ, или туба), 2) качинцевъ, 3) сагайцевъ, 4) койбаловъ, 5) бельтировъ и 6) карагасовъ. Томъ заключаетъ въ себѣ только часть богатѣйшихъ матеріаловъ, собранныхъ казанскимъ профессоромъ Н. Θ. Катановымъ во время путешествія 1889 — 1892 гг., когда, нынѣ едва ли не первый, знатокъ живыхъ турецкихъ нарѣчій посѣщалъ, кромѣ Урянхайской земли, минусинскаго и канскаго округовъ Енисейской губерніи и нижнеудинскаго округа Иркутской губерніи, еще — Семирѣченскую область и округа Западнаго Китая: Тарбагатайскій, Кур-Кара-усу, Манасъ, Урумчи, Хами, Турфанъ и Или. Матеріалы оставшіеся неопубликованными проф. Н. Θ. Катановъ общаетъ издать особо (стр. III), и не только одни туркологи съ нетерпѣніемъ будутъ ждать общаиіаго. Изъ изслѣдованныхъ проф. Н. Θ. Катановымъ нарѣчій ранѣе наименѣе были извѣстны урянхайское и карагасское. абаганскимъ же нарѣчіямъ посвященъ II томъ „Образцовъ“ акад. В. В. Радлова, нынѣ уже вышедшій изъ продажи вмѣстѣ съ томами I, III и IV (III томъ предназначенъ къ перепечатанію). Обѣимъ частямъ тома IX предпослано одно и то же предисловіе, къ текстамъ — по-нѣмецки, къ переводу — по-русски (I — VI), за которымъ слѣдуетъ подробное оглавленіе, въ обѣихъ частяхъ по-русски (I, I — XXXII; II, I — XXV). Къ текстамъ приложены примѣчанія, опечатки и указатели собственныхъ именъ. Матеріалы расположены въ томъ географическомъ и хронологическомъ порядкѣ, какъ они записывались, что имѣетъ, конечно, свой смыслъ, хотя иногда и приходится пожалѣть, что однородныя произведенія даже одного и того же племени разбросаны въ разныхъ мѣстахъ. При собираніи текстовъ имѣлись въ виду и лингвистическія, и этнографическія цѣли (нерѣдко, къ сожалѣнію, лингвисты-собиратели не удѣляютъ этнографіи спеціального вниманія!), и среди матеріаловъ имѣются пѣсни, загадки, толкованія сновъ, сказки, рассказы, преданія, легенды, шаманскія молитвы, описанія обычаевъ. Собирать матеріалы было нелегко (II, II — III), и собиратель далъ, повидимому, все, что могъ дать. Съ выходомъ въ свѣтъ IX тома изученіе турецкихъ нарѣчій Сибири и сѣв.-зап. Монголіи можно признать завершеннымъ въ *основныхъ* чертахъ; предстоитъ повѣрка и развитіе уже сдѣланнаго.

Остается пожелать, чтобы 10-ю томами изданіе акад. В. В. Радлова не исчерпалось: неизслѣдованныхъ и мало изслѣдованныхъ турецкихъ нарѣчій — еще порядочно, была бы любовь къ дѣлу и энергія у молодого поколѣнія туркологовъ; наличность и того, и другого у маститаго академика прямо достойна удивленія!

D-r. W. Radloff. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. (Записки Импер. Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію. VIII серия, т. VIII, № 7, стр. 1—86). Благодаря совершенно случайнымъ обстоятельствамъ, самому отдаленному отъ европейскихъ научныхъ центровъ народу, говорящему по-турецки, Якутамъ особенно посчастливилось, не въ примѣръ прочимъ ихъ единоплеменникамъ: капитальнѣйшіе въ тюркологіи труды—грамматическій *Бетлиника* и словарный *Пекарскаго*—посвящены якутамъ; имъ же посвящены обширные этнографическіе труды *Миддендорфа* и *Сьрошевскаго*, сборники образцовъ народнаго творчества—*Худякова* и *Пекарскаго*, и рядъ работъ: *Кочнева*, *Приклонскаго*, *Троицанскаго*, *Астремскаго* и др.

Въ новѣйшее время нѣкоторые тюркологи-лингвисты обратили особое вниманіе на языки якутскій и чувашскій въ виду ихъ важнаго значенія для исторіи турецкаго языка. Якутскій и чувашскій языки были признаны древнѣйшими турецкими языками, сохранившими слѣды своей глубокой старины, благодаря уединенному положенію среди языковъ не-турецкихъ.

Ранѣе, въ своей *Phonetik der Nördlichen Türksprachen* (Лейпцигъ, 1882) акад. В. Радловъ высказалъ на тѣ же языки иной взглядъ: онъ ихъ призналъ языками не турецкими, а отуреченными. Нахожденіе въ Петербургѣ лицъ, владѣющихъ якутскимъ языкомъ, и особенно редактированіе якутскаго словаря *Пекарскаго* дали акад. В. Радлову возможность провѣрить свой прежній взглядъ на якутскій языкъ и научно обосновать отношеніе этого языка къ прочимъ турецкимъ въ статьѣ, заглавіе которой выше выписано.

Замѣтивъ предварительно, что находившійся въ его распоряженіи якутскій корневой матеріалъ даетъ 32, 5% турецкихъ элементовъ, 25,9% — монгольскихъ и 41,6% — неизвѣстнаго происхожденія (стр. 2), акад. В. Радловъ переходитъ къ подробному разсмотрѣнію якутскаго языка въ фонетическомъ (3—20) и морфологическомъ (20—51) отношеніяхъ, сравнительно съ прочими турецкими нарѣчіями, а также отчасти съ языкомъ монгольскимъ и другими алтайскими.

На страницахъ 51—58 акад. В. Радловъ резюмируетъ свой взглядъ на якутскіе языкъ и народность, подтверждая свои лингвистическіе выводы историческими соображеніями, основанными на народныхъ сказаніяхъ, якутскихъ словарныхъ данныхъ и показаніяхъ персидскаго историка *Рашидъ-ед-дина*, а также ссылаясь на антропологическія свидѣтельства Н. Л. Геккера.

Въ самую отдаленную стадію своего существованія якутскій языкъ, нынѣ—турецкій, былъ языкомъ неизвѣстнаго корня, затѣмъ обмонголился, далѣе подвергся длительному влиянію разныхъ турецкихъ нарѣчій и только уже чрезъ нѣсколько столѣтій, наконецъ, принялъ совершенно турецкій обликъ подъ напоромъ послѣдней, особенно сильной волны турецкихъ элементовъ. Такъ какъ окончательный процессъ отуреченія якутскаго языка произошелъ въ области, отдѣленной отъ языковъ турецкой семьи широкими лѣсными пространствами, то якутскій языкъ и принялъ совершенно оригинальный, такъ сказать, „nachtürkisch“ („по-турецкій“) отпечатокъ.

Акад. В. Радловъ не отрицаетъ за якутскимъ языкомъ огромнаго значенія, такъ какъ онъ даетъ многочисленныя разъясненія для хода развитія турецкаго языка, но акад. Радловъ считаетъ ошибочнымъ признавать якутскій языкъ „древнимъ турецкимъ языкомъ... языкомъ, который равно отдѣлился отъ родственныхъ ему языковъ и можетъ дать намъ разъясненіе о первыхъ ступеняхъ развитія турецкихъ звуковъ“ (стр. 52).

Для полноты картины акад. Радловъ приложилъ къ своей статьѣ 5 якутскихъ сказаній: одно въ текстѣ и переводѣ, остальные только въ переводѣ (нѣмецкомъ).

Второе приложение даетъ персидскій текстъ использованнаго акад. Радловымъ отрывка изъ исторіи *Рашид-ед-дина*, изданный акад. Залеманомъ.

C.

Dr. Fr. S. Krauss. Slavische Volksforschungen. Abhandlungen über Glauben, Gewohnheitrechte, Sitten, Bräuche und die Guslarenlieder der Südslaven. Leipzig. VI+491 стр.

Литература по славянскому фольклору обогатилась новымъ обширнымъ изслѣдованіемъ Фр. Краусса. Авторъ собралъ въ Босніи и Герцеговинѣ значительный матеріалъ по низшей мѣологіи и народной поэзіи („гуслярскія пѣсни“) славянъ-мусульмановъ. Во введеніи къ своему труду г. Крауссъ даетъ очеркъ исторіи Боснійскихъ и Герцеговинскихъ славянъ и пытается выяснить степень турецкаго вліянія на славянскую народность, долгое время находившуюся здѣсь подъ мусульманскимъ владычествомъ (стр. 2 и слѣд.). По словамъ автора, это вліяніе, выразившееся въ возникновеніи особаго боснійско-турецкаго діалекта и въ усвоеніи босняками арабской азбуки, не проникло въ глубь ихъ народной жизни, а въ настоящее время почти совсѣмъ забыто: благодаря школьному обученію, они называютъ уже себя то сербами, то хорватами и пользуются кириллицей и латиницей (стр. 23).

Книга Краусса, соотвѣтственно матеріалу, раздѣляется на два отдѣла. Въ первомъ разсматриваются элементы народныхъ вѣрованій, сохраняемыхъ гуслярскими пѣснями въ поэтическихъ образахъ вѣдьмъ, вилъ, вампировъ, маръ и волкодлаковъ, а во второмъ—самые сюжеты пѣсенъ.

Народная эпическая поэзія южныхъ славянъ богата историческимъ содержаніемъ, сильно, правда, покрытымъ разными наслоеніями. Эти-то историческія черты авторъ и выясняетъ въ своемъ изслѣдованіи, подтверждая ихъ документальными историческими данными и многочисленными ссылками на труды новѣйшихъ ученыхъ историковъ. Этому посвященъ весь второй отдѣлъ, занимающій больше половины книги. Г. Крауссъ записалъ 16 пѣсенныхъ сюжетовъ. Заглавія ихъ слѣдующія:

1. Походъ джанюма.
2. Паденіе Ракочи.
3. Какъ Могаммедъ Кюпрюлю сдѣлался визиремъ.
4. Русскіе у Вѣны.
5. Мать Юговичей.
6. Старый богатырь Новакъ (Novak der Heldengreis).
7. Молочные братья.
8. Волкъ—огненный змѣй (Wolf Feuerdrache).
9. Сонъ Іогі (der Ioga-Schlaf).
10. Воплощеніе (die Menschwerdung) св. Панте-

леймона. 11. Законныя и незаконныя дѣти вилъ (Echte und unechte Vilenkinder). 12. Сраженіе богатырей (ein Heldengemetzel). 13. О вилѣ—сборщицѣ податей (von einer Vila Zöllnerin). 14. Стрѣлы вилъ (Vilenpfeile). 15. Дѣвушка-богатырка (das Heldenfräulein) и тюремныя вилы (Blockhausvilen). 16. О томъ, какъ вилы лѣчили Ибрагима Нукича. Тексты всѣхъ этихъ пѣсень приведены цѣликомъ въ подлинникѣ на сербско-хорватскомъ языкѣ съ параллельнымъ нѣмецкимъ переводомъ и подвергнуты тщательному и подробному историческому и литературному анализу.

Изслѣдованіе г. Краусса заслуживаетъ серьезнаго вниманія, какъ по количеству и цѣнности матеріала, такъ и по основательности его пбработки. Авторъ, видимо, съ любовью относится и къ славянской ооззін, и къ славянскому племени, а это не такъ часто встрѣчается у нѣмецкихъ ученыхъ.

П. Б.

Журналы за 1908 годъ.

Годишникъ на Софійския Университетъ. *Ив. А. Георговъ*. Приносътъ къмъ граматичния развой на дѣтския говоръ.—*А. Теодоровъ Баланъ*. Книгописаниятъ трудъ у Българитѣ.—*А. Инчирковъ*. Девненскитѣ изори и тѣхното поселищно и стопанско значение.—*Б. Цоневъ*. Най-старото свидѣтелство за членъ отъ у прилагателни.

Записки Новороссійскаго Университета. Т. СІХ. С. Г. *Вилинскій*. Къ литературной исторіи житія Василия Новаго.—*И. А. Линиченко*. Отзывъ о сочиненіи „Крестьянскій вопросъ въ законодательной Комиссіи Имв. Екатерины II“.—*А. И. Алмазовъ*. Канонарій монаха Іоанна.—Рѣчи при отпѣваніи и погребеніи проф. А. А. Кочубинскаго.

Землевѣдѣніе, кн. 1.—*А. Сивинскій*. Европейская эмиграція въ XIX вѣкѣ.—*В. Ботуразъ*. Религіозныя идеи первобытнаго человѣка.—*Д. Алучинъ*. Новый русскій курсъ землевѣдѣнія. (Проф. А. Н. Красновъ. Курсъ землевѣдѣнія. Ч. I) —Рецензіи на: *А. А. Борисовъ*. У самоѣдовъ. Отъ Пянеги до Карскаго моря.—Тепляри и ихъ происхожденіе. *Г. Н. Алмароса*. Въ отдѣлѣ „Физическая географія“ помѣщены замѣтки: *Д. А. Доаннистическія религіозныя стадин*.—Антикварная географія.

Извѣстія Имп. Русскаго Географическаго О-ва. в. I—II (двойной). *Н. Мартиновичъ*. Поѣздка въ Брусу 1905 г. (съ 6 рис.). В. IV. *Б. Б. Барайкинъ*. Путешествіе въ Лавранъ. (Съ 5 табл. рис.). В. V. *В. Дорожастайскій*. Поѣздка въ сѣверо-западную Монголію. *Г. А. Крамаренко*. Путешествіе на Камчатку и обследованіе ея въ рыболовномъ отношеніи въ 1907 г.—Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи.

Národopisny Věstník českoslovanský. (Этнографическій Вѣстникъ Чешско-славянскій). Вып. 2—3 (двойной). *Л. Индере*. Народныя отношенія въ Болгаріи.—*Ю. Горакъ*. О нѣкоторыхъ мотивахъ чешско-славянскихъ пѣсенъ.—Критика.—Библиографія: 1) Журналы; 2) Библиографическія обзорѣнія; 3) Биографіи, некрологи.—Этнографическія мелочи.—Выставка вертеповъ въ Прагѣ.—Извѣстія изъ этнографическихъ обществъ и музеевъ.—Приложеніе. *Л. Кубишъ*. Чешскія сказки изъ Кладскаго края.

Пермская Земская Недѣля. *Алексій Чесноковъ*. Среди кержаковъ. Этнографическій очеркъ. №№ 11—15.—*Н. Е. О* Вишерскомъ краѣ. Очеркъ. №№ 9—16.

Русскій Филологическій Вѣстникъ № 1—2 (двойной). *П. А. Бобровъ*. Русскія народныя сказки о животныхъ.—Матеріалы по народному говору Кобринскаго уѣзда, Гродненской губерніи. Записки *Или. Бычкова*. Труды Московской Дialectологической комиссіи. Сводъ матеріаловъ, собранныхъ комиссіей. Тульская губ.—обработалъ *И. Н. Дурново*; Воронежская губ.—*И. Н. Кононовъ*; Рязанская губ.—*Д. Н. Ушиковъ и Дурново*; Костромская губ.—*Дурново* по карточкамъ *А. Д. Гумиорскаго*; губ. Вологодская, Пермская, С.-Петербургская. Опечатки.—Архивъ. *Меводій (Великановъ)*. Старопечатная вторая половина XVI-го стол. псалтырь въ слогоудареніяхъ ея глагольныхъ формъ. Матеріалы для исторіи ударенія въ русскомъ языкѣ.—*В. А. Кавинскій*. Повесть *Ивановичъ Мельниковъ* (Андрей Печерскій). По поводу 25-лѣтія со дня смерти.—*Л. М. Баронъ Викторъ Романовичъ Розенъ*. Некрологъ.—Замѣтки.—Критика и библиографія.

И. В.

Новости этнографической литературы ¹⁾.

Адресь-календарь и памятная книжка Мошлевской губ. на 1903 г. Мошлевъ.

Барацъ, Г. Объясненіе такъ называемой рядной Тѣпаты XIII вѣка, какъ мировой записи, заключенной евреями. Киевъ. 12 стр. 4°.

Болотовъ, В. В., проф. Лекціи по исторіи древней церкви I. Введение въ церковную исторію. Посмертное изданіе подъ редакціей проф. А. Бриллиантова. Спб. 1907.

Борсикій-Бергфельдъ, Н. Исторія Венгрии въ средніе вѣка и новое время. Изданіе акц. общ. „Брокгаузъ-Ефронъ“. Спб.

Будде, Е. Очеркъ исторіи современнаго литературнаго русскаго языка (XVII—XIX вѣк.). 12-й вып. Энциклопедіи славянской филологіи. Спб. 132+XIV стр.

Буслаевъ, Ѳ. Н. Сочиненія. Томъ первый. Сочиненія по археологіи и исторіи искусства. Съ 40 рисунками въ текстѣ. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Н. Спб.

Варнеке, Б. В., проф. Исторія русскаго театра. Часть первая: XVII и XVIII вѣк. Казань.

Васенко, П. Л. Составныя части Книги Степенной Царскаго Родословія. Спб.

Васильевскій, В. Г. Труды. Томъ первый. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Спб.

Васнецовъ, Н. Матеріалы для объяснительнаго областного словаря Вятскаго говора. Изд. губ. Стат. Комит. Вятка.

Ветуховъ, А. Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова. (Изъ исторіи мысли). Вып. I—II. Варшава. 1907.

Городецкій, Б. М. Систематическій указатель содержанія „Историческаго Вѣстника“ за 25 лѣтъ (за 1880—1904 гг.). Спб.

Давыдовъ, К. Н. По островамъ Индо-Австралійскаго архипелага. Ч. III. На островахъ Ару. Спб.

Денисовъ, Л. И. Православные монастыри Россійской Имперіи. М. XII+984 стр.

Державинъ, Н. Болгарскія колоніи Новороссійскаго края. Херсонская и Таврическая губерніи. Симферополь. 237 стр.

Добросовидовъ, Н. Н. Пособіе для изученія китайскаго разговорнаго языка. Изданіе III-е. Харбинъ.

Добровольскій, В. Н. Киселевскіе цыгане. Вып. I. Цыганскіе тексты. Спб. VI+2 нен.+87 стр.

Дьяконовъ, М. Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. Изданіе второе, юридическаго книжнаго склада „Право“. Спб.

Жаковъ, К. Ѳ. Въ хвойныхъ лѣсахъ. Разказы Коми-Морта. Спб.

Записки Восточнаго Отдѣленія И. Р. Археологическаго О-ва. Т. XVIII, в. 1. Спб. 1907.

Землинъ, Дм. Русская соха, ея исторія и виды. Очеркъ изъ исторіи русской земледѣльческой культуры. Изданіе Вятскаго губернскаго статистическаго комитета. Вятка.

Извѣстія Восточнаго Института, Т. XVIII, в. 1—2. Владивостокъ.

Извѣстія Кавказскаго Отдѣла И. Р. О-ва. Т. XIX, в. 3. Тифлисъ. Стр. 177—247 +51.

Извѣстія Туркестанскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. О-ва. Т. VII. Ташкентъ. 1907. Стр. 250.

1878—1903. *Императорскій* Археологическій Институтъ въ С.-Петербурѣ. Рѣчи, адреса и привѣтствія. 1878—1908. Спб. 118 стр.

Исторія культуры. Выпускъ третій. Изданіе „Вѣстника Знанія“. Спб.

Марръ, Н. Основныя таблицы къ грамматикѣ древне-грузинскаго языка съ предварительнымъ сообщеніемъ

¹⁾ Книжки, при которыхъ не указанъ годъ изданія, вышли въ текущемъ году.

о родствѣ грузинскаго языка съ семитическими. Спб.

Мартинович, Н. Поѣздка въ Брусу. Спб. 29 стр. + 3 табл. рис.

Материалы по Маньчжуріи, Монголіи и Китаю. Вып. XVII—XXII. Харбинъ.

Отчетъ Виленской Комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ, за 1907 годъ. Вильна. 16 стр.

Отчетъ Имп. Р. Географическаго О-ва за 1907 г. Спб. 42+267 стр.

Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ за 1907. М.

Памятная книжка Архангельской губ. на 1908 г. Архангельскъ.

Пекарскій, Э. Образцы народной литературы якутовъ. Вып. II. Спб. Стр. 81—194.

Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго. Спб.

Позднѣевъ, Дмитрій. Токухонъ или книга для чтенія и практическихъ упражненій въ японскомъ языкѣ. Часть первая. Книги I—IV. Японскій текстъ, русская транскрипція, слова и переводъ. Токио. 1907.

— Японская историческая хрестоматія. Часть I. Отдѣлы I и II. Текстъ, переводъ и слова къ „Начальной истории Японіи“. Изданіе Общества востоковѣдѣнія. Токио. 1906.

Поликартовъ, Ф. Женская крестьянская одежда въ с. Истобномъ Нижне-дѣвицкаго уѣзда. 10 стр.

— Крестьянская свадьба въ селѣ Перлевкѣ, Землянскаго уѣзда. Воронежъ.

Политическая энциклопедія. Томъ II. Выпускъ пятый. (Еврейскій вопросъ—Карнеги). Спб.

— Выпускъ шестой. (Карнеги — Курская губ.) Спб.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Т. XXI. Первая половина. Спб.

Поповъ, Ест. Нѣкоторыя данныя по изученію быта русскихъ на Колымѣ. (Отт. изъ „Этногр. Обзор.“) стр. 159—181.

Ржиза, В. Ф. И. С. Пересвѣтовъ, публицистъ XVI вѣка. (Съ приложеніемъ сборника его сочиненій). М.

Риттигъ, П. А. Отечествовѣдѣніе. Спб.

Рубакинъ, Н. Разказы о Западной Сибири, или о губерніяхъ Тобольской и Томской, и какъ тамъ люди живутъ. Съ рис. Изданіе 3-е, вновь переработанное и дополненное, „Посредника“. М.

Рудневъ, Я. И. Очерки странъ и народовъ Азіи. Съ рисунками и картами въ текстѣ. 2 выпуска. Спб. 1907.

Русская историческая библіотека, т. XXV. Спб.

Русскій биографическій словарь. Бетанкуръ-Бякстеръ. Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго общества А. А. Половцова. Спб.

Сборникъ географическихъ, топографическихъ, и статистическихъ матеріаловъ по Азіи. В. LXXX. Спб. 1907.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XXXVIII. Тифлисъ.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по истории русской словесности. Т. I, вып. 1-й: Народная словесность. Изд. второе, значительно дополненное и исправленное Спб.

Скалозубовъ, Н. Л. Отъ Тобольска до Обдорска. (Изъ путевого журнала). Тобольскъ. 1907. Стр. 18 (отд. оттискъ изъ „Ежегод. Тобольск. Губ. Музея“ за 1906 г., вып. XVI).

Скиндръ, В. Протосевропеецъ и протоаріецъ. Геологическій періодъ ихъ истории. Спб. 95 стр.

Списокъ заданій отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Н. XV стр.

Списокъ населенныхъ мѣстъ Архангельской губ. къ 1905 г. Арханг. 1907.

Тенишевъ, В. В., кн. Административное положеніе русскаго крестьянина. Приложеніе: „Опека въ русскомъ крестьянскомъ быту“ П. С. Цыпкина. Своды данныхъ, добытыхъ этнографическими матеріалами покойнаго князя В. Н. Тенишева. Спб.

Тихомировъ, Ил. А. Къ вопросу объ устройствѣ древлѣвѣдѣнія въ Россіи. Владимиръ. 13 стр.

Трахтенбергъ, В. Ф. Блатная музыка (Жаргонъ тюрьмы). Подъ ред. И. А. Бодуэнь-де-Куртенэ. XIX + 116 сран.

Цицихъ, I. Населья Српскихъ земля. Кн. IV. Атласъ. Београдъ.

Шпитцельбергъ, Виллемъ, проф. Пребываніе Израиля въ Египтѣ въ свѣтъ египетскихъ источниковъ. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія, подъ редакцію Г. И. Файнберга. Съ 12 рис. Спб.

Эйморнъ, Виталий. Къ исторіи иноземцевъ въ Старой Малороссіи. М.

Яворскій, Ю. А. Къ вопросу объ Ивашкѣ Пересвѣтовѣ, публицистѣ XVI вѣка. Кіевъ. 28 стр. + 1 табл.

Якушкинъ, Е. И. Обычное право. Выпускъ третій. Материалы для библиографіи обычнаго права. М.

И. В.

Проф. В. Ключевскій готовитъ къ печати сборникъ статей въ двухъ частяхъ. Въ одной части будутъ сгруппированы научныя, въ другой—литературно-критическія статьи автора. Кромѣ того, въ настоящее время находятся въ печати слѣдующія сочиненія Ключевского: 4-ая часть „Курса русской исторіи“ и 4-е изданіе „Боярской Думы древней Руси“.

С. Р. Минцловымъ законченъ многолѣтній трудъ „Обзоръ воспоминаній, дневниковъ и мемуаровъ“, касающихся Россіи. До сихъ поръ такой сводной работы у насъ не было, хотя въ ней давно чувствуется настоятельная необходимость. Трудъ г. Минцлова выходитъ въ двухъ томахъ, въ изданіи Велихова.

Императорская Академія Наукъ приступаетъ къ изданію **памятниковъ русской письменности**, относящихся къ св. Владимиру и къ Борису и Глѣбу. Кромѣ того, Академія предпринимаетъ изданіе собранія сочиненій покойнаго академика *А. М. Веселовскаго*, которое составитъ 28 томовъ.

Вся обширная переписка *Н. И. Костомарова* и хранившаяся у вдовы его, написанная имъ самимъ, его „Автобіографія“ завѣщаны зятю покойнаго историка, члену совѣта министерства финансовъ *В. Г. Котельникову*, съ тѣмъ, чтобы она была напечатана не ранѣе 1910 года, когда исполнится 25 лѣтъ со дня кончины историка.

Представители старообрядчества предполагаютъ издать первый обширный трудъ по исторіи старообрядчества въ Россіи. Трудъ будетъ заключать въ себѣ подробныя и полныя свѣдѣнія о количествѣ старообрядческихъ храмовъ въ Россіи, о времени ихъ возникновенія, числѣ прихожанъ и образовавшихся общинъ по закону 17 окт. 1906 г. и т. д.

Семирѣченскій статистическій комитетъ предпринимаетъ ежегодное изданіе Справочной книжки и адресъ-календаря Семирѣченской области.

Императорская Академія Наукъ составила въ прошломъ году обзоръ польской печати въ Россіи. Оказалось, что въ Россіи выходятъ 217 польскихъ изданій, изъ нихъ въ Варшавѣ—166, въ Люблинѣ—9, въ Лодзи, Ченстоховѣ, Плоцкѣ и Кіевѣ—по 5, въ Вильнѣ и Кѣльцахъ—по 4. Главнымъ образомъ, преобладаютъ изданія ежедневныя (93), между тѣмъ какъ изданій ежедневныхъ 22, и столько же ежемѣсячныхъ журналовъ и выходящихъ 2—3 раза въ мѣсяцъ.

Вышла вторымъ изданіемъ книга *Б. Нисе* „Очеркъ римской исторіи и источниковѣдѣнія“. Переводъ сдѣланъ съ 3-го нѣмецкаго изданія слушательницами Высшихъ женскихъ курсовъ, подъ редакціей *М. И. Ростовцева*.

Готовятся къ печати книги: „Исторія Египта“ проф. *Георга Штайндорфа* и „Исторія Ассиріи и Вавилоніи“ проф. *Л. Бецольда*.

ОТДѢЛЪ V.

С м ѣ с ѣ .

Пережитки цеховой организаціи въ мѣстечкѣ Берестечкѣ.

Въ историческомъ мѣстечкѣ Берестечкѣ Волынской губ. понинѣ сохранились любопытные пережитки цеховой организаціи. Мужское населеніе, занимающееся различными ремеслами, составляетъ особую корпорацію—„цехъ“. Главнымъ лицомъ въ цехѣ среди женатыхъ мужчинъ является такъ называемый „цехмистеръ“, среди неженатыхъ—„ойчеласкавый“. Посвященіе въ цехмистеры, а также похороны цехмистера сопровождаются особымъ ритуаломъ. Созывъ братчиковъ, участвующихъ въ цехѣ, производится особымъ образомъ: посланецъ беретъ маленькую иконку, принадлежащую цеху, и обходитъ съ нею избы братчиковъ; каждый изъ нихъ цѣлуетъ иконку, какъ бы давая этимъ общеніе непременно явиться на собраніе. Парни являются опоясанные красными лентами черезъ плечо съ цеховыми хоругвями, а братчики держатъ громадныхъ размѣровъ зажженные свѣчи. Когда выбираютъ новаго цехмистера, то происходитъ любопытное перенесеніе „правъ“, т. е. сундучка съ документами, отъ стараго цехмистера къ новому. Процессія идетъ чинно въ строгомъ порядкѣ, молодежь одѣваетъ свои красныя ленты черезъ плечо. Новому цехмистеру приносятъ подарки—блюдо съ орѣхами и яблоками. Цехъ слѣдитъ за поведеніемъ братчиковъ и выѣшивается въ нихъ частную жизнь.

Ив. Абрамовъ.

Свадебная сказка во время омотринѣ.

Въ с. Тамицѣ, у мѣстнаго жителя Евлампія Ивановича Леонтьева я приобрѣлъ тетрадку въ восьмушку, на 8 листахъ, подъ названіемъ: „Свадебная сказка во время омотринѣ“. Тетрадку писалъ Леонтьевъ въ 1902 г., когда ему было 12 лѣтъ; онъ списалъ сказку съ какого-то стараго списка, который теперь утерянъ, а м. б. просто издержался; по признанію самого Леонтьева, онъ не ограничивался однимъ списываніемъ „сказки“, но и редактировалъ ее, убравъ „неприличныя“, по его мнѣнію, мѣста и кой-что прибавивъ (напр. о казен-

ной винной лавкѣ). Списавъ „сказку“ разъ, онъ сталъ продавать ее при случаѣ на свадьбы, или дѣлалъ списки на заказъ, можетъ быть каждый разъ измѣняя что-нибудь въ ея текстѣ. Я купилъ у Е. И. самый послѣдній списокъ, сдѣланный имъ въ 1902 г. 23 апрѣля, какъ помѣчено на тетрадкѣ. Е. И. кончилъ школу, хорошо грамотный и къ „свадебной сказкѣ“, которую онъ мнѣ продалъ, онъ написалъ „примѣчаніе“: „Сказка эта сказывается во время смотринъ, когда женихъ и невѣста захватятся за поднось съ подарками, начиная съ молитвы Гос. Ис. или Христ. Воскр. и кончая „такой-то принимай, такая-то отдавай, я болѣе ничего не знаю“. И самъ шаферъ получаетъ отъ тысячкаго красную водку и прибавлено простой“.

Господи Исусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ (3 раза).

Послѣ Пасхи „Христось Воскресь“ 3 (раза).

Старые старики! Пожилые мужики! Слушайте, послушайте, отцовъ и матерей не забывайте, дѣтей своихъ на худыя дѣла не потакайте, а женъ своихъ на улицу гулять не выпускайте; если будете выпускать, то мы будемъ холостыхъ робить напущать. А вы, старые старики, сидите дома на печи, кушайте ржаные колачи да овсянное тѣсто, вамъ тамъ хорошее мѣсто, а здѣсь безъ васъ очень тѣсно. А вы, старыя старушки, сидите дома въ избушки, сидите не дремите, костисливую куделю прядите, а про насъ про молодыхъ не переводите; если будете переводить, такъ мы васъ старыхъ чертовокъ станемъ вонъ выводить. А и вы, красныя дѣвицы, по лавочкамъ стойте, да пѣсенки пойте, тоже въ замужъ хотите, а сватаются такъ нейдите. Вы, дѣвушки, по вечеринкамъ ходите, а молодыхъ мужиковъ домой почевать не водите и по заулкамъ не ходите, сосѣдей и родителей своихъ не будите. Молодые молодицы, въ замужъ выходите, такъ ревите, а мужовой своихъ не знаю отъ чего слушать не хотите. Такъ вотъ, дѣвицы и молодицы, вы будьте тороваты, такъ не будутъ у васъ избы сороваты. А вы, старые старушки, дома печку не гораздо топите и на квашняхъ много тѣста не копите. Васъ здѣсь есть много пожилыхъ и тороватыхъ, такъ не пеките также хлѣбовъ сыроватыхъ. А вы, мужички, водку пейте, а женъ своихъ безъ винъ напрасно не бейте, а ежели будете женъ своихъ безъ винъ гораздо больно бить, то на драку придетъ много народу глядѣть, такъ того хозяина заставятъ въ кабалетки сидѣть; если будете въ кабакъ ходить, да въ долгъ вина просить, да за долгъ будете муку и жито носить; кто съ осени въ кабакъ носить, тотъ весной у богатыхъ мужиковъ въ займы просить (ну, да это было прежде, а нынче не такъ, вѣдь казенный кабакъ!). Послушай, весь честной людъ, женихъ нашъ не очень худъ. Прошу покорѣно прираздаться нашему первобрачному князю (имя и от.) съ первобрачной княгиней (имя и от.) повидатся, а ты первобрачная княгиня (имя и от.) подойди поближе, поклонись пониже, встань пободришь, за поднось захватись и народу не стыдись, стой смѣлая нашему первобрачному (имя и от.) стоять вѣсѣлая, у нашего первобрачнаго князя (имя и от.): рѣзвы ноженьки съ подходомъ, бѣлы рученьки съ подносомъ, буйна голова съ поклономъ, сахарныя уста съ поцѣлуемъ, языкъ съ приговоромъ Исусовой молитвы: Господи

Исусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ (или „Христосъ Воскресе“ 3-жды). Вотъ первобрачная княгиня (имя и от.) отъ нашего первобрачнаго князя (имя и от.) подарочки. Хлѣбъ, соль, пирожки пряжены, на тарелочку положоны, чулки, башмаки, а башмаки хотя шиты рѣдко, но очень крѣпко и шиты-то не нами, да носить вы будете сами, на ноги хотя обувать и туго, да носить будетъ очень любо; еще, пряникъ, гребень, зермало, мыло, грошъ на бѣлила, и пять копѣекъ на румянецъ. Поутру встань ранешенько, мыльцемъ умойся, гребешкомъ зачешись и въ зеркальце посмотришь, пряникомъ закуси и у матушки спросись, на домашнихъ (имя и от.) не коснись и кукушекъ не ставь, а лучше такъ оставь, чиріей тоже не сули; а мужъ пійный придетъ домой, такъ ты спать повали, и если будешь сулить, то онъ тебя будетъ чѣмъ попало, тѣмъ и валить. Сажу да грязь подъ матицу не вѣсь, на улицы много мѣста есть; Избушку паши, соръ на улицу выноси, а нѣтъ—вотъ что молода: лучше на улицу не выноси, а во дворъ броси, во дворъ ходи въ упоркахъ, а на улицу носи сарафаны съ оборкой, если есть пряжу у окошка пряди, а въ окошко часто не гляди, сажени тени дольше, такъ напрядешь побольше. Это молода отъ старыхъ старухъ честь и хвала. Вотъ первобрачная княгиня (имя и от.) есть у нашего первобрачнаго князя (имя и от.) ушатики бѣленекъ, коромыслицо тоненько, вода близко и гора не низка, за водой ходить не лѣнись, а кто на встречу попадетъ, тому пониже поклонись, и съ сосѣдями тоже не бранись. А отъ досуги въ церковь Божию ходить тоже не лѣнись. Во время своего замужества будешь малыхъ дѣтей родить и будетъ великій постъ, такъ надо въ церковь на исповѣдь ходить. По субботамъ баню топи, а на полу много грязи не копи. Въ лѣсъ по овощи ходи, а вороватыхъ людей съ собой неводи, а нѣтъ, сама съ ними неходи и чужого не носи; если будешь носить, то хозяева узнаютъ, будутъ старосты просить, а староста у насъ (имя и от.) человекъ не худой, онъ взатокъ не беретъ и жену тоже не деретъ, а узнаетъ, если прозъба не пуста, то заставитъ принародно пахать деревенскаго моста. Эти худыя порядки оставь дома у матки, худыя всѣ броси, а хорошіе за собой унеси. На пожняхъ коси, руки ниже носи, наклоний спину ниже, къ мужу своему править косу подходи ближе; Худо будешь косить, такъ надо у хорошихъ сѣнокосовъ—спросить, на пожняхъ будешь грести, на носилкахъ сѣна надо побольше нести. А ты (имя и от.) по грязямъ не броди, къ чужимъ женамъ не ходи, своей жены не груби. Такъ вотъ первобрачная княгиня (имя и от.) есть у нашего первобрачнаго (имя и от.) князя, елеть нова, да плетъ дома, о трехъ концахъ, о двухъ кольцахъ; первый конецъ гульбы избавляетъ, второй конецъ работать заставлятъ, третій конецъ спать привлекаетъ съ (имя и от.); а ты (имя и от.) будешь ложиться спать, Богу помолись и во время сна съ (имя и от.) крѣпче обоймись, а во время ночи, будь добра, и покажи (имя и от.) своего подподольнаго бобра, сами знаете какого. Во время ночи тайныя рѣчи говорите, а противъ неприсутственныхъ, и праздничныхъ дней блуда не творите. Въ прочемъ, я въ вашемъ домѣ не бывалъ и вашихъ порядковъ не видалъ. Которые я зналъ, всегда рассказалъ я всѣ вамъ господа. А

прошу васъ въ томъ: не надѣляйте нашему поѣзду никакого вреда; и вотъ у меня у шафера зачесалось въ затылки, а вина у тысячаго мало въ бутылки; У насъ поѣзжане не грозны, а рюмочки уже давно—поровны; Вы на насъ, шаферовъ, не грубеете, а лучше по рюмочки налейте. Дружка, я человѣкъ холостой, не прибавите-ли намъ въ красную водочки простой.

Вотъ и моей приказки конецъ, а вы новы зарученные скоро будете въ церкви вѣнецъ. А когда будетъ (имя и от.) вѣнецъ, то позабудь дѣвичей жизни конецъ; а когда будете стоять подъ вѣнцомъ, то обручатъ тебя (имя и отч.) съ (имя и от.) на вѣкъ обручальнымъ кольцомъ, и надо будетъ жить въ купе согласно конецъ концомъ. Ты (имя и от.) отдавай, а ты (имя и от.) принимай, а болѣе ничего не знай.

Н. Оичуковъ.

Х р о н и к а.

† П. С. Ефименко. 7 мая скончался извѣстный статистикъ и этнографъ Петръ Саввичъ Ефименко (род. въ 1835 г.). Покойный долгое время жилъ на сѣверѣ Россіи, и этого края касаются его главнѣйшія этнографическія работы: „Заволоцкая Русь“ (историческое изслѣдованіе, 1869 г.), „Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губ.“ (1878 г., 2 тома), „Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ Архангельской губ.“ (1869 г.). Изъ общихъ работъ покойнаго въ области этнографіи пользуются извѣстностью: „Договоръ найма пастуховъ“, „Ярило, славяно-русское божество“ (1869 г.), „Юридическіе знаки“ (1874 г.). Затѣмъ П. С. Ефименко далъ рядъ цѣнныхъ работъ, касающихся Малороссіи: „Сборникъ малороссійскихъ заклинаній“ (1879 г.) и множество замѣтокъ и статей въ „Черниг. Губ. Вѣдом.“ (1851—1861, 1876—1878 гг.), въ „Основѣ“ (1861—62 г.), въ „Кіевской Старинѣ“ и въ другихъ изданіяхъ. Помимо того онъ печаталъ свои изслѣдованія въ „Запискахъ И. р. геогр. о-ва“, въ „Судебномъ Журналѣ“, въ „Древностиахъ“, изд. московскаго археолог. общества, и т. д. Съ 1884 по 1887 гг. Е. редактировалъ „Харьковскій календарь“. Изъ статистическихъ работъ П. С. Ефименко извѣстны: „Изслѣдованіе кустарныхъ промысловъ Сумскаго у.“ (1882 г.) и „Матеріалы для изученія экономическаго положенія крестьянъ Харьковскаго у.“ (1884 г.). Въ 1866 г. по порученію географическаго общества покойный составилъ обстоятельную программу для изученія народныхъ вѣрованій и суевѣрій Южной Россіи.

1 февраля 1908 г. исполнилось 25 лѣтъ со дня смерти талантливаго этнографа - беллетриста Павла Ивановича Мельникова, извѣстнаго широкой публикѣ болѣе подъ именемъ Андрея Печерскаго. (См. статью В. Каминскаго въ „Р. Ф. В.“, 1908, № 1—2).

30 января состоялось шестьдесят второе общее собрание членов Императорскаго географическаго общества. По прочтении отчета о деятельности общества в 1907 г. состоялось присуждение почетных наград. Константиновская медаль присуждена действительному члену Г. Е. Грумъ-Гржимайло за труды по географии Азии и недавно вышедший труд: „Описание путешествія въ Западный Китай“. Золотая медаль имени П. П. Семенова—дѣйст. чл. Б. И. Срезневскому за его труды по метеорологіи и физической географіи. Большія золотыя медали за труды по этнографіи и статистикѣ присуждены: проф. Т. Д. Флоринскому за трудъ „Славянское племя. Статистико-этнографическій обзоръ современнаго славянства“, Ю. Я. Яворскому за собраніе сказокъ и легендъ Галицкой Руси и А. В. Шогожеву за его трудъ „Учетъ численности и состава рабочихъ въ Россіи“. Кромѣ того были и другія присужденія. (Подробнѣе см. „Отчетъ И. Р. Г. О-ва за 1907 г.“).

Деятельность Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О-ва.

№ 6. Засѣданіе 26-го марта: сообщеніе *И. С. Левитова*: „Бузогашишный вопросъ нашихъ окраинъ“. Программа сообщенія: *И. Буза*. Конспектъ трехъ докладовъ въ ученыхъ Обществахъ по этому вопросу. Вліяніе бузы и гашиша, какъ опьяняющихъ продуктовъ на русское населеніе Туркестана. Вслѣдствіе запрещенія продажи водки въ селахъ и деревняхъ Туркестанскаго края, русское населеніе замѣнило водку бузой и гашишомъ. *И. Гашишъ*. Вредное дѣйствіе свѣжаго гашиша, который курятъ вазакі и крестьяне Семирѣченской области. Цѣлебныя свойства выležавшагося гашиша, которыми пользуются индійскіе врачи. Статистика колоссальнаго роста контрабанднаго гашиша, ввозимаго въ русскіе предѣлы. Трудность борьбы съ этой злостной контрабандой. Англія своимъ запретительнымъ акцизомъ, совершенно безсознательно, должна вогнать весь китайскій гашишъ контрабандой въ Россію. Приблизительный ростъ гашишной контрабанды въ Россіи по англійскимъ источникамъ индійскаго правительства. Наркотики, какъ первый авангардъ желтой расы, вошедшій въ Россію. Какія мѣры Государство обязано было бы предпринять, чтобы остановить гашишную контрабанду. Необходимость назначенія бузо-гашишной комиссіи и основанія врачебно-химической лабораторіи для изыятія изъ обращенія въ Туркестанскомъ краѣ всѣхъ ядовитыхъ сортовъ гашиша.

№ 7. Засѣданіе 2-го мая: 1) сообщеніе д. чл. *А. И. Соболевскаго* „Новости этнографической литературы“¹⁾. 2) сообщеніе д. чл. *Ө. Г. Шубина* „Новыя вѣянія въ безпоповщинѣ“. Программа: Мнѣніе Пругавина объ измѣненіи безпоповщины. Образованіе безпоповщины. Особенность русской церкви. Безпоповщина явленіе самостоятельное; ея національный характеръ. Тайныя школы безпоповщины. Секта странниковъ и ея значеніе въ расколѣ. Книга Пятницкаго—резюме обвиненій церковныхъ писателей. Нѣтъ секты стран-

¹⁾ Будетъ помѣщено въ слѣдующемъ выпускѣ „Живой Старины“.

никовъ; тайные странствующие учителя. Развитие фанатизма. Безуспѣшность регистраціи безпоповщины. (Были показаны діапозитивы).

Отмѣтимъ также сдѣланное 20 февраля въ Отдѣленіи Статистики сообщеніе *Р. Д. Семенова-Тянь-Шанскаго*: „Колонизація Кустанайскаго уѣзда Тургайской области“. Программа сообщенія: 1) Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній о переселенческомъ вопросѣ вообще. 2) Общія природныя условія Кустанайскаго уѣзда. Туземное населеніе (киргизы). 3) Краткая исторія заселенія Кустанайскаго уѣзда. Самовольные переселенцы (заимщики). Устройство ихъ и дальнѣйшія работы по заготовленію участковъ правительственной организаціей и заселеніе этихъ участковъ. 4) Экономическое состояніе переселенцевъ. Причины, вліяющія на это состояніе. Возрастъ поселковъ. Уровень матеріальной обезпеченности переселенцевъ на родинѣ. Соотвѣтствие общихъ условій хозяйства въ мѣстахъ выхода и въ мѣстахъ новаго поселенія. Географическое положеніе поселковъ: степень отдаленности отъ желѣзныхъ дорогъ и торговыхъ центровъ. 5) Правительственныя мѣры къ поднятію благосостоянія переселенцевъ. Недостаточность ихъ. Ближайшія общія мѣропріятія, необходимыя для болѣе широкой и правильной постановки колонизаціи степныхъ областей вообще и рассматриваемой мѣстности въ частности.

Русское Антропологическое О-во. 20-го февраля сообщеніе члена-сотрудника *В. И. Анучина*: Енисейцы (матеріалы къ антропологии). Историческія свѣдѣнія. Географическое распространеніе. Дѣленіе по районамъ. Взаимоотношеніе съ сосѣдними народностями. Метисація. Численность. Образъ жизни. Семейно-родовыя отношенія. Физическій типъ. Психо-физическій типъ. Вымираніе и вырожденіе. (Были показаны діапозитивы).

4-го апрѣля сообщеніе *Н. Н. Виноградова*: Областные Археологическіе съѣзды вообще и предстоящій Костромской въ частности. Идея областныхъ Археологическихъ съѣздовъ.—Задачи и программа.—Исторія и краткій обзоръ дѣятельности.—Приготовленія къ 4-му Археологическому Съѣзду въ г. Костромѣ.

О-во Любителей Древней Письменности. Въ засѣданіи 16-го февраля было прочитано сообщеніе *В. Т. Георгиевскаго* Фрески Оеропонтова монастыря XV в. (съ волшебнымъ фонаремъ).

Московское О-во любителей естествознанія. Въ „Протоколахъ засѣданій Географическаго Отдѣленія“, помѣщенныхъ въ 1 кн. „Землевѣдѣнія“ (1908), помѣщено, между прочимъ, изложеніе содержанія слѣдующихъ сообщений: *М. Я. Кожевникова* „Природа и люди на крайнемъ Сѣверѣ Сибири (экспедиція на р. Хатангу)“ съ демонстраціей картъ фотографій и діапозитивовъ. *М. А. Богольнова* „Къ вопросу о вліяніи колебаній климата на нѣкоторыя явленія народной жизни“. *В. И. Лохмьсона*: а) „Международные конгрессы

американистов“, и б) „Древнія и современныя подземныя жилища племенъ сѣверо-восточной Азіи и сѣверо-западной Америки“. *В. Г. Богораза* „Религіозныя идеи первобытнаго человѣка. (По матеріаламъ, собраннымъ среди племенъ сѣверо-восточной Азіи, главнымъ образомъ среди чукочъ)“. Сообщенія эти были сдѣланы въ періодъ времени 17 янв.—27 марта 1908 г.

Изъ отчета о дѣятельности Студенческаго Географическаго кружка за 1907 годъ. За отчетный годъ было 12 засѣданій, на которыхъ были между прочимъ сдѣланы сообщенія: *Н. Н. Виноградовъ*. „О народныхъ суевѣріяхъ, связанныхъ съ предметами доисторической археологіи“. *В. А. Дубянский*. „Кочевники Устюрта“. *Д. Мошховъ*. „О новой теоріи происхожденіи человѣка“. *Э. К. Пекарскій*. „Этнографическій очеркъ якутовъ“. *Б. Э. Петри*. „Будль Инау у племени айну“. *Д. Д. Рудневъ*. „О Географическомъ Институтѣ въ Берлинѣ“. *Д. Д. Рудневъ*. „Поѣздка въ Большеземельскую тундру въ 1904 г.“. *А. Д. Соболевъ*. „Географическо-этнографическій очеркъ Китая“. *А. А. Спицынъ*. „Археологія къ вопросу о началѣ Руси“. *И. Д. Татіевъ*. „Вліяніе природы на человѣка“. Кружкомъ была предпринята, на ряду съ другими, экскурсія для осмотра коллекцій Этнографическаго Музея Имп. Академіи Наукъ подъ руководствомъ Л. Я. Штернберга; тамъ же прив.-доц. А. И. Ивановъ прочелъ двѣ лекціи „Главные моменты исторіи развитія Китая и его современное положеніе“. Всего состоялось 6 экскурсій. Составлена бібліотека (до 710 №№).

Засѣданіе городского присутствія по дѣламъ объ обществахъ разрѣшило регистрацію „Общества изученія Сибири и улучшенія ея быта“, имѣющаго цѣлью изученіе Сибири преимущественно въ экономическомъ, культурномъ и правовомъ отношеніи, а также содѣйствіе подготовленію и проведенію въ жизнь насущныхъ для Сибири преобразованій. Районъ дѣйствій общества распространяется на всю Россійскую Имперію. Для достиженія намѣченныхъ цѣлей общество предполагаетъ: собирать разнаго рода матеріалы, относящіеся къ предметамъ вѣдѣнія общества; организовать научныя изслѣдованія по разнымъ вопросамъ сибирской жизни путемъ снаряженія экспедицій и образованія комиссій изъ членовъ общества и т. п.; разрабатывать и публиковать собранные матеріалы; издавать свои труды; распространять научныя свѣдѣнія о Сибири и ея нуждахъ устройствомъ чтеній и курсовъ. Кромѣ того, обществомъ предполагено открытіе отдѣловъ и устройство, въ цѣляхъ изысканія средствъ, концертовъ, вечеровъ, спектаклей и проч.

Въ Солянмъ Городѣ, 31 января, была прочитана А. А. Мейеромъ лекція объ отношеніи религіи и культуры. Основныя положенія лектора слѣдующія. Ни философія, ни наука не уничтожаютъ, сами по себѣ, религію; представленіе о консервативности религіи есть предразсудокъ, но тѣмъ не менѣе въ этомъ ходячемъ взглядѣ на религію, какъ на начало враждебное прогрессу, есть доля правды, и это потому, что въ религіозномъ творествѣ и культурной работѣ—

различное направлѣніе воли. Мы должны ждать религіознаго возрожденія, но, конечно, не въ томъ смыслѣ, что будутъ оправданы или оживлены догматы нынѣшней омертвѣвшей религіи, а въ смыслѣ новаго мистическаго подъема, — поэтому религіознымъ искателямъ, пока нѣтъ такого подъема, приходится быть скромными въ своихъ религіозныхъ построеніяхъ и не впадать въ догматизмъ. Они должны помнить заповѣдь Ницше „Берегись, не заполонило бы тебя въ концѣ еще какое-нибудь болѣе узкое вѣрованіе, какая-нибудь жестокая, суровая мечта! Вѣдь именно все узкое и прочное соблазняетъ тебя теперь и искажаетъ“.

Въ настоящее время на сѣверѣ работаетъ датская экспедиція Расмуссена, занимающаяся изученіемъ эскимосовъ мыса Юркъ и Британской Сѣверной Америки. Другая экспедиція, Миліуса Эриксона занята изслѣдованіемъ и съемкой восточной Гренландіи.

18 марта поступила въ музей Александра III сектантская коллекція, переданная изъ министерства вн. дѣлъ. Сектантскій музей состоятъ изъ 127 предметовъ, конфискованныхъ въ разное время у хлыстовъ, скопцовъ и т. д. Коллекція эта представляетъ крупный интересъ для наглядной исторіи русскаго сектантства. Въ настоящее время она еще нуждается въ изученіи и разъясненіяхъ, ибо министерство вн. дѣлъ передало ее въ музей безъ всякихъ объяснительныхъ документовъ. Изъ художественныхъ произведеній имѣются „Портретъ Петра III“, „Портретъ Селиванова“, „Христіанинъ на пути добродѣтели“ и „Хожденіе Христа по водамъ“, затѣмъ хромо-литографіи: „Добрый Пастырь“, „Св. арх. Михаилъ“, „Св. арх. Гавріилъ“, „Св. арх. Георгій Побѣдоносецъ“, „Могила Шилова“ и „Изліяніе благодати“; изъ фотографій: „Харламіи Плотичинъ“, „Егоръ Плотичинъ“, „Анна Сафоница“, „Лебедевъ“, „Федосьевъ, Ковалевъ и Петровъ въ арестантскихъ одеждахъ“, „Козьма Ковалевъ“, „Козьма Федосьевъ“ и „Михаилъ Петровъ“, портреты Селиванова на деревѣ и желѣзѣ. Акварелей всего три: „Борьба дьявола со смертію“, „Апофеозъ Павла I“; картины на полотнѣ: „Борьба христіанина съ бѣсомъ Аполліономъ“, „Христіанинъ на пути добродѣтели“, „Добрый пастырь съ нѣсколькими агнцами“, „Распятіе плоти“, „Борьба христіанина съ плотью и міромъ“ и „Изліяніе благодати“. Кромѣ того на полотнѣ изображены еще портреты Петра III, Шилова и Селиванова. Послѣдній представленъ во многихъ экземплярахъ. Интересны модели старообрядческаго скита, такихъ моделей 5.

Въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ описана и поступила въ общее пользованіе теософическая бібліотека Е. П. Блаватской, пожертвованная музеямъ еще въ прошломъ году г-жей Желиховской. Библіотека содержитъ около 300 томовъ, большая часть которыхъ — на англійскомъ языкѣ.

Въ 1907 году азіатскій музей приобрѣлъ слѣдующія рукописи: 60 персидскихъ, 13 палійскихъ, 5 арабскихъ, 5 еврейскихъ, 5 камбодисскихъ, 5 сингалезскихъ, 2 еврейско-персидскихъ и одну сіамскую.

Кромѣ того купленъ рукописный русско-манчжурскій словарь. Въ даръ полученъ былъ большой атласъ Китайской имперіи на китайскомъ языкѣ. Отдѣлъ восточныхъ изданій пополнился произведеніями печати, издающимися въ Казани, Оренбургѣ, на Кавказѣ и въ Туркестанѣ.

Обдорскій Этнографическій Музей при церковно-миссіонерской библіотекѣ¹⁾. Существующее уже четвертый годъ Обдорское миссіонерское Братство св. Гурія,—исходя изъ того положенія, что, „для успѣха своихъ дѣйствій въ инородческой средѣ“, оно должно было „стать не только церковно-миссіонерскимъ учрежденіемъ, но и культурнымъ“, „должно было сдѣлаться... маякомъ для всего населенія Обдорскаго края безъ различія народностей, будь то остяки, самоѣды, зырянскіе самоѣды, татары“,—открыло церковно-миссіонерскую библіотеку, въ которой „однимъ изъ главныхъ отдѣловъ, между прочимъ, считается отдѣлъ о сѣверѣ Россіи вообще и Тобольскомъ сѣверѣ въ частности“. Этотъ отдѣлъ содержитъ въ себѣ литературу объ инородцахъ названныхъ мѣстностей, знакомство съ которою, по мысли Братства, должно было помочь его членамъ въ дѣлѣ изученія быта и жизни инородцевъ, безъ чего невозможно пріобрѣсти вліяніе на инородческое населеніе. Находя, что литература эта страдаетъ крупными недостатками, Братство, для облегченія изученія жизни и быта инородцевъ, открыло при библіотекѣ музей подъ названіемъ „Хранилище коллекцій по этнографіи инородцевъ Тобольскаго сѣвера“. Въ журнальномъ постановленіи Братства объ открытіи музея въ слѣдующихъ выраженіяхъ рисуется ожидаемая отъ него польза: „Коллекціи изъ жизни и быта инородцевъ Тобольскаго сѣвера будутъ обрисовывать аборигеновъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онѣ будутъ давать возможность всѣмъ непосвященнымъ въ тайны инородческой жизни приподнимать завѣсу религиозныхъ убѣжденій инородцевъ, проникать въ сущность ихъ завѣтныхъ пожеланій; эти коллекціи будутъ обрисовывать умъ и сметку инородцевъ, давать свѣдѣніе о суммѣ ихъ знаній, добытыхъ въ вѣковой борьбѣ съ суровой природой крайняго сѣвера. Хранилище коллекцій будетъ обрисовывать инородцевъ, какъ людей, возбуждать къ нимъ жалость въ одномъ отношеніи, уваженіе въ другомъ, будетъ пробуждать у колонистовъ челоуѣчность къ нимъ, расположеніе, желаніе помочь и т. д.“ Съ своей стороны, пожелаемъ дальнѣйшаго развитія учрежденію, преслѣдующему, кромѣ научныхъ, и столь категорически выраженныя гуманныя цѣли по отношенію къ инородцамъ нашего сѣвера.

Ходатайство Императорской академіи наукъ. Академія наукъ обратилась къ министру народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о сохраненіи въ Россіи коллекціи по египтологіи В. С. Голенищева. Британскій музей предлагаетъ собственнику коллекціи миллионъ

¹⁾ См. „Православный Благовѣстникъ“ 1907, т. III, № 22, ноябрь, кн. 2-ая, статья Настоятеля Обдорской миссіи игумна Иринарха о дѣятельности Обдорскаго Братства св. Гурія.

рублей В. С. Голенищевъ согласенъ уступить свою коллекцію академіи наукъ за 500.000 руб.

Членомъ полтавскаго церковнаго историко-археологическаго комитета А. В. Пясецкимъ доставлены въ церковный музей при архіерейскомъ домѣ нижеслѣдующіе старинные предметы: 1) Евангеліе, изданное во Львовѣ въ 1693 году, съ интереснымъ предисловіемъ рисунками, миниатюрами и надписями на поляхъ; 2) серебряная вызолоченная чаша 1693 года; 3) покровецъ XVI—XVII в. съ вышитыми на немъ символическими изображеніями, 4) бисерный вѣнецъ XVII в.; 5) два большихъ ковра 1827 года; 6) двѣ древнихъ иконы и проч. Въ послѣднее время музей этотъ обогатился также множествомъ старинной церковной утвари, облачений и другихъ предметовъ, доставленныхъ членомъ комитета священникомъ Владиміромъ Трипольскимъ и присланныхъ по почтѣ настоятелями церквей.

Въ Черниговѣ губернскій предводитель дворянства князь В. Д. Голицынъ на дняхъ принесъ въ даръ историческому музею губернской ученой архивной комиссіи весьма цѣнное собраніе рукописей XVII и XVIII вѣковъ. Между рукописями имѣется значительное количество подлинныхъ универсаловъ и писемъ гетмановъ Мазепы, Скоропадскаго, Апостола и другихъ малороссійскихъ дѣятелей.

Коллекція вышивокъ. Кіевскій Этнографическій Музей получилъ очень большую коллекцію Украинскихъ деревенскихъ вышивокъ отъ „Управленія Юго-Западныхъ ж. д.“ Коллекція представляетъ изъ себя вышитыя части рубашекъ и другіе старые лоскутки, покупаемые по всей Украинѣ для протиранія въ поѣздахъ колесъ и т. п. Въ Кіевскомъ музеѣ вышивки приводятся въ порядокъ, нашиваются на картонъ и получаютъ крайне интересныя таблицы образчиковъ всякаго рода вышиванія — „занызування“, „вырізування“, „мерѣжки“, „настиланна“ (гладью), „хрѣстыка“ (крестиками) и т. п.

Какъ сообщаютъ „New York Tribune“, американскій естественно-историческій музей обогатился, благодаря бельгійскому королю Леопольду, очень цѣнной коллекціей, состоящей изъ 700 предметовъ, иллюстрирующихъ жизнь туземныхъ обитателей свободнаго государства Конго. Коллекція должна пополниться еще многими предметами, которые будутъ присланы позднѣе. Музей занять въ настоящее время составленіемъ особаго отдѣла, посвященнаго государству Конго, и собираетъ все, что характеризуетъ религіозный культъ, искусство, промышленность, нравы и обычаи какъ цѣлаго государства Конго, такъ по возможности и отдѣльныхъ его частей.

Перенесеніе исторической церкви. Построенная въ г. Ромнахъ послѣднимъ кошевымъ атаманомъ Запорожской Сѣчи, Петромъ Кал-

нишевский, покровская церковь переносится, согласно желанію полтавскаго пресвященнаго Іоанна, въ Полтаву. Церковь эта представляетъ большую цѣнность, какъ замѣчательный памятникъ украинскаго искусства.

Промыселъ древностями. Въ с. Каргѣ Днѣпровскаго уѣзда крестьяне открыли небездоходный промыселъ отыскиванія и сбыта древностей. Въ Каргѣ организовалась, по словамъ „Никол. Газ.“, компанія изъ крестьянъ для эксплуатаціи древностей, которыми изобилуетъ почва этого села. Въ минувшую зиму они выкопали желѣзные удила и стремена, точильные камни, перламутровыя украшенія, мѣдныя шилья, копыя, пряжки, тазъ, горшокъ, кожаный поясъ съ серебрянными и золотыми украшениями, серебряную крышку; золотыя вещи: чашечку, два браслета, десять пластинокъ, серьгу съ камнемъ и полумѣсяцъ. По указанію земскаго начальника крестьяне съ этими вещами явились на Голую Пристань къ уполномоченному археологической комиссіи Гошкевичу, но послѣдній въ это время находился въ Петербургѣ; тогда земскій начальникъ отправилъ всѣ драгоцѣнности въ Одессу къ профессору фонъ-Штерну. Остальныя вещи нынѣ отобраны у крестьянъ и предъявлены г. Гошкевичу. По его заключенію, самыми древними изъ нихъ являются точильные камни, мѣдныя копыя и шилья: это издѣлія киммерійской эпохи не позже VII столѣтія до Рожд. Хр.; остальные предметы относятся къ періоду средневѣковыхъ кочевниковъ.

Докладъ о кобзѣ и „кобзарствѣ“. Екатеринославское Общество „Просвѣта“ устроило очень интересный докладъ: Эварницкій, извѣстный знатокъ Украинской старины, далъ историческій обзоръ кобзарства съ древнѣйшихъ временъ, указывая на существованіе кобзы, кромѣ другихъ племенъ, у Половцевъ. Интересны были въ этомъ докладѣ свѣдѣнія о кобзарствѣ въ Запорожской Сѣчи и объ игрѣ на кобзѣ въ старое козацкое время. „Просвѣта“ думаетъ устроить цѣлый рядъ такихъ докладовъ, несмотря на то, что ей мѣшаетъ отсутствіе своего помѣщенія. Для дополненія доклада Эварницкаго былъ приглашенъ кобзарь Ткаченко, исполнившій послѣ доклада нѣсколько кобзарскихъ пѣсень. Вечеръ имѣлъ огромный успѣхъ.

Запись пѣсень съ помощью фонографа. О. Бородай передалъ профессору Миргородской художественно-промышленной школы О. Сластіону нѣсколько фонографовъ для записыванія народныхъ пѣсень. Съ помощью тѣхъ фонографовъ О. Сластіонъ записалъ отъ полтавскихъ кобзарей много историческихъ украинскихъ пѣсень, между ними нѣсколько очень цѣнныхъ старинныхъ думъ.

Только что вышедшая въ Америкѣ американская миссіонерская „Синяя книга“ сообщаетъ слѣдующія статистическія данныя о религіяхъ земного шара.

Все человечество, состоящее въ настоящее время изъ 1.563.446.000 душъ, распадается на 588.862.000 христіанъ, въ свою очередь раздѣляющихся на 272.638.500 римско-католиковъ, 166.066.000 протестантовъ и 120.157.000 православныхъ вмѣстѣ съ древними восточными сектами, на 11.222.000 евреевъ, 216.630.000 магометанъ, 137.935.000 буддистовъ, 209.659.000 индусовъ, 231.816.000 конфуціанъ и таоистовъ, 24.900.000 шинтоистовъ, 157.069.500 анимистовъ, фетишистовъ и т. п. и 15.353.000 другихъ болѣе мелкихъ языческихъ сектъ.

Интересно сравнить эти цифры съ цифрами, данными ученымъ нѣмецкимъ іезуитомъ Г. А. Крозе въ его работѣ о распространенности важнѣйшихъ религій на землѣ въ концѣ прошлаго вѣка (см. *Stimmen aus Maria Laach*, 1903 г. томъ 65, стр. 16—33, 187—306). Здѣсь число католиковъ указывается—264.506.000, протестантовъ—166.627.000, православныхъ—109.147.000, раскольниковъ—2.173.000, восточныхъ христіанскихъ сектъ—6.555.000, евреевъ—11.027.000, магометанъ—202.048.000, индусовъ (браманистовъ?)—210.100.000, буддистовъ—120.250.000, послѣдователей древнихъ индійскихъ сектъ—12.114.000, конфуціанъ и послѣдователей культа предковъ—235.000.000, таоистовъ—32.000.000, шинтоистовъ—17.000.000, фетишистовъ и другихъ язычниковъ—142.700.000, прочихъ сектъ—1.844.000.

Согласіе тѣхъ и другихъ цифръ, полученныхъ различнымъ путемъ, является ручательствомъ за ихъ достовѣрность. Меньшая величина послѣднихъ объясняется тѣмъ, что онѣ относятся къ болѣе раннему времени, а нѣкоторое разногласіе относительно языческихъ религій Азии и Африки объясняется трудностью ихъ исчисленія.

Этнографическій составъ населенія Болгаріи. Въ Пражскомъ журналѣ „*Narodopisny Vestnik českoslovansky*“ (1908, № 2—3) помѣщенъ очеркъ Л. Нидерле о численномъ отношеніи различныхъ народностей въ княжествѣ Болгарскомъ, на основаніи однодневной переписи населенія 31 декабря 1900 г., обработанной въ официальномъ изданіи: „Результати отъ прѣброяване на населението въ Кн. България“ и пр. Софія. 1902—1904. Различныя народности по этой переписи распредѣляются такъ:

Болгары	2.864.735	Греки	66.702
Помаки	20.644	Цыгане	89.563
Сербы	1.516	Евреи	31.611
Турки	531.217	Армяне	14.481
Гагаузы	9.862	Румыны	71.023
Татары	18.884		

Кромѣ болгаръ, имѣются, слѣд., еще 10 народностей, составляющихъ около 22% населенія. Изъ десяти округовъ болгары значительно преобладаютъ въ семи, тогда какъ въ трехъ округахъ (Шуменскомъ, Варненскомъ и Русчукскомъ) число болгаръ уступаетъ числу другихъ народностей. Наиболѣе многочисленная послѣ болгаръ народность—турки, живущіе, главнымъ образомъ, въ Русчукскомъ округѣ (150 т.), въ Шуменскомъ—(131 т.) и Варненскомъ—(107 т.).

Помаки—это болгары-мусульмане, ихъ всего больше въ Пловдивскомъ округѣ; гагаузы—это крещенные потомки турко-татаръ, говорящіе по-турецки; они живутъ почти исключительно въ Варненскомъ округѣ. Послѣ турокъ наиболѣе многочисленная народность—цыгане, разсѣянные по всѣмъ округамъ, затѣмъ румыны, живущіе по Дунаю, въ Видинскомъ, Врацкомъ, Руссукскомъ, также Плевненскомъ округахъ. Поселенія грековъ расположены, главнымъ образомъ, по побережью Чернаго моря, въ Бургасскомъ округѣ, затѣмъ въ Пловдивскомъ. Евреи разсѣяны по всѣмъ округамъ, но больше всего въ Софійскомъ; въ городѣ Софіи на 51.341 болгаръ приходится 8.725 евреевъ и 1.642 цыгана. Татаръ всего больше въ Варненскомъ, Руссукскомъ и Шуменскомъ округахъ. Очень мало насчитано сербовъ (меньше, чѣмъ считали прежде). Въ приведенномъ перечнѣ не приведены нѣкоторыя другія народности, представленныя незначительными цифрами. Въ числѣ ихъ есть русскіе (село Татарица около Силистріи), словаки (Горна Митрополья въ Плевненскомъ округѣ, гдѣ они составляютъ $\frac{1}{4}$ населенія), чехи (558 чел.), нѣмцы и др. Среди православныхъ болгаръ есть католики (павликіяне), живущіе, главнымъ образомъ, въ околицахъ Никопольской и Систовской. Грамотность (умѣніе читать и писать) выражается, въ среднемъ, цифрою 28,4⁰/о; она болѣе распространена въ округахъ: Руссукскомъ, (38,5⁰/о), Шуменскомъ (35,9⁰/о) и Варненскомъ (34,8⁰/о). Въ городахъ грамотныхъ больше: въ Софіи, Русукѣ, Варнѣ доходитъ до 60⁰/о. Въ сосѣднемъ Сербскомъ королевствѣ средній процентъ грамотности меньше—21⁰/о. („Землевѣдѣніе“, 1908, № 1).

А.

Хроника составлена Н. Виноградовымъ.

Открыта подписка
НА
ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ ГАЗЕТУ,
выходящую во Владивостоке, Приморской области,
„Уссурийская Молва“

подъ редакціей **М. К. Мукалова** (фактич. редактора прекрат.
газеты „Волна“) при ближайшемъ участіи **Н. И. Степанова**.

Газета „УССУРИЙСКАЯ МОЛВА“ выходитъ по слѣдующей программѣ:

- 1) Нашъ край, его нужды и интересы.
- 2) Статьи по вопросамъ общаго характера.
- 3) Фельетонъ на разныя темы.
- 4) Беллетристика и поэзія оригинальная и переводная.
- 5) Хроника городская и по краю.
- 6) Корреспонденціи областныя и изъ Россіи.
- 7) Судебная хроника.
- 8) Письма изъ деревни.
- 9) Переселенцы, ихъ бытъ и нужды. Редакція отвѣчаетъ на запросы и дѣлаетъ всевозможныя справки по переселенческому и крестьянскому вопросамъ.
- 10) Исторія, этнографія и географія Приморской области.
- 11) Записки о дѣятеляхъ края.
- 12) Торгово-промышленный отдѣлъ.
- 13) Правительственныя распоряженія и разъясненія Сената.
- 14) Литература, критика и библиографія.
- 15) Справочный отдѣлъ.
- 16) Владивостокскій театръ и новости искусства.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на годъ—4 руб., на полгода—2 руб. 50 коп.,
на четыре мѣсяца—1 руб. 50 коп.

Съ 15-го августа, начала выхода газеты, по 1-е января 1909 г. — 1 руб. 50 коп.

Подписка и объявленія принимаются — Свѣтланская, 85 (противъ Портовой конторы), въ штемпельной мастерской и типографіи „б. Е. Ф. Григорьевой“.

Редакція: Мальцевская, 15, кв. 2. * По почтѣ: Владивостокъ, „Уссурийская Молва“.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библиографія.

СТРАН.

1. Рецензїи на: П. И. Явобій. Вятичи Орловской губ. *Э. Пекарскаю*.—Труды Т. Д. Флоринскаго. *А. И. Соболевскаю*.—А. Кауфманъ. Къ вопросу о происхожденіи русской земельной общины. В. И. Сергѣевичъ. Время возникновенія крестьянской поземельной общины. *Э. П.*—Я. П. Новицкій. Малороссійская и Запорожская старина. Его же. Малорусскія историческія пѣсни. *В. В. Данилова*.—В. Давиловъ. Къ характеристикѣ И. Г. Кулжинскаго. *Н. В-ва*.—Е. О. Карскій. Матеріалы для изученія бѣлорусскихъ говоровъ. *В. У. А. Сергѣевскаю*.—Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ, ч. IX. *С.*—D-г W. Radloff. Die jakutische Sprache... *С.*—D-г Krauss. Slavische Volksforschungen. II. Б. 243
2. Журналы за 1908 г. *Н. В.* 244
3. Новости этнографической литературы. *Н. В.* 245

Приложеніе.

4. Указатель къ „Живой Старинѣ“ за 15 лѣтъ ея существованія. Сост. *Н. Виноградовъ* 1—16

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь. Хроника.

1. Пережитки цеховой организаціи въ м. Берестечкѣ. *Ив. Абрамова* 261
2. Свадебная сказка во время смотринъ. *Н. Омчукова* 261
3. Хроника. Сост. *Н. Виноградовымъ* 264

ЖИВАЯ СТАРИНА,

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

XVII
годъ изданія
1908

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

XVII
годъ изданія
1908

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОЩЕСТВА,

подъ редакціею Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи В. И. Ламанскаго и члена-сотрудника Н. Н. Виноградова, въ XVII году своего существованія будетъ выходить четырьмя выпусками по 10—12 листовъ въ каждомъ (въ февралѣ, маѣ, сентябрѣ и ноябрѣ). При достаточномъ количествѣ подписчиковъ число выпусковъ будетъ доведено до шести.

Программа журнала: Изученіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей расъ, племенъ, народностей Россіи и соплеменныхъ и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодѣйствія въ далекомъ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной поэзіи, быта, — вообще живой народной старины; критическій и библиографическій обзоръ литературы народовѣдѣнія.

Вступая въ XVII годъ изданія, редакція „Живой Старины“ пригласила къ участію въ журналѣ многихъ ученыхъ специалистовъ и молодыхъ работниковъ по этнографіи и народной словесности и рѣшила обратить особенное вниманіе на полноту и свѣжесть отдѣла критики и библиографіи. При одномъ изъ выпусковъ, въ видѣ приложенія—отдѣльною книжкою, будетъ разосланъ „Указатель“ къ журналу за 15 лѣтъ (60 вып.) его существованія.

Подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ—5 р. съ доставкою, для иногородныхъ—5 р. 50 к. и за границу—6 р., для книжныхъ магазиновъ скидка по соглашенію, соразмѣрно количеству требуемыхъ экземпляровъ, для сельскаго духовенства, учителей и учащихся—2 р. 75 к. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старины“ (Спб., у Чернышева моста).

Редакція.